

Неверов Святослав Витальевич

Общественно-языковая практика современной Японии. Изд. 2-е, стереотипное. — М.: КомКнига, 2005. — 152 с.

ISBN 5-484-00095-5

Книга посвящена подробной характеристике и критическому описанию одного из важнейших направлений японской лингвистики, получившего название школы «языкового существования».

Данное направление возникло в послевоенный период как попытка теоретического осмысления современного этапа развития японского языка и обоснования языковой политики. Оно изучает проблемы коммуникации и функционирования языка в обществе, вопросы рационализации коммуникаций, типологию действий и основные правила их проявления. Автор дает анализ процесса формирования и причин зарождения на японской почве этой оригинальной лингвистической концепции и критику некоторых ее положений с позиций отечественного языкознания.

Рекомендуется филологам-японистам, социологам, психологам, а также всем интересующимся японским языком.

#####

ВВЕДЕНИЕ

Значительные изменения социального, экономического и политического характера, которые произошли в Японии в послевоенный период, научно-технический прогресс, бурный рост

промышленности, увеличение объема и плотности информации, быстрое развитие средств массовой информации обусловили определенную перестройку сложившейся в стране общественно-языковой практики, что в свою очередь привлекло внимание к проблемам эффективности речевой коммуникации общества.

В этой связи не могут быть оставлены без внимания некоторые специфические черты процесса формирования японского национального литературного языка и та роль, которую играет заимствованная более тысячи лет тому назад из Китая иероглифическая письменность. В последние десятилетия в Японии усилия многих ученых-филологов, широкой общественности и органов языковой политики сосредоточились на исследовании проблем речевого общения, речевой деятельности японского общества. Развернувшиеся широкие эмпирические исследования и обследования реальной картины общественно-языковой практики Японии потребовали и специального теоретического обоснования. Весь этот круг проблем получил в Японии название «языкового существования», что в дальнейшем привело к выделению в японской лингвистике отдельного направления, т.е. к появлению теории языкового существования.

В Советском Союзе начало исследованию теории языкового существования как специального японоведческого вопроса было положено академиком Н.И. Конрадом. В своей известной работе «О языковом существовании» Н.И. Конрад наметил основные пути изучения этого направления японской национальной филологии.

Н.И. Конрад показал, что изучение языкового существования как специального явления в японской филологии представляет собой отдельную востоковедную проблему, что в рамках японской филологической науки сложилась некая особая область знания, которая не поддается адекватной интерпретации понятиями европейской лингвистики, поскольку «...речь идет не о языке, как

таковом, а о языковом существовании человека, т.е. об одной из форм человеческого существования вообще» [29, с. 7].

Следует сказать, что основные понятия языкового существования, хотя и призваны исследовать язык, не сопоставимы с представлениями европейского языкознания о языке как системе знаков (системе синтагм и парадигм). Методы языкового существования также нельзя рассматривать как аналогичные методам анализа семантики языковых знаков в плане как психологии речи, так и социологии речи. Н.И. Конрад констатировал, что исследование языка в теории языкового существования «...требует развертывания огромной работы по чисто эмпирическому обследованию целых областей речевой практики — устной и письменной». Далее Н.И. Конрад писал: «Следует учитывать и то, что в процессе подобных исследований идет и разработка самой методики обследования, проверка предложенных методов, выработка новых» [29, с. 13].

Теория языкового существования сложилась в послевоенный период и продолжает активно развиваться в настоящее время. Поэтому изучение японской теории языкового существования представляет собой одновременно исследование по новейшей японской филологии. Необходимость такого рода исследований также была обоснована Н.И. Конрадом. В работе «Старое востоковедение и его новые задачи», утверждая, что «задачи специального изучения истории, литературы, экономики и т.д. народов Востока полностью сохраняют свою силу...», он одновременно выражает озабоченность: «...не отходят ли эти отрасли востоковедения в круг своих дисциплин — истории, экономики, литературоведения, языкознания и т.д.?» [30, с. 16]. Н.И. Конрад убедительно показывает, что кроме специального изучения, в частности лингвистического, есть еще и востоковедное, целью которого является, во-первых, комплексное прочтение текстов и, во-вторых, типология цивилизаций, изучение культуры народов Востока с точки зрения их собственной системы понятий. В итоге этих рассуждений Н.И. Конрад приходит к выводу, что «...востоковедение как особая отрасль научного исследования будет существовать до тех пор, пока не будет достигнута его новая цель — способствовать своим

материалом разработке общей теории, охватывающей все стороны истории и культуры человечества...» [30, с. 31].

Как свидетельствует Н.И. Конрад, большинство теоретических работ, посвященных языковому существованию, направлено прежде всего на разрешение вопросов языковой практики. В рамках исследований по языковому существованию осуществляется на практике совершенствование речевой коммуникации в современной Японии, упорядочение ее, приспособление речевой коммуникации к нуждам современного развитого общества. Поэтому с точки зрения японоведения изучение теории и практики языкового существования непосредственно связано с раскрытием некоторых черт жизни современного японского общества. Язык — одна из существеннейших сторон жизни общества, один из самых важных общественных институтов. Речевая коммуникация во многом зависит от технического и общественного прогресса и в значительной мере определяет стиль жизни. Поэтому целью исследований по языковому существованию, предпринимаемых в японоведении, является изучение не только определенной области японской филологии, но и важнейших сторон жизни современного японского общества.

Японская теория языкового существования развилась на национальной почве, хотя проблемы, решаемые этой теорией, свойственны в принципе любому промышленно развитому обществу. Однако трудно представить себе реальную возможность заимствования положений японской теории языкового существования советской или какой-либо другой филологической практикой. Всякая национальная филология обладает своей классификацией, своим типом деления филологических дисциплин, своими формами контактов между этими дисциплинами. Иными словами, картина каждой национальной филологии своеобразна, и механическое заимствование, перенесение положений одной национальной филологии в другую не может привести к успеху.

Знакомство с теорией языкового существования, на наш взгляд, даст интересную информацию о том, как японская филология решает актуальные вопросы японской общественно-языковой практики.

Некоторые черты японской теории языкового существования для европейского восприятия представляются весьма привлекательными, другие кажутся довольно примитивными. Однако следует отдавать себе отчет в том, что теория языкового существования, равно как и практика нормирования речевой коммуникации, образует единую систему, из которой не может быть исключен ни один элемент.

Оценку этой теории удобно произвести путем сопоставления ее структуры со структурой европейской и — уже — русской филологии. Такое сопоставление не имеет целью показать особые преимущества или, наоборот, дефекты теории языкового существования. Оно осуществляется ради того, чтобы дать более детальное представление о самой теоретической основе этого своеобразного явления в культурной жизни японского общества.

В настоящей книге материал организован в соответствии с природой предмета исследования. Порядок изложения, приводимый ниже, сложился в результате чтения и анализа разнообразных японских работ, осуществляемых в рамках языкового существования, и отражает не только единство системы взглядов языкового существования, но и противоречия, прежде всего теоретические, свойственные этому научному направлению. Таким образом, данное исследование строится по следующему плану:

- 1) история японского языка, основанная преимущественно на данных, зафиксированных в теории языкового существования;
- 2) теоретические расхождения внутри самой теории языкового существования;
- 3) нормирование состава языковых единиц современного японского языка и кодификация языковой нормы;

4) нормирование актов речевого общения в японской теории языкового существования;

5) сопоставление данных теории языкового существования с данными поэтики и риторики; сопоставление теории языкового существования с учением о родах, видах и разновидностях словесности; сопоставление теории языкового существования с понятиями лингвостилистики.

Для того чтобы вводимый далее материал был понятен, необходимо предварить изложение истолкованием термина гэнго-сэйкацу 'языковое существование'.

Термин «языковое существование» является собственно японским, т.е. он не привнесен ни из одной из лингвистических традиций, с которыми соприкасалась японская филология. Этот термин, как и большинство научных японских терминов, составлен из бытующих в японском языке китайских слов — канго. Но в данном случае это лишь этимологическое сродство, так как китайская филологическая традиция ни в древности, ни в средние века, ни в новое время, когда она подверглась европейскому влиянию, не предложила понятия, похожего на «языковое существование». В европейской лингвистике и в современных американских лингвистических школах мы тоже не можем отыскать прямого аналога этому термину, хотя, как будет показано ниже, японские теоретики для объяснения своих положений нередко прибегают к идеям и терминам, почерпнутым из трудов Л. Блумфилда и Ф. де Соссюра, одного из основоположников и теоретиков современного европейского языкознания. Таким образом, термин «языковое существование» не представляет собой кальку с какого-либо из европейских языков, данную средствами канго. Такие кальки нередко встречаются среди японских терминов других наук, например химии, биологии, физики и др.

Этимологически термин гэнго-сэйкацу представляет собой атрибутивное словосочетание: определяемым членом является сэйкацу (кит. шэнхо) 'существование', 'жизнь', а определяющим — гэнго

(кит. юйянь) `язык`. Термин сложился путем объединения слов, передающих два понятия — «язык» и «жизнь». С точки зрения буквального перевода на русский язык атрибутивное сочетание слов язык и жизнь должно было бы значить «жизнь языка» и, следовательно, скорее всего интерпретироваться в духе «биологической» концепции А. Шлейхера, уподоблявшего язык организму, или в духе представления о том, что язык есть общественный институт, который имеет свою «жизнь», т.е. историю. Иными словами, буквальный перевод увел бы нас в сторону от истинного значения термина. Подобная трактовка сочетания гэнго-сэйкацу совершенно неверна. Японская филология, как, впрочем, и любая другая филология, в настоящее время не имеет связи с «биологической» теорией Шлейхера, а для представления об истории языковой системы в японском языкознании существует ряд специальных терминов, которые в своем большинстве представляют собой китайские (канго) кальки с европейских языков.

Смысл термина гэнго-сэйкацу можно понять, если рассмотреть три близких по значению японских слова: сэймэй, сондзай и сэйкацу. Хотя эти три слова переводятся на русский одинаково— `жизнь`, `существование`, их значения в японском языке совершенно различны, так как понятия «жизнь» и «существование» различаются в нем гораздо строже, чем в русском [29, с. 6].

Слово сэймэй означает по сути дела «жизнь человека», т.е. то, что дает жизненные силы живому организму или человеку. Но это слово не может быть понято, например, как «бытие» (скажем, планетарных систем).

Что касается слова сондзай, то оно прежде всего передает идею бытия, наличия какого-либо предмета, вещи, состояния в определенный момент времени. Его смысл может быть определен как существование одних объектов, соизмеренное с существованием других, соположенное и сопоставленное с ним. При этом неважно, о чем идет

речь, — о людях, животных, планетарных системах, научных концепциях, экономических системах и т.п.

Если слова сэймэй и сондзай имеют одно витальный, а другое событийный смысл, представляют собой определенную детализацию понятия «существование» и носят поэтому «приподнятый» стилистический характер, то слово сэйкацу выражает бытовое состояние существования, с одной стороны, и высокую философскую абстракцию — с другой. Его содержание как бы глубже, недетализированнее смысла обоих предшествующих слов. Применительно к человеку в обычном бытовом общении оно может значить просто «вести жизнь», т.е. «жить, как все люди живут». В то же время слово сэйкацу используется и для обозначения жизни животных, птиц, рыб, насекомых, — словом, всего того, что «плодится и населяет Землю». Поэтому слово сэйкацу может иметь как глубокий абстрактный смысл, связанный с философским представлением о бытии всего живого существа, так и значение просто биологического существования. Слово гэнго 'язык' употребляется в науке и практике, как известно, достаточно часто во многих разных значениях, а полное определение круга его значения — все еще не решенная проблема.

Таким образом, оба указанных понятия, каждое из которых не определяется строго, связываются как форма с содержанием, и их соединение означает, что жизнь проявляется по-разному, в том числе и в форме языка, или, иначе говоря, жизнь наряду с другими своими формами обретает и языковую форму.

Поскольку даром речи наделен только человек, языковое существование есть форма человеческого существования.

Японские филологи далеки от примитивной биологизации представления о человеческом существовании. Они прекрасно понимают, что биологическое проявление жизни (сэйкацу) человека (в отличие от животного) протекает в социальных формах. Человеку свойственно общаться с помощью языка, участвовать в

коммуникативных актах в процессе труда, во время разного рода занятий (спортом, искусством и пр.), в бытовом общении и т.д., и это есть форма его существования, или жизни.

Следовательно, термин «языковое, существование» подразумевает прежде всего жизнь человека в одном из ее социальных проявлений — в языке. При этом язык как проявление этой жизни составляет одно из необходимых условий существования человека.

Таким образом, термин «языковое существование» понимается как бытие человека, проявляющееся в его действиях, связанных с речевым общением, которые и составляют полноценность человеческой жизни и противопоставляют его как существо социальное животному миру. В этом термине исходным является не понятие языка, что было бы естественным для европейской лингвистики, а идея жизни человека, и наиболее удачным переводом, хотя и очень далеким от прямого смысла термина, было бы, пожалуй, слово «антрополоингвистика» при понимании антропологии как науки о человеке вообще.

Однако и эта трактовка термина гэнго сэйкацу, в которой мы пытались передать его образный смысл, не исчерпывает все же до конца той общей идеи, которая в него вложена. Поэтому удобнее пользоваться термином «языковое существование» и попытаться раскрыть сущность этой теории, привлекая некоторые общие суждения японских филологов и конкретные примеры исследований в данной области.

Глава 1

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЯПОНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА И ИХ СВЯЗЬ С ПРОБЛЕМАМИ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

О процессе развития японского литературного языка

Можно предполагать, что зарождение теории языкового существования именно на японской почве объясняется некоторыми специфическими чертами системы японского языка и особенностями формирования национального литературного языка в Японии, определенным образом повлиявшими на его систему.

Важнейшим событием в истории развития японского языка явилось заимствование японцами в VI—VII вв. китайской иероглифической письменности, а вместе с ней и значительного числа китайских текстов, содержащих совершенно незнакомые для Японии понятия высокоразвитой к тому времени китайской науки, культуры, политики, экономики, права и государственного устройства. Новые для японцев понятия были выражены китайскими словами, чуждыми японскому языку по своему звуковому и морфологическому составу, но постепенно усваивавшимися японским языком, уровень развития которого в тот период не позволял передать эти понятия на базе исконно японской лексики.

На китайском языке были записаны и первоначально создававшиеся в Японии тексты. «Так, создается первая в Японии китайская поэма; принц Сётоку пишет на китайском языке свои «законы» — своего рода декларацию этических принципов для просвещения своих подданных» [32, с. 49]. На китайском же языке в 720 г. был написан известный историографический памятник «Нихонги» («Анналы Японии»).

Археологические данные говорят о том, что в начале VIII в. китайские иероглифы были хорошо известны не только в центре, но и в отдаленных районах страны и широко использовались и разного рода записях, касающихся хозяйственных дел, в документах и в переписке, причем употреблялись они и вне связи с их идеографическим значением, а только как слоговые буквы для записи исконных японских слов (так называемое письмо манъё:гана). В IX—X вв., когда на базе иероглифики сложились японская слоговая азбука кана, появилась возможность записи японских слов азбучным письмом. Это

способствовало распространению грамотности, расцвету японского письменного языка.

В IX—XIV вв. появляются выдающиеся произведения японской литературы, написанные азбучным или смешанным азбучно-иероглифическим письмом (жанр дневников — никки и романов — моногатари).

Н.И. Конрад считает, что на рубеже X—XI вв. «чистый» японский язык — ямато, воспринявший китаизмы лишь в минимальной, не искажающей его облик дозе, достиг замечательного развития. Далее, однако, он отмечает, что если обратиться к фактам истории японского языка того времени, то мы увидим перед собою, в сущности, два процесса: постепенное развитие (в силу внутренних факторов) японского языка и постепенное внедрение в него китайского [32, с. 156].

Так к XIII в. формируется так называемый смешанный китайско-японский стиль (вакан-конко:бун), характерный для гунки — основного повествовательно-описательного жанра эпохи Камакура (1192—1333), жанра героической повести, который по своему содержанию, задачам и художественно-выразительным особенностям не мог удовлетвориться только фиксируемой азбучным письмом японской исконной лексикой, получившей развитие в жанре изящного романа — моногатари. Позже, когда китаизмы в еще большем объеме внедряются в японский литературный язык и органически входят в его структуру, создается новый «японо-китайский гармонический стиль» (вакан-тё:ватай), дальнейшей модификацией которого является японский классический литературный язык средневековья — бунго.

Что же касается устной формы японского языка, то она развивалась независимо или почти независимо от этих литературных стилей на базе диалектов, а связанная с неоднократным переносом столицы в разные районы страны смена опорного диалекта как образца литературного произношения постепенно все увеличивала расхождение между

существующей лишь в устном общении и зафиксированной на письме формами языка с точки зрения и состава лексики и норм произношения и словоупотребления.

Развитие японского литературного языка вплоть до периода формирования национального литературного языка представляет собой своеобразную картину, поскольку японский язык занимает промежуточное, среднее положение между двумя типами формирования национального литературного языка как двумя полюсами, представленными, с одной стороны, европейскими языками и, с другой — китайским.

Характерной особенностью истории национальных литературных языков большинства европейских стран является то, что их устно-письменная литературная норма образовалась независимо от письменных языков этих стран, т.е. классических языков — греческого и латыни, на основе местных, так называемых вульгарных языков. Так было, например, во Франции, где с XI— XII вв. начали создаваться литературные произведения на старофранцузском языке [26, с. 217—265].

Иначе шло развитие китайского литературного языка. Его становление представляло собой взаимодействие двух языковых форм при непосредственном продолжении единой письменной традиции; с одной стороны, письменного литературного языка вэньянь, восходящего к языку китайских канонических книг, и, с другой — «просторечного» литературного языка байхуа, которым начиная со II в. записывались буддийские тексты и проповеди. Эти две формы единого китайского литературного языка в равной мере опирались на единый лексикографический норматив, постоянно развиваемый китайской филологией.

В истории развития китайского языка объединение стилей вэньянь и байхуа в один язык можно объяснить скорее всего особенностями лингвистической системы. Нормирование китайского литературного

языка через словарь позволяло объединять в словарях обе нормы и не составлять разных руководств для каждой из норм, представляя их как определенные функциональные стили» [1, с. 116]. Таким образом, формирование китайского национального литературного языка не знало смены языковой базы в сравнении с классическим письменным литературным языком, как это было в Европе.

Что касается становления японского национального литературного языка, то он, с одной стороны, стремится к норме «вульгарного» устно-разговорного языка, базирующегося на диалектах, с другой стороны, не может оторваться от классических письменных текстов, в которых зафиксированы основные культурные ценности, как заимствованные у китайцев, так и созданные в самой Японии. Эти письменные памятники сохраняют свое непреходящее значение до сего времени.

Японский национальный литературный язык складывается в конце XIX — начале XX в., в период Мэйдзи, на основе классического письменного стиля, который восходит к смешанному азбучно-иероглифическому письму. Это уже упоминавшийся так называемый смешанный китайско-японский стиль (язык). Таким образом, в плане преемственности письменно-литературной традиции японский национальный язык пошел по стопам китайского в том смысле, что подобно китайскому он непосредственно возводится к классическому языку. Устная же норма, как уже упоминалось, обнаруживает значительные расхождения с классическим языком, а перенос столицы в начале XVII в. в г. Эдо способствовал постепенному увеличению этого разрыва к XIX в. Поэтому, когда общий ход развития страны, централизация власти и необходимость создания централизованного национального государства потребовали единого национального литературного языка, то важнейшей задачей, лозунгом его формирования становится ликвидация отмеченного расхождения, т.е. достижение единства устного и письменного языка (гэмбун-итти, «единство речи и письма»).

Если прежде целям понимания текста долгое время в основном служил идеографичный, т.е. выражавший определенное значение путем

условного обозначения или рисунка, знак — китайский иероглиф, то с течением времени, к периоду Мэйдзи, в системе японского языка определенная часть иероглифов утратила и свое китайское значение, и идеографичность [34]. Теперь во многих случаях стало небезразлично, как читается иероглиф; которым записано японское слово, поскольку от этого зависело и понимание. Для облегчения чтения пришлось искать опору в графике. Письменный язык усложняется графически за счет добавления знаков азбуки кана с целью упрощения процесса чтения и унификации произносительных норм при чтении с произношением, свойственным устной речи. Сочетания иероглифов прочитываются не так, как предписывалось канонами китайского языка ранее, а «переводятся» исконными японскими словами. К иероглифам, обозначающим склоняемые и спрягаемые слова, добавляются написанные азбукой элементы словоизменения. Все это осуществляется в конечном счете ради развития и реализации смысловыразительных потенций устной речи.

По существу, «единство речи и письма» — это распространение орфоэпии на письменную речь и внедрение в письменные тексты грамматических форм и лексики устной речи, сопровождающееся таким изменением графики, чтобы она была доступной и удобной для чтения в отличие от чуждых строю японского языка текстов, зафиксированных китайским стилем и дальнейшими его модификациями, которые составили классический письменный японский язык.

Решить эту задачу достаточно удовлетворительно было нелегко при существовании в японском языке двух видов графики, восходящих к разным функциональным стилям классического языка. С одной стороны, это японская азбука кана, которой записывались еще в IX в. литературные произведения на «чистом» японском языке, а с другой — китайская иероглифика, служившая для записи китайских текстов, а в дальнейшем и «смешанного китайско-японского стиля». В этих условиях задача создания единого устно-письменного стиля не могла быть решена в короткие сроки, ряд проблем остался нерешенным и до нынешнего времени.

Различие графики сказывалось и на различии лексики, традиционно фиксировавшейся этой графикой, причем наибольшие сложности при становлении единого устно-письменного слова в период Мэйдзи были связаны с *канго* — лексикой китайского происхождения, записывавшейся иероглифами. В японском словообразовании лексика *канго* играла роль, которую можно сопоставить только с ролью греческих и латинских корней в словообразовании европейских языков [28, с. 36; 176, с. 209—215]. Основную массу слов, влившихся в японский язык в качестве новых терминов в период активного знакомства с европейской наукой, начиная с XVII в., и слов, обозначавших многочисленные новые понятия, вошедшие в жизнь японцев после революции Мэйдзи (1867 г.), составили так называемые иероглифические слова, т.е. *канго*. При создании новых слов (терминов) на базе *канго* главным была точность передачи нового понятия, наглядно достигавшаяся поморфемной записью такого слова иероглифами. Слово создавалось для письменной речи исходя из соответствующих иероглифов, а затем уже вводилось в устный обиход [87, с. 11]. Эти новые слова отлично служили в письменном тексте, но, как правило, были трудны для произношения, поскольку допускали разные его варианты, а следовательно, и для восприятия на слух [156, с. 79—87].

Эта роль слов китайского происхождения и особенности их образования до настоящего времени оказывают значительное влияние и на современный японский язык, и на общественно-языковую практику страны. Данные фундаментальных исследований японских ученых в этой области, предпринятых в послевоенный период, позволяют сделать следующие выводы. Во-первых, до сих пор сохраняется значительное расхождение лексики письменной и устной форм существования японского языка, которое прослеживалось и в период Мэйдзи. Во-вторых, вывод о том, что *канго*, в большом количестве вошедшие в японский язык в период Мэйдзи и последующее время и господствующие в письменных текстах и в настоящее время, по своему происхождению не связаны с устной речью, а являются книжными образованиями — терминами науки,

политики, производства, техники, права и экономики, получивших в Японии особенное развитие после революции Мэйдзи [76, с. 57; 167, с. 172—187].

Таким образом, основная задача — достижение «единства речи и письма», т.е. создание единого устно-письменного стиля (языка) с единой произносительной нормой, не была окончательно решена в период Мэйдзи. Тем самым не было достигнуто и желаемое завершение формирования национального литературного языка, и в послевоенный период в японской лингвистике встал вопрос о необходимости осуществления «второго единства речи и письма» (дайнидзи гэмбун-итти) [108, с. 7; 89, с. 155—165].

Современный этап развития японского национального литературного языка.

«Общий язык» Японии наших дней

Вопрос о современных формах существования национального японского языка сопряжен с анализом тех значительных перемен, которые произошли в политической, общественной и экономической жизни Японии после второй мировой войны. Массовые обследования, проведенные японскими лингвистами в последние годы, свидетельствуют о появлении новой формы существования национального литературного языка — так называемого общего языка (кё:цу:го). В последней, наиболее полной коллективной работе японских ученых по истории японского языка по этому поводу говорится: «...вместе с переоценкой многих ценностей, происшедшей в жизни японцев в послевоенный период, значительно изменилось и отношение к распространению знания литературного языка. Можно сказать, что на смену эпохе литературного языка, начавшейся в конце XIX в., пришла эпоха общего языка» [130, с. 375].

Термин кё:цу:го использовался в японской лингвистике и ранее [69; 138, с. 81]. В 1951 г. к нему прибегли при составлении доклада Государственного исследовательского института родного языка о результатах языкового обследования, проведенного в районе г. Сиракава. В ходе обследования выяснилось, что большинство жителей этого района практически в своей повседневной жизни и деятельности не пользуется национальным литературным «образцовым» языком (хё:дзюнго). Для систематизации научных представлений об этом явлении потребовались сведения о языке макропосреднике — общем языке, несколько отличающемся с точки зрения норм произношения и словоупотребления от литературного «образцового» языка, но понятного жителям всей страны (в том числе и данного района) в противоположность местным диалектам, употребление которых локально ограничено. В качестве условного наименования для этого языка-макропосредника было принято слово кё:цу:го [72, с. 6—7],

По-видимому, здесь возможна параллель с тем явлением в истории развития русского языка, которое отметил С.И. Ожегов: «В советскую эпоху русский национальный язык в его литературной форме вступил в новую фазу своего существования». В этот период в условиях, когда разрушены границы социальной, и в том числе речевой, изоляции, «возникают новые формы общения: не диалектные, не литературные, но и не „просторечные“. Возникает новая, назовем ее обиходная, форма русского национального языка, соответствующая духу его развития, но не всегда освященная нормами литературности... Исторически правильное определение литературной и обиходной форм русского национального языка нашего времени является теоретической базой языковой политики и особенно стилистической нормализации современного русского национального языка в его литературной форме» [50, с. 333—334].

Данные общественно-языковой практики и языковой политики современной Японии в определенной мере подтверждают справедливость утверждения советского ученого по поводу нового периода развития русского национального языка. Насущные потребности языковой ситуации современной Японии выдвинули

проблему общего языка и вынуждают японских ученых и официальные органы, занимающиеся разработкой языковой политики, серьезно заняться этой проблемой.

Однако интуитивно подойдя к понятию «общий язык» и осознавая важность проблемы, японская лингвистика еще не создала четкого теоретического представления о ней. Относительно содержания понятия «общий язык» и его соотношения с понятием «литературный язык» в японской науке нет единодушия. Существует мнение о том, что это «просто два названия одного и того же явления». Сторонники противоположной точки зрения считают, что общий и литературный языки «должны иметь четко разграниченное содержание: общий язык существует реально, а литературный фактически не существует — это идеальное представление о том, каким должен быть японский язык». Утверждают также, что оба языка существуют, но в «литературном языке основная проблема — это его правильность, а в общем языке допускаются и неправильности». Общий язык рассматривают как «только полезную для научных исследований гипотезу», а «литературный язык как язык, разрешаемый, поощряемый, утверждаемый и насильственно насаждаемый так или иначе государственной властью» [157, с. 47].

Точка зрения советского японоведения относительно этого явления в истории развития японского языка сформулирована Н.И. Конрадом, который писал: «...в наши дни общим языком можно считать то, что именуется языком массовой коммуникации» [31, с. VIII].

В связи с этим представляется необходимым уточнить широко используемые в японской филологии понятия «литературный язык», «национальный литературный язык», «образцовый язык» и «общий язык» в том плане, в каком они понимаются в настоящей работе в применении к становлению японского языка. По нашему мнению, литературный язык — это письменный язык и отвечающая ему орфоэпическая норма, т.е. норма произношения знаков письменного языка. Литературный язык в своей орфоэпической норме

противопоставлен диалектам, а в лексической и грамматической — диалектам и просторечию. Последнее сохраняет орфоэпическую норму литературного языка, но отличается от него своим «сниженным», грубым стилем и употреблением словоформ и грамматических конструкций, не входящих в систему литературного языка.

История развития литературного языка делится на два периода: 1) период донационального литературного языка и 2) период национального литературного языка. Они различаются историческими условиями жизни общества, которые находят отражение в характере взаимоотношения литературного языка и диалектов, в системе функциональных стилей, свойственных обоим периодам развития литературного языка, в изменении литературных жанров и, наконец, в способах и методах нормирования языка.

«Образцовый язык» понимается как классический стандарт литературного национального языка, фиксируемый как общая норма — за пределами индивидуального стиля — в орфоэпии, орфографии, синтаксисе и функциональной стилистике. По образцовому языку определяются индивидуально-стилевые девиации. как в сторону снижения стандарта речи, т.е. речевых ошибок, так и в сторону развития в случае языкового творчества писателей, ученых, политических деятелей, т.е. создателей новых форм языка.

«Общий язык» есть принятый к повсеместному употреблению стандарт литературного языка, распространяемый преимущественно через школу и средства массовой информации.

Распространение по всей стране общего языка и постепенное исчезновение диалектов — это единый процесс, который Н.И. Конрад называет количественным завершением развития японского национального литературного языка, поскольку литературный язык этапа нации складывался как система прежде всего в качественном аспекте, приобретая во всех своих сферах— фонологической, лексической, грамматической — те качества, которые позволили ему

стать языком, обеспечивающим общение в пределах нации. «Однако приобретение возможности стать таким языком еще не означало, что языковая практика, устная и письменная, всех слоев общества фактически овладела им; иначе говоря, не означало превращения в язык нации и в количественном аспекте. Это стало возможным только в послевоенные годы» [31, с. VI].

Таким образом, современный этап развития национального японского языка, охват им всех слоев населения, всех районов Японии связан с развитием средств массовой информации, под влиянием и при участии которых формируется «общий язык» современной Японии. Массовая информация в современном обществе осуществляется не только средствами письменной речи, но в равной мере, если не в большей, и средствами устной. Иными словами, «общий язык» опирается не только на письменную форму языка, как это было с литературным языком в прошлом, но в значительной мере и на устную речь, что существенным образом влияет на его формирование и распространение.

Социальные перемены, имеющие место в современной Японии, способствовали необычному росту численности населения, пользующегося общим языком в его литературной форме. Широко применяемый в устной и письменной общественно-языковой практике страны общий язык обслуживает все сферы общения. При этом немалую роль играет привлечение и адаптация им необходимой лексики, как образованной на народно-разговорной основе, так и применявшейся ранее лишь в письменно-литературном языке.

Основные проблемы развития общего языка

Формирование нового устно-письменного общего языка проходит в настоящее время в отличие от периода Мэйдзи уже без смены опорного диалекта, без каких-либо значительных изменений в области произношения и грамматики. Изменения сказываются в первую очередь на наиболее проницаемом, активно реагирующем на все

сдвиги, происходящие в общественной жизни, пласте языка — его лексике. Поэтому в период становления общего языка на первый план выдвигаются проблемы лексического состава, которые в силу упоминавшихся уже исторических особенностей развития японского национального языка особенно сложны.

Если обратиться к основным мерам, осуществленным органами языковой политики Японии в период после второй мировой войны, и к изданным ими регулирующим постановлениям, мы увидим, что все они призваны решить вопросы упорядочений лексики, письма и словоупотребления. Начало такого рода мероприятиям было положено в 1946 г. введением иероглифического минимума, сократившего число используемых в общественно-языковой практике Японии обязательных иероглифов до 1850 знаков. Затем были разработаны новые правила орфографии для текстов, записанных японской азбукой кана (1946 г.) и латиницей (1954 г.). Здесь же следует привести такие регулирующие постановления, как «О совершенствовании письма и о словоупотреблении в текстах законов» (1950 г.), «О совершенствовании лексики устной речи» (1956 г.), а также «Правила замены слов-омофонов» (1956 г.) и ряд других. Общее число таких постановлений к 1972 г. достигло 20, и был проведен ряд мер по их осуществлению. Это не случайно и подчеркивает значение проблем лексики и ее письменной фиксации для современной речевой практики Японии.

С точки зрения происхождения японская лексика представлена тремя пластами слов: исконно японские — *ваго*, слова, образованные на базе китайских корней, — *канго* и заимствования из других, преимущественно европейских, языков — гайрайго. В плане количественного соотношения этих пластов в лексике современного японского языка (без учета частотности появления в тексте) первое место принадлежит словам с китайскими корнями— 47,5%; при этом исконные японские слова составляют 36,7%, европейские заимствования — 9,8, смешанные образования—6% [76, с. 61].

Слова китайского происхождения, фиксируемые иероглифами, и на данном этапе развития языка продолжают создавать трудности для устно-письменной нормы, общего языка, особенно в устной речи, что связано, в частности, с обилием в составе *канго* омофонов и паронимов. При фиксации китайских слов на письме сложности возникают из-за необходимости замены иероглифов, не вошедших в упомянутый иероглифический минимум, и из-за неустойчивости орфографии и нормы произношения вследствие этого.

Несомненно, что контекст и ударение, которое в последнее время стало фиксироваться в японском языке более четко, чем в предыдущие периоды, в определенной мере способствуют различению омофонов китайского происхождения. Но количество их настолько велико, что нередко и контекст и ударение, как свидетельствуют, например, результаты проведенного в Японии обследования текстов вещания, не дают возможности однозначного понимания [173, с. 37—39].

Только в составе введенного с 1946 г. иероглифического минимума насчитывается 63 иероглифа (а следовательно, столько же словообразовательных корневых морфем, записываемых этими иероглифами), которые произносятся сё:, 62 — ко-, 47 — си, 44 — кан, 38 — то:, 35 — ки, 31 — сэй, 31 — со:, 29 — кэн, 28 — ка, 28 — кё:, 28 — син, 27 — кэй, 25 — сэй, 24 — сэн, 23 — сё:, 23 — тё:, 23 — фу, 22 — и, 21—кэй, 21 — тэй, 21—хан, 21—бо:, 20 — кю, 20 — хо:, 20 — ё:. Соответственно сочетание этих корневых морфем дает большое количество *канго*-омофонов. Так, в Большом толковом словаре японского языка (Нихон-кокуго-дайджитэн) мы находим 31—сё:сё:, 46 — сё:ко:, 85— ко:сё:, 75 — ко:ко:, 60 — сё:си, 50 — сисё:, 76 — ко:си, 61 — сико:, 52 — сиси, 36 — сё:кан, 47 — кансё:, 48 — канхо:, 33 — сикан, 45 — канси, 31 — канкан [173, с. 38].

(За пределами установленного минимума количество иероглифов, имеющих такие чтения, исчисляется сотнями и тысячами).

К этому количеству омофонов нужно добавить еще почти такое же количество паронимов, отличающихся от приведенных слов только долготой или краткостью одной из морфем, например: ко:сё:, косё:, ко:сё и т.д. Если учесть еще и значительно осложняющие понимание устной речи *канго*-паронимы типа токусэцу 'специально установленный' — тёкусэцу 'непосредственный', кандзи-сэйгэн 'ограничение количества иероглифов' — сандзи-сэйгэн 'ограничение деторождения', то нетрудно представить себе масштабы проблемы различения слов китайского происхождения на слух. Поэтому в современной Японии важнейшим моментом регулирования устной речи, составления различных текстов, в частности текстов вещания, предметом особой заботы авторов и редакторов является подбор лексики, который делает эти тексты понятными на слух. Слова китайского происхождения должны тщательно проверяться, отбираться и располагаться в тексте так, чтобы не создавать помех в восприятии устной речи. Этой работе японские органы массовой информации уделяют большое внимание [173].

Между тем анализ моделей словообразования и перспектив его развития для современного японского языка показывает, что роль этого слоя лексики в перспективе должна не только не уменьшиться, но скорее возрасти. Такой вывод обусловлен продуктивностью словообразования на базе *канго*.

Интересна оценка японского лингвиста Мориока Кэндзи современного состояния и перспектив развития перечисленных трех слоев японского словарного состава в связи с работой по нормализации языка и его лексической системы. Поставив перед собой цель выяснить связь между характером выражаемого понятия и структурой слов упомянутых трех слоев на примере имен существительных, Мориока Кэндзи строит схему, в которой делит всю лексику по типу выражаемых понятий на три уровня. Нижний уровень — видовые понятия — дает довольно пеструю картину сочетания всех трех пластов лексики с преобладанием слов китайского и европейского происхождения, особенно в сфере конкретных наименований. Средний уровень — родовые понятия — прочно занят исконными японскими словами. Это

односоставные слова, которые практически не поддаются нормирующему воздействию, так как, будучи древнейшим ядром японской лексики, они заданы в языковом сознании японцев изначально как «правильное имя, врожденное от природы» [53, с. 36], т.е. по сути дела *ваго* не имеют языковой этимологии. Они не обладают перспективами развития, так как не дают продуктивных моделей словообразования. На высшем — третьем— уровне господствуют слова китайского корня, хорошо передающие самые различные понятия, в том числе и абстрактные, а также новые научные и технические термины и т.п. Этот уровень лексики, по мнению Мориока Кэндзи, привлекает особое внимание, так как в нем больше всего понятий, отражающих культуру данного периода. Именно с этим связан огромный рост *канго* на этом уровне в период Мэйдзи, характеризовавшийся значительными изменениями культурного порядка. Нынешний, послевоенный, период хотя и уступает в этом отношении периоду Мэйдзи, но также принес много изменений. Способов, же сознательного воздействия на лексику, отражающую эти изменения, кроме привычного легкого продуцирования новых *канго*, нет [121, с. 41—47].

Определенные перспективы активности на этом уровне есть у исконных японских слов — *ваго*, в частности, в сложных словах в комбинации с *канго*, что оценивается японской лингвистикой как сравнительно новый и перспективный способ словообразования. Это могло бы способствовать известной унификации таких слов с *ваго*. Но смогут ли подобного рода слова обеспечить потребности как устной, так и письменной речи и стать прочной основой для строительства новой лексики в дальнейшем? Ответить положительно на этот вопрос сейчас не представляется возможным.

Мориока Кэндзи по этому поводу пишет: «Несомненно, что словопроизводство на базе *ваго* в настоящее время в основном представлено в сфере просторечия и большинство полученных таким образом слов непригодно для письменного текста. Но это попрос организации текста. Совершенствуя в будущем текст, следует в полной

мере развернуть словообразовательные потенции *ваго* и для письменного текста, и я уверен, что это возможно» [120, с. 27].

Здесь возникает характерный для современной японской лингвистики поворот в направлении изучения возможных путей нормирования и рационализации языка, что связано с вышеупомянутыми особенностями формирования национального японского языка и проблемами его лексики. Если рационализации языка и речевой деятельности трудно (или даже невозможно) добиться путем сознательного нормирующего воздействия на языковую систему, в частности на наиболее податливую ее часть — лексику, которая в силу изменившихся условий речевой деятельности перестала в достаточной мере удовлетворять запросы последней, то нужно изменить речевые действия, т.е. изучить пути и способы упорядочения и организации их таким образом, чтобы в них были бы максимально использованы возможности языковой системы, которую следует «приблизить» к запросам речевой практики. Именно так ставится вопрос в японской лингвистике: «Нам необходима не реформа языка, а преобразование речевых действий... Это преобразование речевых действий японцев необходимо осуществлять и в процессе школьного образования, и через органы массовой коммуникации» [91, с. 23].

В советском языкознании высказана справедливая мысль о том, что в исследовании языка полезно учесть достижения логики исторического исследования [21]. Согласно этому положению, без системного анализа объекта невозможно исследование структуры его развития и, наоборот, без изучения структуры развития нет системного анализа объекта, потому что только учет условий развития его механизма позволяет выбрать из многих моделей объекта наиболее адекватную, т.е. ту, которая максимально соответствует его истинным свойствам [35, с. 57— 61]. В применении к языку это становится возможным при обращении к анализу речевой деятельности. Такой подход может служить основой понимания связи между системой языка и ее функционированием в языковой практике.

Японские лингвисты, как можно видеть из изложенного, стремятся связать воедино представления о системе языка и о применении этой системы [91; 155, с. 103]. Подобная точка зрения формируется в среде японских ученых, как можно предполагать, на основе приведенного материала, под давлением необходимости упорядочения норм языка и для обеспечения на этой основе нормальной, успешной коммуникации во всех сферах жизнедеятельности японского общества. Отсюда следует очевидная необходимость изучения проблематики «языкового существования человека и общества», для обозначения которой в японской лингвистике появляется термин гэнго-сэйкацу, 'языковое существование'.

Глава II

ТЕОРИЯ ЯЗЫКОВОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ В ЯПОНСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Содержание теории языкового существования

Особенность концепции языкового существования состоит в том, что в пределах единой теории связываются представления о системе языка и о возможностях оптимального использования этой системы в речевой практике. При этом трудно назвать отправной момент этой связи. Иными словами, японские филологи полагают, что система языка влияет на его использование, а использование, в свою очередь, воздействует на его систему. Комплекс проблем, сопряженных с изучением этой взаимосвязи, и составляет основное содержание теории языкового существования.

«При исследовании языка с точки зрения языкового существования, — отмечает один из представителей этого направления, Токиэда Мотоки, — в качестве объекта берется сама языковая деятельность, факты языка в действии. Следовательно, главным предметом изучения служат такие динамические факты языка, как явления языковой

коммуникации, образованные деятельностью выражения и деятельностью понимания, и основанная на них преемственность культуры и функциональные связи между языковым существованием и существованием человека вообще» [104, с. 330]. «Направление языкового существования в японской лингвистике, — пишет один из его теоретиков, Киндаити Харухико, — стремится дать ответ на вопрос „Каков японский язык сейчас и каким он должен быть“» [98, с. 15].

Японские ученые признают, что изучение роли языка в жизни общества, а также связей между языком и жизнью общества — вопрос чрезвычайно сложный. Поставив перед собой задачу исследовать не отдельные аспекты языка, но живой, действующий в обществе язык в целом, языковед сталкивается с целым комплексом новых проблем, например, с необходимостью учета ситуации и цели акта коммуникации, субъекта и объекта высказывания, его мотивов, влияния всех этих моментов на формы выражения и т.д. [42, с. 136—140]. Ранее на эту сторону проблемы японские ученые не обращали серьезного внимания, нередко и сейчас такого рода исследования объявляют лежащими за пределами лингвистики. Однако представители направления языкового существования подчеркивают, что изучение языка именно в этом плане особенно важно и требует специальной работы языковедов [107, с. 100].

Следует признать, что само понятие теории, школы или направления языкового существования не имеет достаточно конкретного определенного содержания и трактуется разными японскими учеными по-разному.

Развитие теории языкового существования в Японии связывается с учреждением в декабре 1948 г. Государственного исследовательского института родного языка. Задачи деятельности Института в правительственном декрете о его основании формулируются так: 1) проведение научных исследований по языковому существованию и культуре современного языка; 2) проведение научных исследований в области исторического развития родного языка; 3) проведение

научных исследований в области преподавания родного языка; 4) проведение научных исследований языка массовой коммуникации.

Причины основания Института изложены следующим образом: «В первые же годы Мэйдзи, когда было введено всеобщее начальное образование и достигнут быстрый прогресс культуры, встал вопрос о том, какими должны быть язык и письменность нашей страны. В послевоенное время вновь пришлось задуматься над необходимостью дальнейшего изучения вопросов языка и письменности для обеспечения прогресса жизни народа и большей эффективности его деятельности, почему и стала ощущаться настойчивая необходимость учреждения специального органа, который осуществил бы нужные фундаментальные исследования» [113, с. 2]. Поэтому-то в противоположность традиционному довоенному изучению родного языка преимущественно в плане истории его развития и становления его системы «на Государственный исследовательский институт родного языка с самого начала была возложена задача проведения основополагающих исследований в области улучшения языкового существования нации и рационализации языка...» [70, 1959, №6(93), с. 63].

Языковое существование исследует проявления языка как в обществе, так и у каждого отдельного его представителя. Основные понятия, принятые в теории языкового существования, выражаются следующими терминами: гэнго-дзидзицу 'языковой факт', гэнго-сю:кан 'языковые навыки', гэнго-сю:дан 'языковой коллектив'; языковой коллектив делится на социальные группы, с которыми соотносится так называемый исо: 'социальный показатель', т.е. основной принцип деления на различные группы (профессия, принадлежность к определенному классу и слою населения, а также пол, возраст, территориальная принадлежность) [71, с. 63].

(Полный список терминов теории языкового существования дается в приложении к данной работе).

В качестве единицы своих исследований, или единицы языкового существования, японские ученые выделяют гэнго-ко:до: 'языковой акт' ('речевой акт', 'речевое действие'). Эта единица, которую Н.И. Конрад считает исходным пунктом для всей цепи лингвистических исследований в плане языкового существования, определяется в рамках этой теории как «социально привычное действие человека, состоящее в выражении с помощью языковых знаков мыслей и чувств и в понимании этого выражения» [104, с. 323].

Представление о единице языкового существования — языковом акте — и стремление к четкому разграничению двух путей осуществления языкового акта:

1) говорение и слушание и

2) написание и прочтение, а также разная методика исследования, равно как и представление о взаимосвязи языкового акта и ситуации его реализации, — важные моменты для выяснения, что такое языковое существование.

Основные направления теории языкового существования

Можно наметить четыре основных направления теории языкового существования: 1) концепция Токиэда Мотоки; 2) концепция Нисио Минору; 3) направление исследований, отраженное в работах Государственного исследовательского института родного языка; 4) концепция Икэгами Тэйдзо и Хага Ясуси.

Наиболее ранняя концепция языкового существования создана Токиэда Мотоки, который, критически подходя к учению Ф. де Соссюра, иначе определил язык, чем швейцарский лингвист. Еще в 1941 г. в работе «Основы японской лингвистики» он формулирует свое понимание «языка как процесса»: «язык есть действие человека,

закрывающееся в выражении и понимании». Главные положения этой его теории и легли в основу концепции «языкового существования». Вот что писал Токиэда в упомянутой работе: «Если для Соссюра вопрос состоит в использовании языка (*langue*), то для меня вопрос заключается именно в процессе выражения через язык, т.е. в самом языковом выражении, язык же я считаю психическим процессом» [151, с. 125]. Он дает следующее определение, которое приводится в Японской лингвистической энциклопедии: «Теорией языкового существования мы называем взгляд на язык как на одну из форм человеческого существования, когда он рассматривается как целенаправленное действие или деятельность человека» [104, с. 329].

По мнению Токиэда Мотоки, языковые действия нельзя рассматривать изолированно, т.е. сами по себе, поскольку они совершаются только в связи с разнообразной деятельностью человека.

Такого рода связь Токиэда называет функциональной зависимостью между языковыми действиями (существованием) и всеми другими видами социальных действий (социального существования) человека, выводя отсюда положение о соотнесенности языка и ситуации его проявления — контекста в широком смысле. «Наше существование как сумма всех действий, всей нашей деятельности составляет систему, включающую как вид деятельности и язык, который используется в этой системе, поддерживая функциональную зависимость с ее частями. Это можно считать также и развитием положения о взаимосвязи языка и ситуации его проявления», — говорит по этому поводу Токиэда [150, с. 21].

Конкретно эта идея связи раскрывается в вводимом Токиэда понятии тэнкай 'развертывание', которому он придает значения «проявление», «развитие», рассматривая его как эквивалент английского *development*. Выражение и понимание должны «проявиться», как «проявляется под действием химикатов отснятая фотопленка, на которой возникает изображение, ранее существовавшее на ней скрыто». При конкретизации и «развертывании» гипотезы «язык есть действие

выражения и понимания» выражение должно проявиться в каком-либо материале, а понимание должно осуществиться на основе какого-либо материала. Реализация языкового акта может быть представлена звуками или письменными знаками, что для наглядности можно изобразить схематически (схема 1).

Схема I

	Выражение	Понимание	
Голос	говорение	слушание	Язык, выраженный звуками речи
Письменные знаки	написание	прочтение	Язык, выраженный письменными знаками

Перечисленные четыре языковых действия — говорение, слушание, написание, прочтение — объединяются в систему, и все вместе и есть языковое существование. Эта система, функционально связанная с человеческим существованием вообще, изначально отсутствовала. В глубокой древности письменных знаков не было. Изменение этой системы составляет историю языкового существования. «Итак, — заключает Токиэда, — изложенное есть краткая суть моей теории языкового существования и его истории. Как видно, она (т.е. теория языкового существования. —С. Н.) является дедукцией, развитием, развертыванием основной гипотезы языка как процесса, и, если последняя верна, то, по моему убеждению, теория языкового существования может стать эффективным орудием понимания явлений языка» [150, с. 20].

Очевидно, что в создании своей теории Токиэда руководствуется прежде всего стремлением по-новому представить содержание термина «язык».

При помощи выражения «язык как процесс» Токиэда, по сути дела, пытается отделить свою точку зрения от традиционного грамматического представления о языковой системе. Значит, язык рассматривается Токиэда не как система, но это вовсе не означает, что он не признает системности языка. Дело в том, что системность языка Токиэда считает фактором производным, или искусственно образованным в целях удобства описания, но никак не выражением сущности языка. Сущность же языка в понимании Токиэда определяется тем, что человек не может не совершать речевых действий. Если есть человек, то отсюда с необходимостью возникают речевые действия. Бытие человека имплицитно подразумевает осуществление речевых действий. Этот взгляд прямо противоположен соссюрсовскому, в соответствии с которым сама возможность стать человеком кроется в овладении языком.

Коль скоро язык рассматривается как производное от человека, то необходимо выяснить, какую из потребностей человека он воплощает и удовлетворяет. На первый взгляд это потребность в коммуникации. Но дело в том, что коммуникация в понимании Токиэда не имеет своей целью обмен языковыми знаками, хотя и представляет собой обмен таковыми. Коммуникация, по Токиэда, не только обмен языковыми знаками, а единение «мысли и чувства» в доступных обоим участникам акта коммуникации пределах.

В процессе коммуникации каждый из участников ее ведет себя не так, как при обмене предметами. И говорящий, и слушающий стараются проявить каждый для себя некое духовное понятийно-эмоциональное содержание и могут преуспеть в этом по-разному в зависимости от способностей, возраста и опыта каждого.

Это напоминает тезис В. Гумбольдта о том, что в речевом обмене в равной мере осуществляется понимание и непонимание [55, с. 252—253]. Но Токиэда здесь делает акцент на другом. В каждом речевом акте обе стороны — говорящий и слушающий — активны. Они

«умопостигают» и каждый по-своему развертывают мыслительное содержание, сопряженное с языковым знаком. Говорящий и слушающий столкнулись с фактом речи, и каждый из них, обдумывая его, раскрывает для себя заложенные в нем потенции содержания. Речевое действие предпринято ради развития «мысли и чувства». Вот почему человек как мыслящее существо не может обойтись без речи как внешнего проявления внутреннего развертывания разнообразных способностей понятийно-эмоционального содержания.

В то время как Токиэда Мотоки основывает концепцию языкового существования исключительно на теории «языка как процесса», другой представитель этого направления, Нисио Минору, разрабатывает теорию языкового существования иначе, исходя из задач обучения родному языку. Стремясь в противоположность традиционному аналитическому методу охватить конкретный язык в целом, Нисио приходит к выводу о необходимости исследования речи. О формировании своих взглядов он говорит: «Еще в 30-х годах я пришел к мысли о том, что понятие „родной язык“, или „язык“, есть только специально выделенный объект науки, в котором абстрагированы наиболее существенные черты речи. Поэтому для того, чтобы изучить язык наиболее полно, таким, как он есть в действительности как постоянно осуществляемые нами языковые действия, необходимо взять его как нечто целое, где основу составят упомянутые существенные основные черты, но при этом не будут отброшены и неразрывно связанные с ними единичные, индивидуальные моменты. Я также пришел к выводу о том, что лучшим наименованием этого целого, которое наиболее близко отражало бы его смысл и содержание, является привычное нам исстари слово „речь“ (котоба. — С. Я.)» [128, с. 45]. В дальнейшем, после того как в японской лингвистической литературе появляются термины гэнго-кацудо: как перевод термина «речевая деятельность» (langage) Ф. де Соссюра и гэнго-сэйкацу, Нисио Минору начинает пользоваться ими при изложении своей концепции: сумма языковых действий — речь, согласно Нисио, и составляет языковое существование. Основная задача теории языкового существования состоит в том, чтобы представить «истинное состояние речи как можно более конкретно и реально» [128, с. 46].

Суть теории Нисио Минору выражается формулой «речь как способность — языковое существование как реализация — языковые действия как конкретная реакция». Высшей ступенью языкового существования, его завершением, по Нисио, является гэнго-бунка 'языковая культура'. Наиболее полно взгляды Нисио Минору и исследования, проведенные им в послевоенный период, систематизированы в его работе «Исследование языкового существования» (впервые изданной в 1961 г.). В этой работе можно проследить влияние на взгляды Нисио Минору некоторых идей представителей направления общей семантики и заимствованного ими кибернетического понятия *feed back* 'обратной связи'. Нисио Минору по этому поводу пишет: «...в направлении общей семантики — одного из популярных сейчас в мире, и прежде всего в Америке, направлений языкознания — мое внимание привлек вопрос о влиянии на формирование научного направления общей семантики кибернетики, которая находится сейчас в центре всеобщего внимания как передовая перспективная наука» [127, с. 3]. О применении заимствованных у кибернетики положений к изучению языка Нисио Минору говорит: «О том, что речь есть средство коммуникации, известно уже не одно столетие. Однако до сих пор еще не был полностью объяснен механизм, с помощью которого осуществляется коммуникация. В данном отношении не оставалось ничего другого, как только с известной мерой абстрактности охарактеризовать это как выражение индивидуальных психических процессов. Но при таком толковании механизма коммуникации было невозможно выявить социальный характер речи. В лучшем случае ее социальность объяснялась через установление понятия „ситуация“. Если же исходить из теории „обратной связи“, то сама речь как таковая оказывается функцией, представляющей собой результат взаимозависимости между говорящим, слушающим и окружающей их действительностью. Если даже рассматривать речь только как деятельность говорящего, уже по одному факту «саморегулирования» ее, осуществляющемуся вследствие обратного воздействия на нее слушателя и условий обстановки, мы должны признать ее функцией, имеющей социальную структуру» [127, с. 6—7].

Концепция Нисио Минору кажется менее строгой, чем концепция Токиэда. В ней явно проглядывают черты, соотносящие ее с теорией лингвистического механицизма Л. Блумфилда, хотя нам представляется, что концепция Нисио более сложна. Суть блумфилдовской концепции языка, по сути дела, заключается в сведении коммуникативной функции языка к цепи стимулов и реакций [3, с. 38—39].

Нисио, несомненно, знаком с теорией Блумфилда, и его представление о языке как о предмете описания лингвистики совпадает с блумфилдовским, ибо в том и другом случае оба автора считают, что язык как предмет лингвистического описания должен «извлекаться» из речевых действий, наиболее частотные и употребительные реализации которых представляются автором лингвистического сочинения как такие, которыми должен пользоваться его читатель.

Однако в отличие от концепции Блумфилда обращение Нисио к идее обратной связи существенно меняет его определение природы языка. Обратная связь сама по себе накладывает на производителя речевого акта определенные ограничения. Оказывается, что не любое речевое действие может привести к успешному достижению цели, состоящей в побуждении к действию, но лишь то, которое, во-первых, уместно и, во-вторых, входит в контекст культуры. Отсюда предложения, высказываемые человеком, приобретают смысл, язык наполняется содержанием, а содержание само уже не обязательно влечет последствия (прямые или отдаленные, по Блумфилду) в виде действия, но может быть и самоцелью. Высказывание может быть сделано не только ради того, чтобы понудить другого человека к высказыванию или действию, но и ради того, чтобы что-то понять, объяснить другому, развить некоторое содержание.

Таким образом, концепция Нисио является не прямой противоположностью концепции Токиэда, но как бы ее материальным дополнением, т.е. представляет собой попытку рационально истолковать, как происходит проявление и развитие содержания

(мысли) у человека в ходе речевого акта, в ходе осуществления его речевых связей. Именно для этой цели Нисио привлекает отдельные положения направления «общей семантики», с помощью которых японский лингвист противопоставит механистической концепции языковых связей в обществе, предложенной Блумфилдом.

Немалую роль в развитии теории языкового существования сыграла группа ученых — сотрудников Государственного исследовательского института родного языка, в которую вошли Ивабути Эцутаро, Хаяси Сиро, Исивата Тосио, Миядзима Тацуо, Номото Кикио, Минами Фудзио и другие. Принимая в целом определения языкового существования, предложенные Токиэда и Нисио, эти ученые выполнили основные исследования Института, посвященные изучению языкового существования и имеющие преимущественно практическую направленность (более 70 капитальных трудов [114, с. 36—40]).

Главное внимание сотрудников Института было сосредоточено на выработке методов исследования языкового существования (в основном лингвостатистических), получении данных об употреблении слов и морфем в разных типах текстов (газетах, журналах), фиксации моделей предложения в разных формах речи, регистрации частотности появления в них слов, относящихся к различным частям речи, и т.д. Эти исследования дают языкознанию огромный фактический материал; что же касается теоретических разработок, то они, как правило, содержат выводы только из изучения и описания конкретных языковых фактов и ориентированы на традиционный анализ в общепринятых лингвистических категориях фонетики, лексики и грамматики.

Если говорить о работах Института родного языка в целом, то следует отметить, что они посвящены не развитию философских основ теории языкового существования, которые принимаются как бы заданными, а изучению конкретных вопросов. Прежде всего вопрос ставится о том, как рассматривать существование индивида вообще. Ведь индивид — это член общества, а общество состоит из индивидов, потенциально в

равной степени пользующихся языком. В то же время во многих отношениях индивиды, составляющие общество, различны; они относятся к разным социальным слоям и группировкам. У каждого индивида есть свои языковые потребности, которые он должен удовлетворить и которые он подчас удовлетворить не может. Поэтому деятельность Института родного языка направлена главным образом на решение важнейшей проблемы — проблемы определения путей для оптимального удовлетворения языковых потребностей индивидов, принадлежащих к разным социальным группам. Эту проблему сотрудники Института рассматривают с учетом разнообразных средств речевых связей современного общества (книга, телевидение, радио, кино, газета, собрание и т.п.). Вот почему исследования сотрудников Института родного языка ориентированы прежде всего на достижение определенных практических результатов и разработку методики.

Икэгами Тэйдзо и Хага Ясуси формулируют основы своей концепции языкового существования в терминах Ф. де Соссюра. Икэгами пишет: «Мы привыкли пользоваться термином «речевая деятельность» (langage), но не учитываем всей сложности обозначаемого им явления. Прежде всего следует выделить, с одной стороны, внутреннюю многогранность последнего и, с другой — его внешние связи. Анализ внутренней многогранности представляется нам в трехплановом аспекте: сначала рассматриваются языковые действия индивида, затем исследуется их усложнение социальными отношениями, и, наконец, устанавливается связь между целью, с которой они производятся, и конкретным повседневным существованием человека... Во внешних же связях в речевой деятельности и в языке необходимо выявить тенденции, зависящие от пола, возраста индивида, социальной прослойки, к которой он принадлежит, времени» [83, с. 46).

В работе «История родного языка как история языкового существования» (1960 г.) Икэгами говорит: «Когда то, что мы обычно называем словом, берется как знак в системе знаков, — это язык. Когда же мы рассматриваем слова как деятельность использующих их людей

— это языковое существование» [83, с. 47]. Таким образом, языковое существование, по мнению Икэгами Тэйдзо, есть реализация языка человеком в процессе его разнообразной деятельности. Проблема применения языка в речи требует специального изучения [59, с. 170].

Хага Ясуси определяет языковое существование так: «Мы либо сами порождаем слова (говорим, пишем), либо воспринимаем слова других (слушаем, читаем). Эти действия входят в наше существование... Наше существование только в редких случаях не сопровождается языковыми действиями. Если бы мы стали отыскивать примеры обратного из жизни, то смогли бы отыскать только нечто вроде религиозного сосредоточения и размышления, рекомендуемого буддийским учением дзэн, когда языковые действия абсолютно запрещены... Если такое существование человека, которое сопровождается языковыми действиями, мы назовем языковым существованием, то большая часть человеческой жизни есть именно языковое существование» [160, с. 3—5].

Исходя из предпосылки, что языковое существование неразрывно связано со всем существованием человека, Хага Ясуси объектом изучения считает использование языка людьми— языковые акты, их структуру, ситуацию их осуществления, различия, которые возникают в них в зависимости от возраста, пола, профессии и социальной принадлежности людей, их осуществляющих. Словом, как и Икэгами Тэйдзо, Хага Ясу-си признает необходимость исследования практического применения языка.

Идеи языкового существования созревали в японской науке о языке длительное время. Некоторые предпосылки их и сам термин «языковое существование» мы находим уже в работе Киндаити Кёсукэ «Исследование языка» (1933 г.), где он писал: «Наше существование представляет собою широкий комплекс. Мы можем выделять и анализировать отдельно экономическое, религиозное, общественное, семейное, интеллектуальное существование, существование в искусстве, существование, связанное с особенностями пола. И точно

так же мы можем абстрагировать и рассматривать языковое существование» [83, с. 47]. Еще раньше подобные же идеи, по свидетельству Ивабути Тадасу, можно обнаружить в трудах Хасимото Синкити и Дзимбо Каку. В частности, Дзимбо Каку в «Очерке лингвистики» (1922 г.) развивает мысль о необходимости исследования «языковой деятельности» (гэнго-кацудо:) [83, с. 47].

Не случайно, однако, что как самостоятельное направление языковое существование сложилось в послевоенные, а наибольшее развитие получило в 50-е годы. Причины этого, как отмечал Н. И. Конрад, следует искать в условиях настоящего исторического момента, в огромном развитии публичной речи и в небывалом по широте охвата распространении того, что принято называть массовой коммуникацией [29, с. 12].

Рассматривая направление языкового существования, следует упомянуть о мнении видного японского лингвиста Киндаити Харухико, отметившего практицизм и известное пренебрежение теорией, наблюдающееся у некоторых ученых, занимающихся языковым существованием. Вместе с тем, как свидетельствует Киндаити Харухико, вся работа по изучению языкового существования потребовала пересмотра лингвистических установок для расширенного исследования языка: изучения явлений речевого взаимодействия, учета субъектов взаимодействия и ситуации его осуществления [98, с. 17]. Это приводит к выделению в японском языкознании отдельного «направления языкового существования» (гэнго-сэйкацуха). Иногда говорят и о «науке языкового существования» (гэнго-сэйкацугаку) [144, с. 25—33].

Действительно, изучение языкового существования в Японии носит по преимуществу практический характер и формулирует свою конечную задачу как «улучшение языкового существования нации».

Направление языкового существования рассматривает социальные аспекты функционирования языка, но в положениях этого направления

ничего не говорится о том, что язык социален по самому своему происхождению. Для Токиэда Мотоки, наиболее яркого в теоретическом отношении представителя этого направления, язык — это «психический процесс», но мы не находим у него четкого представления о том, что этот процесс социален по своей природе. Наоборот, он неоднократно повторяет, что «язык есть не что иное, как субъективная деятельность... Я думаю, что основное в языке не само понятие, а процесс формирования (осмысления — С. Н.) понятия, происходящий в субъекте», — говорит он [151, с. 12, 54]. Таким образом, человеческое существование трактуется им как субъективное существование индивида. Далее, язык для Токиэда — процесс, но какая действительность принадлежит этому процессу, неизвестно. Токиэда высказывает также и следующее соображение: «Образно говоря, язык похож на водопровод, направляющий мысли; в нем есть только форма и не представлено содержание» [151, с. 53].

Одновременно, критикуя методы анализа, свойственные работам сотрудников Государственного исследовательского института родного языка, Токиэда пишет: «Когда берутся такие объекты, как вещание, публичное выступление, повседневный разговор, лекция, речь, разъяснение, то все это рассматривается как материал для описания языка, а вовсе не для выяснения особенностей и разницы между вещанием и лекцией. Следовательно, такой способ описания не выходит за рамки традиционных трех сфер [лингвистики] — фонетики, лексики, грамматики» [152, с. 15].

Токиэда возражает и против положения Нисио Минору о том, что речь как объект языкового существования совпадает с соссюровской речевой деятельностью, так как, по Соссюру, речевая деятельность есть действие применения языка, а следовательно, согласно этой точке зрения, нельзя считать, что речь есть объект, данный нам до научных обобщений. Не соглашаясь с Хага Ясуси, который интерпретирует языковое существование как существование человека, сопровождаемое речевыми действиями, Токиэда подчеркивает, что его теория языкового существования исследует язык в процессе действия, во время которого коммуникант переводит свои мысли и чувства в

материал-посредник, т.е. в звуки или письменные знаки, причем это действие выражения мыслей и чувств обязательно предполагает действие понимания. Иными словами, имеет место коммуникация. По Токиэда, речевые действия совершаются всегда для достижения целей лица, осуществляющего высказывание. Таким образом, в понимании Токиэда языкового существования важнейшим является рассмотрение языкового существования (действия) как звена в цепи человеческого существования (деятельности). Поэтому для него актуален вопрос о «технике» (искусстве) речи, которая является и техникой осуществления коммуникации, техникой, обеспечивающей в конечном счете использование языка для достижения целей человеческого существования.

В этом подходе к речевой деятельности, т.е. в признании, что главное в языке — это его роль важнейшего средства достижения целей человеческого существования, можно видеть и отражение идей признания большого значения широкой языковой кооперации в обществе, представленных, в частности, в американском направлении «общей семантики», влияние которого на японскую теорию языкового существования, по-видимому, довольно значительно [44, с. 120—124].

Глава III

РЕЧЕВОЕ ОБЩЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ

Краткая история языкового существования японцев с начала периода Мэйдзи до наших дней

Весьма показательным для получения представления о сущности теории языкового существования является выполненное представителями этого направления диахроническое описание развития языкового существования японцев [87, с. 1—25]. Оно исходит из того, что среди действий, необходимых людям для существования,

таких, как сон, еда, туалет, труд, учение, домашняя работа, развлечения, чтение, спорт и т.д., одни связаны с языком в большей, другие в меньшей степени. С этих позиций теория языкового существования и стремится оценить явления и историю культуры. С этой точки зрения, например, появление прессы или телефона важно не только само по себе, необходимо также знать, сколько людей читает газеты или говорит по телефону. Без такой информации нельзя сделать вывод об их влиянии на общество.

Если в этом плане рассматривать ближайшее к нам время (последние сто с лишним лет), поделенное на четыре периода:

I. 1867—1887 гг. — первая половина Мэйдзи.

II. 1887 г. —20-е годы XX столетия — вторая половина Мэйдзи и период Тайсё:,

III. 20-е —40-е годы,

IV. современность с 1945 г.,

то вырисовывается следующая картина.

В соответствии с данными по исследованию истории функционирования японского языка, в период I такое действие, как учение, было доступно немногим, а такое действие, как труд, было мало связано с языком. Развлечения были доступны ограниченному кругу людей. Невелик был круг действий, осуществляемых вне дома. Контакты не выходили в основном за рамки узкого родственного круга и за пределы деревни. А при необходимости контактов с представителями других общественных слоев свободы в речи не было, она была скованной и тяжелой. Это отмечают европейцы, побывавшие в Японии в конце периода Эдо (Гончаров, Головнин, Перри). Хотя прогресс общества способствует развитию разнообразных форм высказываний, но еще сохраняются традиционные шаблонные формы и строгий порядок приветствий при встрече, обращений к лицу, старшему по возрасту или более высокопоставленному с точки зрения

социальной иерархии. Большинству народа до периода Мэйдзи доводилось участвовать в коллективных речевых действиях, только слушая буддийские проповеди. С наступлением эпохи буржуазных преобразований — периода Мэйдзи — все эти традиции, обычаи и привычки быстро измениться не могли.

С 1872 г. по всей Японии была введена система государственного обучения. Если раньше знание, например, иероглифики относилось к специальным умениям, то теперь без грамоты социальная жизнь становится невозможной. Это наиболее значительное изменение в истории языкового существования Японии этого периода. Однако тексты, помещавшиеся в крупных газетах того времени (оосимбун) и написанные искусными в иероглифике людьми, трудны для широких масс, только начинающих приобщаться к образованию. Языковая практика откликается на это, и наряду с оосимбун появляются так называемые малые газеты (косимбун), которые пишутся нарочито легким языком и содержат развлекательный материал и описание происшествий.

Процент обучающихся в школах еще невелик, а обучение неудовлетворительно. Начинают с трудных текстов старописьменного языка, которые многократно заставляют читать вслух почти наизусть. Тексты школьных учебников пишутся с интонационными паузами и предназначены также для чтения вслух. В японских романах встречаются сценки, описывающие, как прислуга—девушки из деревни — читает газеты, бубня под нос. По-видимому, привычка чтения молча у японцев сравнительно недавнего происхождения. Традиционные же приемы чтения вслух связаны с ритмом чтения китайских текстов.¹

В период II, довольно продолжительный, все новшества, наметившиеся в предыдущий период, получают значительное развитие. Конец этого периода уже мало чем отличается от современности. С точки зрения характера жизненных действий,

¹ В исследованиях европейской античности высказывается предположение что античность вовсе не знала чтения «про себя»: даже наедине с собой люди читали вслух, наслаждаясь звучащим словом [17, с. 7].

увеличилось число видов труда, требующего использования языка. Возросла и численность действий, связанных с пребыванием вне дома, но отдых и развлечения все еще малодоступны большинству населения. Повседневный разговор по своей языковой форме стал в меньшей степени ограничиваться рамками шаблона. Главным же было то, что в этот период побеждает «единство речи и письма», больше внимания уделяется устному общению. Период II — период «открытия» японцами своего языка— подобен периоду отказа от латыни в Западной Европе, когда получили признание национальные языки. С 1903 г. вводятся пункты шрифтов и количество полиграфической продукции значительно увеличивается. Появляются еженедельные журналы, дешевые издания художественной литературы, так называемые эмбон (букв, 'одноиеновые книги'). Каковы тексты этой продукции? Иероглифов в них мало, но они снабжены чтением азбукой кана, и прочтение труда не составляет. Важно, что тексты пишутся на разговорном языке. Хотя проблема грамотности еще окончательно не решена, но доступ к печатной продукции для широких масс открыт. Характерно, что к этому времени в Японии уже созревает идея целенаправленного вмешательства в развитие языка: учреждены в 1902 г. Комиссия по исследованию родного языка (Кокуготё:са-иинкай) и в 1921 г. Временное общество по исследованию родного языка (Риндзи-кокуготё:сакай). Развитие получает и зародившаяся еще в конце периода Эдо реклама (книг, лекарств, парфюмерии и т.д.).

Отличительная черта периода III — появление радио. Радиовещание в Японии началось с 1925 г. В 1932 г. число слушателей достигло 1 млн. человек, а в 1940 г. — 5 млн. Распространение радио придает авторитет языку радио как норме, как образцу языка. Если тексты первых радиопередач в Японии представляли собой просто газетный текст, который произносился диктором вслух, то вскоре стало очевидным, что радиотекст должен быть написан специально. Возникла необходимость исследования различия текстов письменной и устной речи в японском языке. Одновременно встала немаловажная для японского языка проблема, связанная с подбором лексики, понятной на слух, и заменой заключительных нейтральных форм сказуемых на вежливые, поскольку в устной речи они ориентируются на определенного адресата (ср. [46, с. 129]). Широкий слушатель уже

различает искусную и неумелую устную речь и чувствует недостатки текста, специально не подготовленного для устного сообщения. В этот же период получает развитие и телефон.

Привлекая внимание к устной речи, радио и телефон заставляют задуматься и о диалектах. Еще в период Мэйдзи возникла проблема нормализации произношения и устранения искажения произношения в диалектной речи. Теперь, т.е. в период III, вопрос ставится шире: рассматривается вопрос нормализации не только произношения, но и ударения в японском языке. В период Мэйдзи считалось, что ударения в японском языке нет. Теперь оно фиксируется и приводится в систему, появляются словари ударений.

Начало периода IV характеризуется влиянием тяжелых последствий войны и некоторым застоєм во всех сферах деятельности. Но в языковом существовании происходят изменения. С 1951 г. начинается частное радиовещание. К 1952 г. число слушателей вырастает до 10 млн. человек. Слушателю дается возможность самому выступать перед микрофоном. Помогает и школа: в учебниках для начальной школы, например, сообщаются правила ведения телефонного разговора. С 1953 г. начинаются передачи телевидения. Это вносит значительные изменения в массовую коммуникацию и тесно связывается в Японии с усиленным развитием рекламы, особенно в частном вещании.

Ликвидация феодальной иерархии, демократизация отношений между различными слоями населения, между мужчинами и женщинами и т.д. упрощают систему гонорифических средств и делают более интенсивным речевое общение.

Произошли сдвиги и в письменном языковом существовании: определен иероглифический минимум, введена новая орфография. В деловой жизни прекращается употребление рисовой бумаги и кисти для письма. Кисть заменяется авторучкой. Наряду с традиционно принятым в Японии вертикальным расположением строк в тексте все

больше входит в практику горизонтальное направление строки даже в официальных документах.

Обследование распределения жизненных действий населения Японии

Достаточно схематичное в первом приближении сравнение тех сдвигов в отдельных сферах языкового существования, которые, по мнению японских лингвистов [87, с. 23—25], необходимо связывать с фактами системы языка (например, на данном этапе со сближением письменной и устной речи, с распространением «модных» и заимствованных слов, с употреблением диалектов и гонорифических средств), послужило основой для детальных обследований в синхронном плане соотношения времени, необходимого для различных жизненных действий народа. Этой задаче служат статистические Обследования времени распределения жизненных действий (Кокумин-сэйкацудзикантё:са), проводимые японской корпорацией вещания NHK, которая при этом преследует свои цели планирования объема, содержания и времени передач радио и телевидения. Обследования проводятся каждые пять лет, начиная с 1960 г. Результаты обследований суммированы в издаваемых Институтом изучения общественного мнения по вопросам вещания NHK объемистых трудах, свыше 1000 страниц каждый [112].

Все жизненные действия народа в этих работах поделены на 13 групп:

- 1) сон;
- 2) еда;
- 3) туалет;
- 4) труд (работа в учреждениях, на предприятиях, торговля, доставка, сельскохозяйственные работы на полях, уход за скотом, ловля рыбы, домашняя работа и т.д.);

- 5) учение (в учебном-заведении, дома — приготовление заданий и т.д.);
- 6) домашние дела (приготовление пищи, стирка, уборка ит.д.);
- 7) контакты (со знакомыми, друзьями, коллегами, родственниками, в родительском комитете школы, в женских и местных обществах, свадьбы, похороны, религиозные отправления и т.д.);
- 8) отдых (в кругу семьи, разговоры, застолье);
- 9) развлечения (кино, театр, посещение спортивных зрелищ, музыка, игры, спорт, прогулки, работа в саду и т.д.);
- 10) выход из дома (путь на работу, в школу, за покупками и т.д.);
- 11) газеты, журналы, книги;
- 12) радио;
- 13) телевидение.

Нельзя с уверенностью говорить об отсутствии речевых действий даже в группе 1 (сон).² С определенной долей условности их можно исключить из группы 3 (туалет), из таких рубрик, как уход за скотом (группа 4), приготовление пищи, уборка, стирка (группа 6), ловля рыбы, работа в саду (группа 9). Во всех остальных случаях речевые действия могут или должны быть представлены.

Указанные 13 групп действий фиксируются по 96 поясам времени, т.е. каждые 15 минут в течение суток как в будни, так и в субботу и воскресенье для групп населения, выделенных по следующим основным критериям:

- 1) все население страны;
- 2) мужчины, женщины (отдельно);
- 3) по возрастам от 10 до 70 лет и выше;

² Канадский лингвист В. Мэки, например, специально выделяет в своей классификации «речевые действия во сне» [183].

- 4) по возрастам, мужчины;
- 5) по возрастам, женщины;
- 6) по уровню образования;
- 7) по профессиям;
- 8) по величине предприятия, где работает обследуемый;
- 9) по 10 районам страны;
- 10) по крупнейшим центрам населения, городам и сельским районам.

В результате получается огромный по объему подробный статистический материал. Так, приводятся данные о том, что в обычный день недели чтением газет заняты

	всего населения (%)	мужчин (%)	женщин (%)
в 6 час. 15 мин.	1,6	2,8	0,6
в 6 час. 30 мин	2,4	4,4	0,8
в 6 час. 45 мин.	3,6	6,8	1,0
в 7 час. 00 мин.	4,6	8,3	1,4
в 7 час. 15 мин.	4.3	7,3	1,8

и так далее в течение суток с интервалом в 15 минут для всех групп населения, выделенных по вышеприведенным критериям.

Обследование дает также сведения о количестве среднего времени, которое затрачивает в день каждая группа населения на каждое действие.

Методологической основой анализа полученного таким образом обширного статистического материала становится, как свидетельствуют работы японских ученых, разбивка времени совершения различных жизненных действий по зонам этих действий. Таких зон определено три: 1) время, необходимое для действий физического существования, 2) социально связанное время и 3) свободное время [81, с. 1—14].

В результате трехкратного обследования (1960, 1965, 1970) в выводах зафиксировано следующее: за 10 лет подъем по утрам стал

происходить на 30 минут позже и отход ко сну на 30—45 минут позже. Первое объясняется тем, что благодаря широкому внедрению бытовых электроприборов сокращается время приготовления завтрака, а также значительно сократился состав сельскохозяйственного населения (9,5 против 18% в 1960 г.), которое сильно влияет на средний процент рано встающих по стране. Развитие общества приводит к тому, что появляется больше ночных развлечений (ночные рестораны, бары, кинотеатры и т.д.), а также новые виды обслуживания, стимулирующие соответствующие действия в позднее время. Создается проблема так называемого третьего пространства (кроме дома и работы). Это «пространство отдыха», т.е. посещение, главным образом мужчинами, кегельбанов, баров и других предприятий развлечения по пути с работы домой или же совместный выход супругов для развлечения в вечернее время.

Возникает новое понятие «ночная культура» (якан-бунка). Ночная культура активно охватывает и учащуюся молодежь, в частности, потому, что объем домашних заданий, подготовка к экзаменам заставляют их засиживаться за полночь, захватывая «25-й час» у новых суток. Если в 1960 г. большинство народа, ложилось спать к 12 часам ночи, то в 1970 г. 20% населения, т.е. каждый пятый японец, после полуночи еще не спит.

«Третье пространство» и «25-й час» отнимают зрителей у телевидения. Тем не менее среднее время, затрачиваемое на телевизор, за пятилетие (1965—1970) возросло на 13 минут, а у женщин старше 20 лет — даже на 29 минут. Но у двадцатилетних, тридцатилетних и сорокалетних мужчин это время сокращается. Они заняты на работе, дольше едут до места работы и тратят довольно много времени на «третье пространство». Активно действующие слои общества проводят меньше времени у телевизоров. Много смотрят телевизор старики, домашние хозяйки и крестьяне, у которых свободное время в течение дня раздроблено.

Подобные наблюдения заставляют думать о соответствующем комплектований программ передач. Основное время, отводимое на телевизор, переместилось за десятилетие от 18—20 часов на время после 21 часа, когда смотрят телевизор уже не походя, а в качестве отдыха, специально.

Положение с радио за последние пять лет почти не изменилось. Радио слушает примерно 20% населения в среднем 27—28 минут в день. Максимальное время — 2 часа 20 минут слушают радио те, кто совмещает слушание с работой (владельцы и продавцы маленьких магазинов и т.п.). Слушает радио и молодежь — главным образом программы по заявкам.

На печатную продукцию в среднем (включая и нечитающих) приходится 30 минут в день. Читают в основном мужчины от 20 до 40 лет, женщины меньше, особенно после 60 лет; они предпочитают телевизор. Читают в транспорте утром газету, в обеденный перерыв и вечером не только газету, но и журналы и книги, а после 21 часа преимущественно книги. Следует учесть, что печатное слово связано и с трудовым процессом, а телевидение может совмещаться пока только с трудом домашних хозяек.

В целом, с точки зрения языкового существования действиями, связанными с телевидением, охватывается в среднем по стране 94,5% населения, с радио —20,7, с печатной продукцией—52,8%.

Обследование 1973 г. не показало значительных изменений, подтвердив более или менее стабилизировавшуюся картину. Таковы в общих чертах выводы, которые делают японские ученые в результате проведенных обследований [81, с. 1—14; 125, с. 1—8].

Следует иметь в виду, что обследования осуществляются индустрией вещания и основной своей целью имеют практическую задачу комплектования программ передач радио и телевидения. А это имеет

непосредственное отношение к проблеме регулирования взаимоотношений между языковым и неязыковым существованием.

Выше упоминалось, что среднее время, затрачиваемое на чтение, т.е. на печатную продукцию, в Японии — 30 минут в день. Учитывая большое количество различных изданий в стране, это мало, почему и указывается специально, что печатное слово связано и с трудовыми процессами, которые по времени учитываются как «труд», а не как «чтение».

Проблему сочетания жизненных действий с языковыми нельзя считать полностью решенной. Помимо таких простейших случаев, как, например, обычная беседа за столом, которая, согласно японской теории языкового существования, попадает в рубрику действий «еды», есть и более сложные случаи. Ручное вязание у опытной мастерицы может сочетаться с чтением, ритмическая песня при плетении кружев нередко заменяет счет, достаточно обычно сочетание сельскохозяйственных работ с песней.

Участник обследования НК Тамурэ Дзёсэй указывает, что стремление охватить в обследовании все жизненные действия неизбежно приводит к приближенным обобщениям и неясности. Он говорит о тенденции к детализации, наблюдающейся в обследованиях 1970 и 1973 гг. Детализации подверглись разделы «труд», «учеба», «контакты», «развлечения», которые были поделены на рубрики «дома» и «вне дома»; «пребывание вне дома» детализировано по цели — «в связи с работой», «учеба», «отдых»; рубрики «телевизор» и «радио» уточнены при помощи критерия наличия или отсутствия параллельных действий или других участников, кроме данного индивида [146, с. 17—23].

Признавая неудовлетворительность установления отношений между жизненными действиями в проводимых в Японии обследованиях, Тамура Дзёсэй подчеркивает, что в отличие от других биологических индивидов человек для поддержания своего физического и

интеллектуального существования нуждается в определенных «социальных действиях» — в коммуникации. Поэтому в уточнении разного рода действий человека он считает важным уточнение времени их протекания, а также фиксацию места нахождения, которое может иметь и функциональное значение, т.е. быть местом применения орудий, установок, сооружений (например, спортивный зал и т.п.). Это уточнение, по его мнению, необходимо, так как кафе, например, может быть местом действия «еды», а может быть и местом беседы. От детализации места действия нередко зависит представление о самом действии [146, с. 21—23].

Речевые и неречевые действия по данным теории языкового существования

Своеобразный подход японских филологов к изучению речевой деятельности общества связан со стремлением к упорядочению системы речи как системы осуществления социальных связей, как общественного института. Однако японские авторы начинают это упорядочение не с представления о структуре общества как целого и выделения в этой структуре подструктур разной степени дробности. Движение их рассуждений имеет противоположное направление. Японских филологов интересовал главным образом индивид, его потребности и возможности. Прежде всего они обратили внимание на систематизацию речевых отправлений индивида (говорение, слушание, чтение, письмо), как бы предполагая, что если эта сторона проблемы будет раскрыта, то речевые связи общества выявятся и получат развитие сами собой.

Такой подход может иметь разные объяснения. Японский Институт родного языка в качестве одного из объяснений выдвигает появление массовой коммуникации как существенной перемены в технике речевого общения, к которой японский народ недостаточно привык и еще не овладел в должной мере [106, с. 30; 153, с. 2—11; 131, с. 1—14; 94, с. 1—24]. С этим же можно связать образование в Японии многих ведомственных институтов при радиокорпорациях и иных

органах массовой информации, которые также занимаются изучением проблем языкового существования.

Вероятно, введение массовой информации как целого и развитие навыков пользования ею как частности — весьма существенный мотив создания теории языкового существования, но вряд ли можно утверждать, что она возникла исключительно по этой причине. Теоретики языкового существования прекрасно понимают эффективность массовой информации, ее определенную направленность на то, чтобы влиять на мнение и организовывать деятельность людей [86, с. 145; 96, с. 229; 70, 1973, № 9 (264)]. Но японским филологам совершенно несвойственно представление о том, что массовая аудитория легко может быть подчинена произволу органов массовой информации. Напротив, их установки сводятся к тому, что текст массовой информации должен содержать помощь, совет и руководство к действию в необходимых для получателя информации случаях. Японских филологов интересуют условия, наиболее благоприятные для восприятия той или иной информации. Они стремятся не навязывать рекомендации и советы, а выяснить, чего ожидает человек от речевого общения и как удовлетворить эти его запросы наиболее разумным способом.

Таким образом, теория языкового существования разрабатывается как бы в интересах получателя массовой информации, а не только в интересах газетных монополий и разного рода корпораций, хотя, конечно, при этом понимается, что и интересы последних должны быть должным образом учтены.

Изучение и учет всех видов речевой коммуникации, т.е. основные направления теории языкового существования, означают распространение стандарта литературного японского языка — общего языка (кё:цу:го) на все виды речевых действий. Если прежде некоторые виды речевых действий оставались вне сферы общего языка, то теперь они «втягиваются» в область языка-макропосредника. Этот процесс производится для того, чтобы любое слово общего языка

произносилось и писалось единообразно и правильно, и этим стандартизируется и развивается устная сфера общего языка, необычайно важная для многих современных средств массовой информации.

Развиваясь, эта устная сфера охватывает все виды речевых контактов. Владение литературным языком — благо для каждого члена общества. Но это одновременно и централизация управляемости обществом и средство для определенного влияния на личность и общество в целом, т.е. для эффективного управления языком и далее — через язык — обществом.

То, что внешне выглядит как «демократизация» языка, как забота о том, чтобы все члены общества говорили на одном «общем» языке, фактически является распространением стандартизации языка, централизацией управления речью. В этом в условиях буржуазного капиталистического государства может быть скрыта серьезная опасность выявления более эффективных способов формирования стандарта мышления, появления более изощренных способов идеологической обработки большого числа людей, так как нет сомнения в том, что как только будет достаточно разработана и усовершенствована техника речевого воздействия, она тотчас же будет использована господствующим классом и наполнена соответствующим идеологическим содержанием.

Таким образом, отправной пункт исследований направления языкового существования — получатель массовой информации, исчисление его общей речевой нагрузки, анализ всех его речевых действий, оценка их правильности, учет всех типов речевых произведений общества и поиск путей защиты, как формулируют японские лингвисты, от «загрязнения среды информацией» (дзё:хо:-ко:гай) как результата неправильных речевых действий. Это, как нам кажется, приводит к новому расширенному понятию культуры речи. Если в европейской и, в частности, в советской традиции теория культуры речи воспринимается как проблема соблюдения норм литературного языка,

как проблема владения стилем речевого произведения, т.е. изучается внутренняя сторона высказывания, то японские исследования в области языкового существования имеют в виду главным образом внешнюю сторону высказываний, с которыми выступают индивиды — создатели и получатели высказываний. Иными словами, в теории языкового существования культура речи воспринимается прежде всего как культура обмена речевыми актами. Поэтому японский термин «языковое существование» может быть истолкован как «речевая культура народа». В Японии культура речи в предложенном выше понимании предстает как рационализация и «оздоровление» речевых действий в обществе.

Уменьшение стрессовых ситуаций, возникающих в процессе речевого общения в результате неправильных речевых действий, или «стресс-речевого воздействия», которое за счет этого может быть достигнуто в осуществлении бесчисленного количества актов коммуникации в обществе в целом, может способствовать не только моральному равновесию в обществе, но и физическому здоровью его членов.

Связь между исчислением речевой нагрузки и ролью в анамнезе многих заболеваний неврогенного фактора, учет которого, как отмечается в нашей медицинской литературе, «все еще упирается в трудность объективной оценки, в невозможность „количественной“ характеристики степени нервного напряжения» [68, с. 36], представляется широким полем исследования. Здесь возможно также соприкосновение с областью, приобретающей все большее значение в жизни и деятельности общества, — инженерной психологией, с проблемами диспетчерской связи и — шире — с проблемами отношения машины и человека вообще [27, с. 398—413].

Естественно, что теория языкового существования не предлагает подобных выводов, но сам отправной момент ее, т.е. индивид, его речевая нагрузка и защита его посредством исчисления и рационализации этой нагрузки, открывает путь для исследований в

этом направлении. Возможно, в данной перспективе и состоит главная ценность теории языкового существования для современного общества.

Глава IV

ТИПЫ РЕЧЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ. ПРАВИЛА, РЕКОМЕНДУЕМЫЕ ДЛЯ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ РЕЧЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

Соотношение устной и письменной речи в речевой деятельности и практике изучения речи в Японии

Перед японской лингвистикой в плане изучения проблем речи на современном этапе развития японского языка стоит задача совершенствования речевой культуры японского общества. В этом направлении и осуществляется основная работа широким фронтом. К ней привлечены не только научные силы, но и коммерческие предприятия, пресса, радио, телевидение, Наиболее крупное радиообъединение — Японская корпорация вещания NHK и ряд частных органов вещания в течение многих лет осуществляют циклы радио- и телепередач, в которых широким массам освещаются и разъясняются проблемы, особенно остро поставленные языковой ситуацией современной Японии, проблемы культуры речи; рассматриваются речевые действия различных слоев населения и представителей различных профессий, перспективы развития японского языка; анализируется развитие речи детей, преподаются образцы устной речи [108, с. 40; 110, с. 4].

В системе Японской корпорации вещания NHK имеется Объединенный научно-исследовательский институт культуры вещания (NHK: со:го:хо:со:-бунка кэнкю:дзё), а в 1966 г. был учрежден также Институт обследования общественного мнения по вопросам вещания (хо:со:-ёрон-тё:сасё). Задачами обоих институтов является исследование языка вещания и определение его доступности для различных категорий слушателей. Результаты их деятельности публикуются в

различных изданиях Корпорации, среди которых журнал «Культура вещания NHK» («NHK хо:со:-бунка»), ежемесячные Бюллетени Объединенного научно-исследовательского института культуры вещания и Института обследования общественного мнения по вопросам вещания (бункэн-гэппо:), Доклады о научно-исследовательской работе Института культуры вещания (хо:со:-бунка кэнкю:дзё тё:са-кэнкю: хо:коку), ежегодные Отчеты Института (хо:со:-бунка кэнкю:дзё нэмпо:) и ряд специальных отдельных изданий.

Большая работа в области изучения речи осуществлена Японским государственным исследовательским институтом родного языка: в 1949, 1950, 1951, 1952 гг. в городах Сиракава, Цуруока, Иида и Уэно проведены «обследования двадцатичетырехчасового языкового существования», было осуществлено обследование устной бытовой речи в Токио и его окрестностях (1952—1953), а также выполнено исследование употребления слов вежливости в городах Уэно и Окадзаки (1952—1953) [72; 148; 78; 116]. В 1960—1963 гг. вышло капитальное исследование «Модели предложения в устной речи» [163; 164]. Были предприняты изыскательские работы крупного масштаба и в области письменной речи, а именно в области словоупотребления в публицистическом стиле [159; 139; 140; 74; 75; 76; 82]. В частности, при обследовании «лексики и иероглифики современных журналов 90 различных видов» (1962—1964) было статистически обработано 140 млн. лексических единиц, а при «обследовании лексики газет с помощью ЭВМ» (1970—1973) — 300 млн. лексических единиц.

В результате осуществления подобных основательных исследований лексики накоплен значительный опыт и разработана новая методика. Например, статистическими данными обоснован метод изучения лексики путем выборки типичных образцов из различных слоев обследуемого материала, выведены формулы для приблизительного определения по образцам общего количества слов обследуемого источника, для разграничения омонимов и явлений полисемии, а также установлена методика определения абсолютной частотности с помощью коэффициента частотности.

Результаты таких исследований сведены в лексические таблицы, составленные в порядке алфавита или по коэффициенту частотности, а также в таблицы распределения слов по значению. Эти таблицы позволяют получить представление о современном языковом существовании японского общества. Иначе говоря, подробные обследования широких слоев лексики, обслуживающей общение японцев, дают возможность взглянуть на языковое существование современной Японии в плане его лингвистического содержания, т.е. позволяют увидеть, в каком словесном материале современный японец осмысливает окружающую его действительность.

Заслуживает внимания работа Института родного языка по теме «Исследование языка периода Мэйдзи» (1867—1912), начатая в 1955 г. Первым трудом в исследованиях данной серии был «Словарь газеты начального периода правления Мэйдзи» [122], в котором дан общий обзор употребления знаменательных и служебных слов, структуры слов, правописания и стиля на материале годового (ноябрь 1877 г. — октябрь 1878 г.) комплекта газеты «Почтовые ведомости» («Ю:бинхо:ти-симбун»). В 1958—1959 гг. были проведены исследования лексического состава образцов научной и публицистической литературы, изданной в 1868—1877 гг. По мнению ученых, именно в избранный ими период (закладывался фундамент «культурной письменной речи» (бункатэки-ё:го). Для проведения таких изысканий было привлечено 52 оригинальных издания 22 видов и переводов с иностранного языка по вопросам политики, государственного строя, права, экономики, литературы, истории, культуры, медицины. В результате была составлена картотека словаря первых десяти лет периода Мэйдзи, включающая 40 654 знаменательных слова (не считая имен собственных, географических названий и числительных). Если в этой картотеке отражена лексика преимущественно научных и литературных текстов, характерная для письменной речи, то с 1960 г. началась обработка изданий того же периода, содержащих лексику быденного языка, лексику устной речи. Среди них такие произведения, как «Вопросы и ответы относительно торгового обмена» (ко:эки-монто:») Като Хиродзо (два тома, 1869 г.), роман Канагаки Робуна «Разговоры о всякой всячине вокруг сковородки с мясом» («Усия дзо:дан агура-набэ», пять томов, 1871 г.)

и так называемые малые газеты «Ёмиури» (июль 1878 г. — июнь 1879 г.) и «То:кё:-эири-симбун» (июль 1878 г. — июнь 1879 г.), которые в отличие от исследованной ранее «крупной газеты» «Почтовые новости» («Ю:бин-хо:ти-симбун») были рассчитаны главным образом не на интеллигенцию, а на менее образованные слои населения и помещали в основном информацию о происшествиях, а также статьи развлекательного характера. В ходе этой работы в исследуемой лексике были выделены два слоя: слой лексики культурной письменной речи и слой лексики бытовой речи, близкой к лексике устной речи. Целью таких исследований было раскрытие особенностей того и другого слоя, описание устойчивых словосочетаний, анализ наиболее интересных многозначных слов и выяснение, каким образом выражается в письменной речи отношение пишущего к читателю.

Материалы этой работы дают много интересных сведений о языковом существовании периода Мэйдзи, и ценность их состоит в том, что они дают яркий пример применения методов изучения языкового существования к изучению языка в диахроническом аспекте. В связи с этим подчеркивается: «Попытки изучения истории развития японского языка с позиции истории языкового существования за последнее время приобретают все большее распространение и по сути дела открывают новую область в изучении истории языка» [109, с. 20].

Опираясь на подобный обширный эмпирический материал, японская лингвистика и подходит к изучению и классификации типов речевых действий (о которых говорилось выше) и строит схему четырех типов речевых действий: говорение и слушание, письмо и чтение, в свете которых рассматриваются другие проблемы языка и речи. «Первоочередными проблемами родного языка являются проблемы лексики и письма, которые изучаются и обсуждаются уже давно — с начала периода Мэйдзи. Задача состоит в том, как решить эти проблемы в гармоничной связи с нашим нынешним говорением и слушанием, письмом и чтением» [117, с. 138].

Относительно количественного соотношения устной и письменной речи в речевой деятельности японцев существует представление о значительном преобладании устной речи. Графически это может быть представлено в виде двух концентрических кругов. Первый, внутренний, круг — письменная речь, второй, внешний, значительно больший по площади, — устная речь. Верхняя половина кругов — это деятельность выражения, т.е. письмо, говорение, а нижняя — деятельность понимания, т.е. чтение и слушание [168, с. 150; 66, с. 33]. Такое представление подтверждается статистическими данными: двадцатичетырехчасовое обследование языкового существования, проведенное в Японии Государственным исследовательским институтом родного языка, показало, что мелкий торговец в г. Цуруока в своих ежедневных речевых действиях на чтение и письмо расходует 19% времени (около 1,5 часа), а на слушание и говорение 81% (около 6,5 часа).

В этом же городе служащий местного городского учреждения на чтение и письмо, включая и служебные обязанности, расходует менее 32% времени (около 3 часов 40 минут), а 68% времени (около 8 часов 10 минут) — на устные языковые действия [148, с. 280]. В городе же Сиракава у крестьянки, жены торговца и у парикмахера на чтение (преимущественно газет) и письмо уходит менее 10 минут в день [72, с. 302].

Более широкое обследование в масштабах всей страны, в котором точно были учтены только действия восприятия речи, массовой информации, показали, что в 1966 г. у среднего японца на телевизор и радио затрачивалось в день 3 часа 17 минут, а на газеты и другую печать—50 минут [111, с. 3]. В 1970 г. мужчины на телевизор и радио затрачивали в день 3 часа 22 минуты, а на печатную продукцию только 40 минут, а женщины соответственно 4 часа 12 минут и 22 минуты [145, с. 8].

Удельный вес устных и письменных речевых действий, по-видимому, отражается и в их классификации. В частности, относительно действий,

связанных с письмом, признается, что этот вид речевой деятельности представлен в жизни общества в значительно меньшей степени, чем говорение, слушание и чтение. Важную роль он играет в школе, а далее в общественной практике, за исключением особых профессий, часто ограничивается лишь написанием писем [102, с. 277].

Классификация типов речевых действий в японской лингвистике

В основу классификации речевых действий, связанных с письмом, в японской лингвистике положен признак цели. Такая классификация включает:

- 1) действия для собственной тренировки (для организации мыслей, чтобы не забыть что-либо);
- 2) действия, предназначенные для представляемого собеседника, с осознанием определенной цели коммуникации с ним, а именно:
 - а) чтобы доставить удовольствие собеседнику,
 - б) чтобы сообщить ему какую-либо информацию,
 - в) чтобы произвести на него определенное впечатление,
 - г) для убеждения его в чем-либо,
 - д) для побуждения к действию.

При совершении речевого действия, в данном случае связанного с письмом, субъект, т.е. пишущий, обязательно учитывает ситуацию общения. Иными словами, пишущий принимает во внимание, находится ли предполагаемый собеседник в ситуации персональной коммуникации, массовой коммуникации или так называемой «массовой коммуникации малых форм» (собрание, выступление с трибуны и т.п.) [93, с. 212].

Более детальная разработка классификации дает представление о различных формах речевых произведений, получаемых при данных действиях. При действиях, направленных на себя, это дневник, конспект, заметки. Речевые действия, адресованные кому-либо, дают письмо (по почте), доклад, статью, обзор, репортаж, рассказ, повесть, роман, сказку, стихи, объявление, надпись [102, с. 319—325].

Возможны и иные подходы к систематизации речевых действий, связанных с письмом. Так, существуют классификации, в основе которых лежат принципы: цели —

- 1) тексты повествовательного характера (статьи, пояснения, сообщения),
- 2) тексты убеждающие (реклама, рассуждения, призывы); жанра (функции)—

назначения —

- 1) деловые тексты (объявления, пояснения, письма, сообщения),
- 2) литературные тексты (роман, сценарий, пьеса, эссе);

отношения пишущего к тексту —

- 1) тексты субъективного характера (лирика, дневник, эссе, письмо),
- 2) тексты объективного характера (статьи, сообщения, пояснения, объявления);

типа выражения —

- 1) тексты абстрактного характера (теоретические сочинения);
- 2) тексты конкретные (сообщение, роман) [92, с. 93].

Объем речевых действий, связанных с другим видом письменной коммуникации — чтением, несомненно больше, чем объем речевых

действий, связанных с письмом [66, с. 32—33]. Следует упомянуть, что громкое, выразительное чтение и чтение вслух в школе с точки зрения японской лингвистики представляет собой особый вид по сравнению с чтением, рассматриваемым как деятельность восприятия письменных знаков и понимания. В частности, считается, что громкое чтение (со сцены, по радио, телевидению) является субъективной голосовой интерпретацией предварительно усвоенного из текста смысла и потому скорее должно быть отнесено к говорению, независимо от того, является ли оригинал читаемого собственным «произведением» читающего или чужим.

Самой обобщенной классификацией речевых действий чтения также является классификация по цели этих действий:

- 1) для развлечения и получения удовольствия;
- 2) для получения знаний и общего развития;
- 3) функциональное чтение (для получения информации, чтение рабочих документов, чертежей, специальной литературы).

По скорости чтения различаются следующие его виды:

- 1) беглое;
- 2) внимательное (при чтении литературных произведений);
- 3) тщательное (при чтении «трудных» текстов или инструкций).

Возможна и классификация речевых действий, связанных с чтением, по типу понимания:

- 1) для получения общего впечатления (быстрое чтение);
- 2) для понимания основного содержания;
- 3) для понимания последовательности событий, причины и следствия;

- 4) для подробного запоминания;
- 5) для понимания инструкций, наставлений;
- 6) для сопоставления нескольких точек зрения и вынесения своего суждения.

Наконец, существует классификация речевых действий чтения по участию голоса:

- 1) вслух (как средство обучения);
- 2) вполголоса (как оставшаяся привычка, а иногда для лучшего понимания текста);
- 3) без голоса с шевелением губ (так же как оставшаяся привычка);
- 4) молча (обычное чтение «про себя»).

В теории языкового существования выделяются также и действия чтения как средства обучения:

- 1) по складам;
- 2) по предложениям;
- 3) хором;
- 4) обычное чтение для восприятия и понимания смысла.

Классификация действий чтения может осложняться учетом материала, который служит объектом чтения: газета; журнал; учебник; словарь; художественные, научные издания; письма, телеграммы; конспекты; документы; афиши; плакаты. С точки зрения жанровых разновидностей текста выделяются: письмо; дневник; заметки; роман; рассказ; хроника; пьеса; стихи; документы; таблицы, чертежи, схемы; плакаты и т. п. [136, с. 235— 244].

Что касается устной речи, то в теории языкового существования устанавливается, что речевые действия в устной речи могут быть элементарными (вопросы — ответы, диалог) и усложненными (беседа, обсуждение). Это относится к коммуникации на интерперсональном уровне. Наиболее сложная ступень устных речевых действий — это социальная коммуникация (публичная речь, дискуссии). Однако даже элементарные речевые действия не столь уж просты, и их успешному осуществлению нужно специально учиться, т.е. необходимо учиться говорить и особенно слушать с детства, еще до школы, в семье.

Теоретик языкового существования Нисио Минору полагает, что современное японское общество еще не овладело этим умением в полной мере. Нередко в разговоре отсутствует диалог, так как собеседнику не дают вымолвить слова, или наоборот: начинают разговор, не зная, что сказать, как спросить, всецело полагаясь на собеседника. Довольно часто говорящий слишком много внимания уделяет самому себе и слишком мало — собеседнику. Так, например, в ответ на фразу собеседника «Я вчера возвратился из Киото» немедленно заявляют: «Да, я тоже на днях съездил туда» вместо того, чтобы спросить, как прошла поездка собеседника. Существенно не только умение вести разговор, но и умение держаться при этом. Даже поза говорящего влияет на четкость хода разговора. (Вполне возможно, что это получило отражение в японской идиоматике, например, «коси-о суэру» - «твердо отстаивать свое мнение», букв. «поставить твердо свой корпус» и «коси-о отосу» «не отстоять своего мнения», букв. «расслабить корпус».) Еще больших навыков из-за своей сложности требует, по мнению Нисио Минору, публичная речь, т.е. социальная коммуникация [127, с. 9—21].

В подходе к изучению устной речи выделяются: 1) внутренние условия, т.е. оценка важности роли говорящего, его умения говорить, понимать, его позиции; 2) внешние условия, т.е. это факторы самого языка, и 3) побочные факторы, т.е. связь устной речи с чтением и письмом. Подчеркивается, что в обучении устной речи важно: отношение к собеседнику и ситуации и проникновение в суть темы и предмет разговора [115, с. 177—181].

Устные речевые действия также прежде всего делятся по их цели. Это деление в целом совпадает с классификацией письменной речи, а именно:

- 1) для развлечения собеседника;
- 2) для сообщения информации;
- 3) для целей обучения;
- 4) для убеждения;
- 5) с целью произвести определенное впечатление;
- 6) для побуждения к действию.

Иногда эти действия сводятся к трем, которые полагаются основными:

- 1) сообщение информации;
- 2) убеждение —
 - а) говорение с целью убедить или побудить согласиться,
 - б) говорение с целью вызвать определенные действия;
- 3) говорение для того, чтобы произвести впечатление —
 - а) для непосредственного сильного впечатления,
 - б) чтобы доставить удовольствие собеседнику [169, с. 77— 78].

Устные речевые действия делятся также на действия, использующие технические устройства (радио, телевидение, кино, звукозапись), и действия без использования технических устройств.

Кроме того, существует, классификация по отношению говорящего к числу слушателей: один говорящий и один слушающий; один говорящий и несколько слушателей; один говорящий и неопределенно

большое число слушателей («собственно массовая коммуникация») [126, с. 27].

Относительно связи слушания и говорения теоретики языкового существования полагают, что опыт, который мы получаем при слушании, — это, во-первых, опыт, получаемый только от слушания (речи с трибуны, речи через аппаратуру, чтения вслух или декламации, просмотра фильма или театрального представления), и, во-вторых, опыт от слушания, сопряженного с говорением (беседа, повседневный разговор). При этом считается, что «опыт слушания неотделим от опыта говорения» [168, с. 156— 166]. Поскольку все, что говорится, непременно ориентировано на слушателя (хотя бы потенциально), классификации действий говорения и слушания могут быть естественно сведены в одну: 1) диалог, 2) монолог, 3) беседа, 4) речевые действия смешанного типа.

Речевые действия при диалоге сводятся в основном к следующим: приветствия, взаимное представление при знакомстве, вопросы и ответы, речевые контакты в повседневных действиях, личный контакт, контакт по телефону.

Монологические речевые действия включают: речь (с трибуны), лекцию, публичное выступление, доклад, пояснение, оповещение, , уведомление, указание, инструкцию, речь через аппаратуру (радио и т.п.), чтение, декламацию.

Речевые действия при беседе охватывают прежде всего: разговор, обсуждение, дискуссию, собрание, совещание, собеседование или разговор втроем.

Речевые действия смешанного типа —это театр и прочие [168, с. 155— 157].

Указывается также, что основной объем устной речевой деятельности приходится на бытовую речь (разговоры об одежде, пище, жилье, в семье, с соседями, на работе, контакты в обществе). Иными словами, это главным образом сфера семейно-бытового общения. Здесь речевые действия необычайно разнообразны. Согласно данным обследования, проведенного в городе Мацуэ в 1963 г., выявлены следующие виды устных речевых действий:

1) высказывания в семье: беседа за столом, беседа с гостями, взаимные советы, высказываемые членами семьи, замечания, порицания, вопросы о делах, пререкания;

2) высказывания в школе и на работе:

а) деление по типу партнера — разговоры с товарищами, разговоры с учителями и руководством, знакомство с новым человеком, разговор с незнакомым человеком;

б) деление по типу речи — общие разговоры, советы, переговоры, обсуждения, указания, вопросы, собрание;

3) высказывания в разных местах: в магазине при покупке, во время ходьбы по улице с попутчиком, расспросы о том, как пройти куда-либо, остановка и разговор при встрече со знакомым на улице, беседа с врачом, получение справок в учреждении, ответы на вопросы прохожих, разговоры в местах ожидания;

4) высказывания, обращенные к большому числу людей. Они в основном совпадают с перечисленными выше монологическими речевыми действиями [92, с. 131—132].

Как уже говорилось, наиболее сложные акты устной речевой деятельности — это публичные выступления, лекции, собрания и т.п. В этой связи теоретики языкового существования специально отмечают публичную речь, которую характеризуют, в частности, так:

«При изучении публичной речи исследуются речевые действия широкой сферы: в речах с трибуны, на конференции, при ведении собрания, в застольных и приветственных речах, в пропаганде, интервью, при телефонном разговоре и радиопередаче. В конечном счете это и есть само «говорение» [93, с. 218]. Выделение этих типов речевых действий с некоторым незначительным варьированием свойственно большинству работ на эту тему в японской лингвистике [127, с. 7—24].

Далее, для целей практических выводов приведенная номенклатура речевых действий в обобщенном комплексе или в виде отдельных элементов (при более детальных исследованиях) включается в исследования сферы жизненных действий народа, пересекаясь с последними в различных плоскостях: свободного или связанного (рабочего) времени, нахождения дома или вне его, принадлежности к определенной группе населения, осознания индивидуумом своего социального бытия, зависимости от взглядов на человеческие отношения. Такое включение речевых действий в анализ сферы жизненных действий людей и статистическая обработка материала дают возможность получения определенных моделей речевых действий и коммуникации в обществе [134]. В этой связи при выделении и изучении форм и типов речевого общения японскую лингвистику особенно интересует возможность вынесения практических рекомендаций для упорядочения и повышения эффективности речевой деятельности, для чего формулируются специальные правила речевых действий.

Рекомендации для действий письма и чтения

Правила, рекомендуемые для речевых действий, связанных с письмом, сравнительно широко представлены в различных руководствах по обучению письму в школе. В их основе лежит разработка методов развития и совершенствования умения добиться выразительности текстов. Тексты, как правило, оцениваются с трех точек зрения: 1) с точки зрения владения пишущим выразительными средствами родного

языка, 2) по их содержанию в индивидуальном плане (глубина мысли пишущего), 3) по содержанию в общественном плане (полезность текста для общества).

В правилах зафиксирована необходимость иметь ясное представление о разнице между письменным и устным текстом. Необходимо помнить, что письмо — это монологический текст, где нельзя ни переспросить, ни ответить, что это текст, в котором передача смысла осуществляется только письменными знаками (нет ни интонации, ни жеста, ни мимики). В нем пишущий может выразить свои чувства и эмоции исключительно путем подбора слов и организацией их. Существенно и то, что написанный текст можно перечитать и исправить.

В условиях современной Японии особенно важным считается положение о необходимости шире употреблять в письменных текстах лексику устной речи, легко понятную на слух и избегать мало употребляемых в повседневной речи слов, образованных на базе корней китайского происхождения [102, с. 285—288].

Хорошими признаются тексты легкочитаемые и понятные, без тяжелых оборотов и замысловатых выражений, традиционно свойственных японской письменной речи. В частности, определительные придаточные предложения рекомендуется располагать максимально близко к определяемым словам, а также не разъединять длинными периодами подлежащее и сказуемое. Текст должен быть конкретным по содержанию и простым по форме, хорошо сбалансированным во всех своих частях и обладать убедительностью для читателя.

Составляя текст, непременно нужно учитывать читателя, т.е. того, кто, возможно, будет читать только обобщения, которые необходимо сделать в конце каждого раздела, и общее заключение, а также и того, кто будет знакомиться с текстом подробно. В связи с этим важной является проблема выделения абзацев и правильного использования знаков препинания: «круглой точки» (о), которая заканчивает предложения и сокращенные фразы в объявлениях, надписях и т.д., и

«черной точки» (、), выполняющей функции запятой, которая может ставиться для обозначения паузы и после выделительных частиц *ва* и *мо*, может отделять союзы в начале предложения и придаточные предложения, а также члены предложения в слитном предложении.

В Японии давно обсуждается проблема предпочтения горизонтального или вертикального расположения строк. Практически используются оба способа, но некоторые специальные исследования показывают, что при вертикальной строке движение взгляда по вертикали дает большее напряжение, большую усталость, времени при этом затрачивается в 1,13 раза больше, а ошибок совершается в 1,67 раза больше, чем при горизонтальном письме [95]. Поэтому постепенно в официальных текстах и в документации предприятий появляется все больше текстов с горизонтально расположенными строчками. Здесь важным моментом является конфигурация письменного знака. Латинские буквы в своем большинстве имеют в основе вертикальную линию и поэтому легче распознаются в горизонтальной строчке. Японские знаки имеют одинаковые размеры по горизонтали и вертикали. Поэтому при переходе на горизонтальное расположение текста нужно серьезно подумать об изменении конфигурации письменных знаков.

Весьма существенной представляется также проблема выбора слов. Рекомендуются не только не употреблять слова, записываемые иероглифами, которые не вошли в минимум, но вообще использовать как можно меньше иероглифов и, если это не наносит ущерба пониманию, шире пользоваться азбукой. Рекомендуются также употреблять не старые книжные слова и стереотипы, например, синцу:-суру 'беспокоиться', конкяку-суру 'затрудняться', уротаэру 'быть в замешательстве', а соответствующие разговорные, в данном случае симпай-суру, комару, аватару. Правила неоднократно подчеркивают требование такого словоупотребления в письменных текстах, которое было бы понятно на слух; слова должны быть максимально простыми и соответствовать своей эпохе Г92. с. 110—114].

Специально выделяются правила написания писем. Этикет японских писем значительно более сложен, чем в Европе (специальные формы обращения, приветствия, связанные с временем года, особые традиционные заключительные формы) [47]; в правилах тем не менее отмечается, что современное как частное, так и деловое, официальное, письмо не должно быть только набором этикетных форм, которые, конечно, должны быть помещены на своем месте, но основное содержание письма должно отражать индивидуальность пишущего. Письмо должно быть конкретным, с четко выраженным главным положением и своевременным, чтобы принести желаемый результат [92, с. 124— 126].

Относительно второго речевого действия письменной речи — чтения в Японии существует представление, что развитие техники производства печатной продукции и совершенствование способов снабжения ею читателя — важнейший фактор организации современного общества. Нечитающий безнадежно отстает от жизни [136, с. 221].

Чтение и письмо — важнейшие средства обеспечения коммуникативности в обществе, а следовательно, и важнейшие факторы формирования личности человека, адаптации его к окружающей среде. Чтение — одна из форм адаптации, поскольку это способ приобщения к культурным ценностям, накопленным обществом. При чтении материал опыта, представленный в тексте, или 1) принимается в неизменном виде и включается в систему своего индивидуального опыта; это пассивная адаптация, или 2) он вызывает протест читающего, и тогда последний более четко осознает свою собственную позицию; это активная адаптация. Таким образом, чтение является средством формирования индивидуальной системы опыта.

Чтение способствует как становлению отдельной личности, так и развитию общества в целом. Поэтому общество в конечном счете выигрывает, если члены его стремятся к чтению, умеют выбрать для этого полезный, а не только развлекательный материал. В развитом обществе человеку должен быть обеспечен доступ к чтению

(снабжение литературой, сеть библиотек и т.п.). Особенно при количественном преобладании материалов массовой коммуникации важно не ограничиваться развлекательной литературой, не отдавать предпочтение потребительскому чтению в ущерб творческому. Нужно уметь распознать предвзятые моменты в прочитанном, осознавая свою позицию, не поддаваться «магии печатного слова», уметь обсуждать прочитанное с окружающими, формировать на основе прочитанного свое личное отношение к действительности.

Считается, что чтение от слушания отличаются три момента: во-первых, голосовой импульс быстротечен и исчезает, а письменные знаки не исчезают; во-вторых, скорость говорения зависит от говорящего, читающий же сам выбирает скорость чтения; в-третьих, при слушании улавливаются интонации, тембр голоса, настроение говорящего. При чтении рукописного текста некоторая информация о пишущем может быть узнана (помимо содержания) по почерку, а в печатном тексте (также если отвлечься от содержательной стороны)—только по словоупотреблению (иероглифам), членению предложения; поскольку при чтении нет личного контакта, нужно вдумчиво относиться к этим моментам; в-четвертых, при слушании имеет место общение с говорящим, при чтении — «изоляция» читающего; нужно следить, чтобы чтение не превратилось в изоляцию от общества; в-пятых, для чтения необходима подготовка — знание письменных знаков.

Перед японским читателем, имеющим дело с иероглификой, встает особая проблема — проблема «сопротивления письменных знаков» (модзи-тэйко:), по терминологии Сакамото Итиро [136, с. 247]. Изучить все иероглифы, которые могут встретиться в тексте,³ нелегко, и читающий нередко сталкивается с незнакомыми знаками, которые тормозят и затрудняют чтение. Уменьшить это «сопротивление» и стремятся органы языковой политики введением упоминавшегося иероглифического минимума.

³ В словаре Морохаси Тэцудзи (1959 г.), например, зарегистрировано 19 700 иероглифов.

Таблица 1

**Способность к чтению
(% читаемых знаков)**

Возрастная категория	Год обучения	Иероглифы	Цифры	Азбука кана
Начальная школа 6 лет (возраст 6-11 лет)	5-й	62	98	80
	6-й	72	98	86
Средняя школа 3 года (возраст 12-14 лет)	1-й	79	99	89
	2-й	86	99	89
	3-й	91	100	98
Повышенная средняя школа 3 года (возраст 15-17 лет)	1-й	100	98	99
	2-й	100	100	99
	3-й	99	100	100
Взрослые		89	97	99

Однако «сопротивление» читающему оказывают не только иероглифы, но и лексика. Проблемы лексики возникают в связи с проблемами улучшения письма. Переход на азбуку кана или латиницу влечет за собой необходимость решения проблемы омофонов (о чем шла речь выше), замены их другими словами. Ограничение количества иероглифов сопряжено с решением этих же проблем.

Те данные специального сравнительного обследования способности чтения японцев разных возрастных категорий, которые приведены выше (табл. 1), показывают, что «средний» взрослый человек читает, как школьник-девятиклассник.

Рост лексического запаса у учащихся, который непосредственно связан с чтением, по данным Сакамото Итиро, может быть представлен следующим образом:

Возраст	Количество знакомой лексики	Прирост количества знакомой лексики (за год)
6	5 661	1 039
7	6 700	1 271
8	7 971	2 305
9	10 276	3 602
10	13 878	5 448
11	19 326	6 342
12	25 668	5 572
13	31 240	4 989
14	36 229	4 233
15	40 462	3 457
16	43 919	2 521
17	46 440	1 389
18	47 829	438
19	48 267	69

20	48 336	
----	--------	--

Таким образом, к 20 годам студент знает около 50 тыс. слов. Как можно видеть, наиболее интенсивное накопление лексики идет в 11—12 лет — период наиболее активного чтения [136, с. 266].

Рекомендации для действий говорения и слушания

В области устной речи, в частности в речевых действиях говорения, отмечаются два существенных фактора: 1) отношение говорящего к собеседнику и ситуации и 2) проникновение в суть темы, предмет разговора. На основе признания этих двух факторов устанавливается пять рекомендаций, способствующих успешному осуществлению говорения:

- 1) не следует стремиться избегать неприятного собеседника и неприятной обстановки;
- 2) следует опасаться необдуманного ответа «да, да», в который не вкладывается никакого смысла; нужно стремиться научиться быстро и правильно реагировать на высказывания собеседника;
- 3) при этом нельзя спешить и делать поверхностные заключения;
- 4) необходима активность, инициатива в речевом общении даже с незнакомым человеком, особенно в наше время значительного развития форм международного общения;
- 5) следует всегда сохранять естественность речи, в частности, и перед большой аудиторией.

Эти рекомендации дополняются следующими правилами говорения:

- 1) необходимо отчетливо представлять себе собеседника, предмет и ситуацию разговоров и говорить, только внимательно выслушав собеседника;

2) следует правильно оценить своего собеседника и свои взаимоотношения с ним и быть внутренне готовым к беседе с любым человеком;

3) надо стараться по возможности заранее оценить свою осведомленность и осведомленность собеседника о предмете разговора;

4) очень важно постоянно следить, понятно ли то, что говорится, собеседнику, помочь ему вопросом, пояснить свою мысль чертежом, проявить дружелюбие, юмор;

5) необходимо помнить, что важен «языковой характер» человека (гэнго-дзинкаку), т.е. эмоциональные факторы в языковых действиях, поскольку они могут оживить, а могут и обесцветить обстановку речевого общения и сказаться на способности суждения.

Условия успешного проявления «языкового характера» таковы:

- готовность говорить серьезно и ответственно;
- готовность поставить себя наравне с другими;
- желание активно убедить;
- ведение разговора дружелюбно и вежливо.

Отношение к языковому общению, способность к суждению и «языковой характер» человека признаются основой способности говорения [115, с. 181 — 195].

Устная речь, как уже упоминалось, с точки зрения соотношения говорящего и числа собеседников может быть поделена так: одно лицо к одному, одно — к нескольким, одно — к множеству. Но это не просто параллельные отношения. Если изобразить сферу устной речи схематически, то можно представить себе концентрические окружности, где говорящий принят за их центр (схема 2).

Схема 2

Схема показывает, что способность к монологической речи, которая представлена центральной окружностью, дополняется ситуацией вокруг говорящего и развивается по спирали, вырастая до способности руководить множеством людей на собрании. Эта способность охватывает и самого говорящего, и ситуацию.

Относительно самой техники осуществления действия говорения выносятся следующие рекомендации.

1. В говорении должны участвовать не только органы артикуляции. Один из опытнейших японских теледикторов Судзуки Кэндзи утверждает: «Говорение — это не только слова, говорить нужно “всем [своим] телом”» [92, с. 141].⁴
2. В процессе говорения следует постоянно анализировать слушателя и его реакцию, стремясь повысить эффект коммуникаций.
3. Избегать ставить себя в центр высказывания.

⁴ Ср. с двумя разделами произнесения речи, выделявшимися в античной риторике: «владение голосом и владение телом» [17, с. 25]

4. Красноречие — не обязательное условие успеха высказывания. Практика коммивояжеров показывает, что большего успеха добиваются менее красноречивые. Красноречие часто вызывает подозрительность слушающего.

5. Важным моментом является произношение и интонация, особенно в условиях японского музыкального ударения, связанного с подъемом и понижением тона.

6. Для японской речи чрезвычайно важен выбор нужного слова. Следует выбирать слова, понятные на слух.

7. Существенна правильная расстановка пауз. Известный в Японии мастер устного рассказа Токугава Мусэй утверждает: «Искусство говорения есть искусство пауз» (вадзюцу ва мадзюцу нари).

8. Длина высказывания в обычной беседе, в застольной речи, на дискуссии, как показывает опыт устной рекламы в Японии по телевидению и т.д. за последние 15 лет, рекомендуется не более 1 мин. 30 сек., а предпочтительно — ровно 1 мин. Упомянувшийся диктор Судзуки Кэндзи, исходя из своего опыта, называет 1 мин. 45 сек. и максимум — 2 мин. 30 сек. [92, с. 145— 148].

9. Очень важно, чтобы тема и материал высказывания были органически связаны, чтобы разговор развертывался естественно, без напряжения.

Эффективность речи признается японскими лингвистами зависящей от 1) четкого осознания реакции, которая должна быть вызвана у слушателя, 2) последовательного развития темы без изменения и отклонений, 3) ясности речи и умения оставить отчетливое впечатление у слушающего.

Теоретики языкового существования специально выделяют такие формы говорения, как разговор, диалог, застольная речь, ведение собрания и беседа. Обыденный разговор отличается от диалога тем, что разговор ведется с большей непринужденностью и не фиксируется, а диалог нередко фиксируется (стенографически, на пленку и т.д.). В качестве образца диалога для отработки навыков ведения диалога рекомендуется обмен репликами на сцене в театре. Застольная речь, по мнению Судзуки Кэндзи, в идеале должна ограничиваться 45 сек. При ведении собрания, особенно в условиях малознакомой аудитории, важно назвать себя, избегать высказывать собственное мнение и быть умелым арбитром в дискуссии. Наконец, правила беседы включают умение показать свое внимание репликой, легким изумлением, выражением согласия, уместными вопросами, а также умение слушать не перебивая, умение поддерживать непринужденность беседы. Для речевой практики Японии всегда особенно важным были правильный выбор нужных единиц из сложной системы гонорифических средств и личных местоимений в обращении и их правильное употребление. В нынешних условиях в этом отношении рекомендуется максимальная простота, причем следует проявить должное уважение, удерживая в то же время определенную психологическую дистанцию, быть достаточно корректным, официальным и проявить скромность.

В лекции или выступлении с трибуны существенным признается последовательное развитие темы и равномерный темп речи, чередование изложения сложных вопросов с возможностью некоторого ослабления внимания для аудитории, повторение важнейших положений и внимание к неречевой коммуникации — жестам, манере держаться (скромно, но с достоинством).

Наиболее общая рекомендация, как избежать недостатков говорения, — это краткость и конкретность высказывания, где всегда должны быть обозначены понятия кто, когда, где, что, почему и как [92, с. 157—186].

В отношении следующего речевого действия устной речи — слушания японские лингвисты часто отмечают, что в условиях быстрого темпа,

«быстротечности» устной речи нередко недоразумения возникают в результате отсутствия умения слушать, т.е. из-за отсутствия выработанной привычки улавливать важнейшее и умения обобщать главное в услышанном.

Человеку в повседневной жизни приходится много слушать, и опыт, усвоенный через слушание, в значительной мере организует жизнь людей. По данным проведенных в Японии исследований [92, с. 189], соотношение стимулов, т.е. информации, поступающей из внешнего мира и распределяющейся между нашими чувствами восприятия действительности, а также знаний, получаемых через эти органы, приблизительно таково:

	Стимулы (%)	Знания (%)
зрение	60	65
слух	20	25
обоняние	3	10
вкус	10	
осязание	15	

Исходя из этих данных, японские ученые приходят к выводу, что в этом важном для речевой практики действии — умении слушать нельзя полагаться на случайный опыт в приобретении навыков слушания. Возникает вопрос о необходимости обучения слушанию. Слушание — это прежде всего способность различать услышанное. Неумение слушать, как уже говорилось, порождает неисчислимы ошибки и искажения в понимании. «Если привить умение правильно слушать, все эти отрицательные явления должны исчезнуть, а если от такого пассивного искоренения недостатков перейти к активному развитию

навыков слушания, в жизни общества и в человеческих отношениях может быть достигнут значительный прогресс» [168, с. 152]. Соответственно формулируются требования развивать умение внимательно слушать, правильно воспринимать и оценивать услышанное, уметь критически относиться к услышанному, привыкнуть слушать доброжелательно.

В работах японских лингвистов отмечается, что с развитием средств массовой коммуникации возросла возможность знакомства с выдающимся речевым мастерством, а также с культурой речи вообще. В этом плане рекомендуется оценить себя с точки зрения:

- 1) правильности своей позиции по отношению к собеседнику (т.е. готовности быть внимательным, умения не перебивать его мысль, взвесить, правильно ли услышано и усвоено сказанное, умения оценить свою готовность действовать в соответствии с усвоенным замыслом собеседника);
- 2) способности понять суть услышанного (т.е. умения дать себе отчет, правильно ли поняты доводы говорящего, достаточно ли критически они восприняты, определено ли отношение к услышанному, сделаны ли нужные заметки, полезно ли то, что услышано);
- 3) эстетического отношения к услышанному (т.е. способности осознать, насколько оно интересно, были ли сильными для восприятия темп речи и интонация изложения, достаточно ли полно поняты особенности личности и эмоции говорящего, какое впечатление получено от услышанного).

Существует мнение, что наблюдающееся в настоящее время пренебрежение к слушанию связано с отсутствием основных навыков, привычки воспринимать речь на слух, которые должны быть получены еще в детском возрасте в школе, где традиционно превалирует письменная речь [168, с. 158—161]. В послевоенное время в школах Японии уделяется больше внимания обучению устной речи преимущественно в прикладном плане, т.е. предпринимаются попытки привить детям навыки речи, полезные в повседневной жизни.

Так, в Руководстве по обучению родному языку в школе на 1947 г. намечены следующие разделы обучения: 1) говорение (включая слушание), 2) составление текстов (сочинение), 3) чтение (включая изучение литературы), 4) письмо (каллиграфия), 5) грамматика. При этом фиксируются следующие цели: на основе развития стремления к выражению и активной речевой деятельности совершенствовать подготовленность к общественной жизни для обеспечения роста личности и умения стимулировать действия других; развивать стремление к совершенствованию своего социального существования на базе овладения правильной и красивой речью.

Несмотря на подобные установки, Руководство по обучению родному языку хотя и было шагом вперед в системе школьного обучения, но не ликвидировало полностью традиционный приоритет письменной речи перед устной. По результатам обследования Государственного института родного языка 1956 г. в 214 начальных школах 39,5% учебного времени отводилось устной речи (слушание—18,1, говорение — 21,4%) и 60,5%—письменной (чтение — 35,1 и письмо — 25,4%) [168, с. 162—166].

Таково в общих чертах существующее сегодня в Японии представление о путях рационального осуществления речевых действий письма и чтения, говорения и слушания.

Правила деловой и социальной коммуникации в современном японском обществе.

Речевые действия в массовой информации

Основываясь на изложенных выше представлениях о речевых действиях говорения и слушания, письма и чтения, японская теория языкового существования стремится выработать ряд рекомендаций для наиболее успешного осуществления межличностного и социального общения. Здесь в первую очередь во внимание

принимаются запросы промышленно развитого японского общества. Ниже приводятся основные правила речевых действий в деловой коммуникации, сформулированные теоретиками языкового существования (92, с. 268—292].

Коммуникация признается «центральной нервной системой» управления производством. Различаются следующие три ее основных вида: 1) указания нижестоящим подразделениям и лицам; 2) доклады вышестоящим; 3) связь между подразделениями на одном уровне. Все эти виды коммуникации могут осуществляться с помощью личных контактов, по телефону, на совещаниях, собраниях, а также в письменном виде.

Общие установки, существенные для всех видов коммуникации, сводятся к тому, чтобы: 1) создать климат морального доверия между вышестоящим лицом и подчиненными, исключить всякую скованность в общении; 2) уделять должное внимание невербальной коммуникации, при этом следует учитывать особенности характера партнера; 3) развить привычку внимательно выслушивать партнера; 4) начинать разговор, хорошо зная, о чем нужно сказать; 5) выбирать должную обстановку, особенно для неприятных разговоров, например, не делать выговор подчиненным в присутствии третьих лиц; 6) следить за тем, чтобы говорить просто и доходчиво; 7) услышав какое-либо предложение или высказывание, стремиться разгадать подлинный мотив его, используя способ перепроверки через беседу с другими лицами; 8) не прибегать к обману даже тогда, когда он продиктован деловыми соображениями; 9) продумать способ другого подхода «окольным путем» на случай, если коммуникация не дает желаемого результата.

Давая указания, нужно: 1) хорошо понимать суть проблемы; 2) излагать свои требования предельно точно; 3) не смешивать разные вопросы, излагать их в последовательности; 4) убедиться в том, что собеседнику понятно полученное указание; 5) давать распоряжения, выполнение которых по силам подчиненному с учетом его

способностей и опыта; 6) ни в коем случае не давать указаний в расплывчатой, общей, неконкретной форме; 7) давать указания достаточно уверенно, но без заносчивости; 8) варьировать форму и тон указания в зависимости от характера исполнителя — человеку активному более подходит энергичный, громкий голос, с замкнутым человеком говорить спокойно, тихо; 9) дав указание, еще раз продумать, правильно ли и своевременно ли оно; 10) быть последовательным в своих указаниях, не допускать противоречий в них.

Доклад — форма сообщения, отчета об исполнении возложенной задачи в соответствии с приказанием, полученным в пределах служебной компетенции. Доклад может быть устным и письменным. Последний следует признать основным, поскольку более сложные вопросы, как правило, излагаются письменно. К письменному докладу предъявляются требования краткости, логичности, в нем не должно быть излишних мелочей: детали, если они представляются имеющими значение, можно дать в приложении. В докладе не следует рекламировать себя, необходимо считаться с интересами других, связанных с решением данного вопроса лиц и помнить, что доклад остается надолго в виде документа. Выводы и краткое изложение рекомендуется поместить вначале, чтобы занятый человек по первой же странице мог понять суть дела, а затем, если заинтересуется, ознакомиться с проблемой подробнее. Доклад необходимо подавать точно в срок: слишком ранняя подача может создать предвзятое мнение о его недоработке. Опоздание влечет подозрение в том, что доклад оказался не по силам.

Значительное внимание уделяется связи по телефону. Оптимальным временем разговора признается три минуты. Обследование, проведенное в феврале 1964 г. Японской корпорацией телефона и телеграфа, дало следующую картину:

Продолжительность	Абоненты	Телефон
-------------------	----------	---------

разговора	(%)	общественного пользования (%)
до 2-х минут	57,0	51,5
2—3 минуты	15,1	17,0
3—4 минуты	10,9	10,7
более 4-х минут	17,0	20,8

Таким образом, в 1964 г. более 70% всех пользующихся телефоном в Японии тратили на разговор не больше трех минут.

С учетом этих данных правила речевых действий по телефону предусматривают: 1) помнить, что телефон есть устное общение, говорить внятно и не употреблять слов, которые могут привести к искаженному пониманию; 2) не кричать громко, особенно теперь, когда имеются совершенные аппараты; 3) не совершать «речевого насилия», т.е. не говорить непрерывно (и, случается, на одной ноте), не давая ничего сказать собеседнику, как делают нередко торговые агенты, предлагающие товар по телефону; 4) непременно назвать себя, особенно при официальном разговоре или разговоре с незнакомым человеком; 5) продумать содержание разговора и придерживаться намеченного порядка; 6) слушая, делать пометы о важнейших пунктах разговора, чтобы не пришлось в дальнейшем звонить и уточнять снова; 7) быть внимательным к важной для японского языка проблеме гонорифических средств, например, не употреблять слов вежливости, говоря о себе и своих начальниках; 8) позвонив, необходимо выяснить, может ли собеседник в данный момент говорить с вами; 9) учитывая ограниченное время разговора, не допускать лишних слов и слов-«сорняков»; 10) не вешать резко трубку: первым должен закончить разговор звонящий.

Все эти достаточно широко известные правила в практике японского языкового существования сводятся к четырем основным правилам, которые, согласно распространенному в Японии афоризму, едины для «телефонного разговора с возлюбленным и для делового разговора»: 1) прежде всего не ошибиться адресатом и начинать разговор, удостоверившись, что у телефона нужное вам лицо; 2) четко представлять себе, что нужно сказать; 3) учитывать в разговоре время, место и ситуацию; 4) улавливать изменения в позиции и настроении собеседника в процессе разговора [79].

Считается, что соблюдение следующих речевых правил может обеспечить успех личного контакта, например, во время личной деловой беседы и интервью. Прежде всего нужно создать атмосферу доверия, отбросить предвзятость, уметь внимательно слушать, добиваясь четкого ответа и перепроверяя его другими вопросами. Очень важным считается начать с легкого вопроса, который не вызовет затруднений у отвечающего, а затем постепенно переходить к более сложным. Многое зависит от формы постановки вопроса. Установлено, что наибольшая точность ответов достигается при вопросе, дающем «возможность выбора», типа *Был ли номер автомашины А-451 или Е-145?* Следующим по степени точности ответа является «утвердительный вопрос», например, *Тот электропоезд шел до станции Симбаси?* Далее идет «прямой вопрос»: *Какого числа, какого месяца произошла эта авария?* Наименьшую степень точности дают так называемые «полуутвердительные вопросы», например, *Был ли номер трамвая "9" или какой-либо другой?* [171, с. 5].

На границе между интерперсональной и социальной коммуникацией можно поставить речевые действия, осуществляемые при ведении собрания или выступлении на собрании («массовая коммуникация малых форм», по японской терминологии). Здесь помимо рекомендации четкого выявления цели собрания (это не обязательно его тема), предварительной раздачи справочных материалов и последовательного, без спешки рассмотрения и решения вопросов желательным представляется проведение предварительного совещания в кулуарах для основных участников его с целью

определения в общих чертах хода и исхода собрания. Очень важным считается непринужденное начало собрания, которое задает тон всему его последующему ходу и создает настроение присутствующим. Для этого подходит легкая похвала в адрес участников или некоторых из них, упоминание о недавнем интересующем всех событии и его связи с собранием, вовремя отпущенная остроумная шутка. Существенной признается способность ведущего не отвлекаться, регулировать темп прохождения собрания и регламент выступлений, соблюдать корректность высказываний в отношении участников и умение подвести итог.

Японские филологи считают, что если обеспечение успешной коммуникации на интерперсональном уровне — умение убедить собеседника словом или правильно понять, чего он хочет от тебя, — помогает в деловом общении, в повседневной жизни, т. о. смягчает трение отдельных частей общественного механизма, то коммуникация социальная, к которой они относят и массовую информацию, затрагивает интересы всего общества в целом и важна для функционирования всего общественного механизма в целом. В соответствии с этим назначение теории языкового существования они видят в достижении успешного функционирования языка в современном японском обществе. Органы массовой информации, перед которыми стоит задача нормирования и упорядочения языка, проводят большую работу в этом направлении и достаточно успешно осуществляют намеченную программу.

Исследуя проблемы языковой политики современной Японии, Тоёда Кунио пишет: «Язык постоянно нуждается в норме. Для определения правильности этой нормы необходим авторитет или какое-то обоснование. Авторитеты, которые давали это обоснование, менялись с течением времени. От жрецов в древнейшие времена право быть авторитетом переходило к знающим письменность ученым и к людям

искусства. В современной же Японии таким авторитетом является массовая коммуникация» [149, с. 15].⁵

Независимо от осознания этого факта каждым членом японского общества массовая коммуникация занимает определенное время в его жизни, как показали обследования двадцатичетырехчасового языкового существования населения Японии. Более того, в «высокоиндустриальном» обществе с «высоким охватом информацией», каким признается современное японское общество, массовая коммуникация активно вторгается во все области жизни и вносит изменения и во взгляды на жизнь, в досуг, отдых, в потребление и т.д. (подробнее об этом см. выше, раздел «Обследование распределения жизненных действий населения Японии»). Основную роль при этом теперь, несомненно, играют радио и телевидение — средства массовой информации, получившие особое развитие в послевоенный период. Японские лингвисты признают, что радио, например, сыграло особенно большую роль после войны в распространении по всей стране «общего языка», с одной стороны, и в популяризации кансайского (западного японского) диалекта — с другой [99, с. 40). Однако влияние, которое оказывается на языковое существование населения всей совокупностью средств массовой информации, еще недостаточно исследовано не только в Японии, но и во всем мире. В качестве примера таких исследований на Западе можно назвать работу В. Шрамма о влиянии радио и телевидения на язык детей. В результате проведенных Шраммом изысканий было установлено, что запас лексики у младших школьников независимо от показателя общего развития был значительно выше в местностях,

⁵ Следует указать, что в настоящее время среди лингвистов нет единства в интерпретации термина «массовая коммуникация» и в понимании отличия его от более употребительного в советской научной литературе термина «массовая информация». Представляется целесообразным следующее разработанное в нашей филологии Ю. В. Рождественским толкование этих понятий: «Массовая коммуникация — это общезначимый современный текст, в создании и распространении которого принимают участие новейшие технические средства и устройства: мощные печатные машины, телевидение, кино, магнитофонная запись, компьютеры и т. п. ...массовая коммуникация делится на две части: массовую информацию и информатику. Массовая информация — это пресса (в частности, газета), радио, кино, телевидение и все разнообразные средства рекламы. Информатика противопоставлена массовой информации как передача специализированных сведений передаче общих сведений» [56, с. 163]. «Тексты информатики создаются специальными органами информатики, теки ми, как редакции специализированных реферативных журналов, бюро переводов, библиографическо-справочными службами разных ведомств, службами, обеспечивающими автоматизированное управление, машинное хранение и поиск информации» [56, с. 176].

охваченных телепередачами, чем в местностях, где было только радиовещание [187].

Исследования, проведенные в Японии, констатируют факт усвоения детьми дошкольного и школьного возраста лексики и целых штампов из лексикона рекламных передач телевидения [80]. Отмечаются даже ответы школьников в классе, в которых оказывались целые фразы из телевизионных рекламных текстов [99, с. 43].

Массовая информация, уничтожив преграды между локальными и социальными коллективами, стандартизирует язык и запас лексики; в то же время она сама является порождением стандартизации существования общества и еще более ускоряет ее. Лексика, распространяемая средствами массовой информации, легко входит в моду, в какой-то степени нивелирует разницу в словоупотреблении разных поколений и в конечном счете облегчает коммуникацию между людьми. Поэтому считается, что в нормировании языка нужно идти не только от системы языка, но и от реального положения, сложившегося в общественно-языковой практике страны, т.е. необходимо внедрять оправдавшие себя на практике формы речевой деятельности.⁶ В связи с этим возникает немало проблем. Одна из них и едва ли не самая главная — проблема ориентировки члена общества — получателя информации в огромном потоке речевой нагрузки, который обрушивает на него современное общество и органы массовой информации в частности. Проблема эта, как уже упоминалось, получила в Японии наименование «загрязнение среды информации» (дзё:хо:-ко:гай), Ее склонны рассматривать как составную часть проблемы того разрушительного воздействия общества на окружающую человека среду, которое все увеличивается в связи с ростом производства и внедрением в повседневную жизнь достижений научно-технического прогресса.

⁶ Ср. с положениями советской социолингвистики о том, что эффективность языкового планирования не может определяться только правильностью с лингвистической точки зрения поставленных целей и мер, разработанных для их осуществления [46, с. 114].

Основные направления действий современной массовой информации, отмечаемые японскими филологами, это: дать информацию, которая должна обеспечить достижение политических целей и способствовать решению задач в области экономики, в частности, осуществить действенную рекламу. Воспринять в подробностях весь предложенный объем информации реципиент не в состоянии. Он должен уметь выделить, что именно, каким образом и где может быть использовано из всего, что ему сообщается. Он должен сокращать для себя информацию, обобщать главное на данный момент, а это требует определенных навыков. Деятельность органов массовой информации и ориентирована на то, чтобы путем соответствующего построения текстов и подбора лексики привить и развить такие навыки восприятия информации.

При этом следует учесть, что растерянность реципиента вызывает не столько сам объем информации, сколько неизбежно возникающее в ходе жизни несоответствие новой информации сложившимся взглядам индивида, усвоенным им критериям оценки фактов и явлений. Это несоответствие, по мнению японских психологов, воспринимается разными людьми различно. Люди активного открытого склада характера относятся к этому легче и без особых душевных потрясений адаптируются в новых условиях. Люди замкнутые еще более удаляются от общества, и поскольку информация во все большей и большей мере выходит за рамки их понимания, стремятся как бы отсечь ее от себя, все более замыкаясь в себе. Человек такого типа если и воспринимает информацию, то только как факт, но отнюдь не для того, чтобы учесть его в своем опыте и соответствующим образом использовать в своих последующих действиях.

Японский социолог Танака Ясумаса полагает, что по типу восприятия несоответствия между исторически сложившейся системой взглядов и традиций и новой информацией могут различаться не только отдельные индивиды, но и целые народы. Например, он считает, что современному американскому обществу в целом свойствен первый тип, т.е. американцы сравнительно спокойно воспринимают неизбежное несоответствие новшеств информации укоренившейся в их понимании

системе ценностей и рассматривают это как нормальный ход развития. Японское же общество исторически привыкло ценить неизменность, незыблемость существующих порядков и взглядов, и возникающая в ходе развития неуверенность в стабильности будущего связана с трудно проходящим процессом адаптации. Поэтому, по мнению некоторых японских социологов, для современного японского общества характерен парадокс: чем больше возрастает поток информации, тем меньше она воспринимается [147, с. 18]. Для ликвидации этого парадокса необходимо, чтобы информация не только занимала определенное время в жизненных действиях членов общества, не только соприкасалась бы с этой жизнью, но и входила бы в нее как составная часть и вызывала бы изменения в жизненных действиях [99, с. 44].

У этой проблемы есть и лингвистическая сторона. Необходимо учесть ограничения, накладываемые со стороны системы японского языка на язык массовой информации. Так, язык различных литературных текстов ощущает ограничения, накладываемые введенным в 1946 г. иероглифическим минимумом, сокращением числа чтений иероглифов, а также исключением из речевой практики книжных, идущих от языка китайской классической литературы выражений. В еще большей степени эти ограничения сказываются на языке вещания, поскольку в этом случае из речи должны быть исключены омонимы, трудно различимые на слух слова и нераспространенные в повседневной речи обороты. Следует учесть и ограниченность передач во времени. Экспериментальным путем японскими филологами установлено, что при передаче новостей, например, сосредоточенно могут выслушиваться лишь сообщения, занимающие по времени не более 1 мин. 30 сек. Дальше внимание слушателя рассеивается [141, с. 45—47]. Полагают, что в вещании воздействие на слушателя в первую очередь оказывают неязыковые моменты, а именно личность выступающего, его произношение, голос, манера говорить. Однако, с одной стороны, это незначительное воздействие предшествует глубокому языковому воздействию и может создать определенный фон предвзятости. С другой стороны, слушатель радио не в состоянии переспросить, замедлить темп речи говорящего и вообще изменить одностороннее направление вещания. Задача, по мнению японских филологов,

состоит в том, чтобы обеспечить языковое воздействие как можно оперативнее, и потому передачи вещания по своему лексическому составу, синтаксису и стилю должны идти на уровне, который может немедленно быть усвоен наиболее широким кругом слушателей [136, с. 266; 99, с. 38].

Значительные трудности в речи вещания представляет то, что в японской речевой практике получило название «борьба со зрительным восприятием» (сикаку-то-но татакаи). Это вытекает из ограничения времени, в течение которого вещание может рассчитывать на внимание слушателя, чтобы передать (в речи по радио) или дополнить (в речи телевидения) описание пространства, обстановки или объекта. Но речь телевидения ни в коем случае не должна касаться того, что отражено на экране, а должна быть дополнением к этому, передавать то, что есть или может быть «за экраном», в результате чего речь телевидения ближе к речи литературного произведения. При всем этом, по свидетельству японских специалистов, в речи вещания часто создается такая ситуация, когда «слова временами излишни, а временами бессильны» [141, с. 54],

Учитывая эти особенности речи вещания, представители направления языкового существования стремятся выявить то, что может быть рекомендовано как правила речевых действий в вещании. В этих правилах наиболее жесткими должны быть требования к текстам радиовещания, где нет других каналов восприятия, кроме слухового. Если по содержанию новость представляет собой сообщение о реальной обстановке каких-либо изменений в мире, имеющих значение или интерес для общества или части его, то с точки зрения языка текст радиопередачи есть речевое действие изложения определенного содержания путем говорения доступными, правильными, понятными и приятно воспринимающимися словами. Это означает, что языковой материал не должен представлять трудностей для слушателей. Одновременно он должен быть признан образцово точным в плане языковой нормы для всего общества. Он должен быть легко понятным по интонации произношения, ритму и ударению и без усилий восприниматься на слух. Выбор слов, удовлетворяющих всем

этим условиям, очень важен, так как слово в условиях массовой коммуникации может легко уронить авторитет личности, коллектива, политической партии или, наоборот, поднять его.

Форма информации в вещании может быть рекомендована трех типов: 1) краткое изложение сути, 2) изложение с комментарием, 3) изложение с применением иллюстраций в форме звукозаписи, сделанной на месте событий. Во всех этих случаях необходимо обеспечить четкое, понятное изложение главной мысли информации. Эта главная мысль должна быть изложена в самом начале сообщения, чтобы не затеряться среди второстепенных сведений. В соответствии с изложенными выше соображениями относительно лексики вещания должно быть обеспечено легко воспринимаемое словоупотребление. И наконец, в вещании на японском языке неприменима лаконичная экспрессия массовой информации, осуществляемой средствами письменной речи. В частности, недопустимо злоупотребление сокращением служебных слов в тексте и завершение предложений именами существительными.

Таковы некоторые соображения относительно информативности, обеспечения восприятия, правильного понимания текстов вещания. Изложенное выше можно суммировать на основе изучения материалов, отражающих картину языкового существования современной Японии.

Что касается проблемы языка как средства убеждения, то она интересует теоретиков языкового существования главным образом в связи с решением экономических задач общества, обеспечением действенной рекламы, причем не только торговой, но в некоторой степени и культурной, и политической.

В теоретических рассуждениях о природе убеждения первое место отводится слову, но, как показывает опыт рекламы в Японии, цель достигается не только словом. Дело в том, что в отличие от коммуникации других видов эффект убеждения иной раз достигается и при непонимании или неполном понимании выраженного смысла; это

особый вид коммуникации, рассчитанный на изменение взглядов и действий реципиента, в котором нужно учитывать воздействие слова на отношения людей между собой и к внешнему миру. Поэтому здесь важен предварительный анализ реципиента. Если этот анализ в какой-то степени реально осуществим в интерперсональной коммуникации, то анализ неопределенно большого числа реципиентов в социальной коммуникации очень сложен. Общие установки, которые могут быть здесь намечены, сводятся к следующему.

В убеждении можно идти от разума, т.е. убеждать доказательством, привлекая различные доводы, аргументы, а можно от чувств. Опыт Японии говорит о том, что эффективнее идти от чувств. Поэтому и слова убеждения должны прежде всего влиять на чувства. Интересна с этой точки зрения нынешняя оценка все тех же слов китайского корня — *канго*. В пропаганде времен войны на Тихом океане (1941 —1945) считалось, что именно *канго* в лозунгах, лаконичный и энергичный стиль которых они создают, способны поднять боевой дух, например, *данко ё:тё:сэё* 'Решительно покарать врага!'. Однако сейчас признается, что *канго* скорее годятся для угрозы, а убеждение должно затрагивать душу [170, с. 33].

Японские создатели рекламы считают, что слово может проявить свое убеждающее воздействие лишь в сочетании с другими условиями, которые можно охарактеризовать следующим образом. Все безграничные запросы человека можно поделить на две сферы: духовную и материальную. Обе эти сферы достаточно проницаемы для воздействия. При воздействии на сферу духовных запросов эффективным является причисление человека, на которого рассчитан убеждающий текст, к элите данного общества. Сделанный достаточно тонко в тексте намек на то, что пользование данным предметом или соблюдение определенных правил в жизни элитарны в данном обществе, открывает душу людей, полагающих, что материальные запросы не являются главными для них. Так, долгое время пользовалась успехом реклама крупнейшего универсального магазина Мицукоси: *коннити ва Мицукоси нё:нити ва Тэйгэки* букв. 'Сегодня — в Мицукоси, завтра — в театр «Империал»', которая означала, что

покупатель Мицукоси всегда будет на высоте положения в лучшем театре.

В обращении к сфере материальных запросов в исследованиях по языковому существованию лучшим признается доверительный стиль, создающий впечатление непосредственного обращения к данному лицу или группе лиц, внимательного отношения именно к их запросам и нуждам. Удачное упоминание, что рекомендуемый предмет производится в ограниченном количестве или обладает уникальными свойствами, способно повысить интерес к нему. Здесь тоже в какой-то степени играет роль ощущение избранности.

Убедительность текста действует по-разному на разные группы населения. Самое общее деление, которое может быть здесь намечено, это деление по полу и возрасту. Для мужчин, например, запретным является то, что может задеть их самолюбие; они ценят абстрактные формулировки. Для женщин более убедительными являются конкретные положения, которые непосредственно связаны с жизненными действиями. Большой степенью воздействия на женщин обладают тексты, касающиеся здоровья и воспитания детей типа: *бо:я ва хитоцу мама мицу* 'Сыну одну, а маме три' (о таблетках витамина). Эффективными являются и тексты, содержащие запрещения, например, в рекламе женской парфюмерии: *нидзю:го-сай ика-но ката ва о-цукаи-ни наттэ ва икэмасэн* 'Лицам моложе 25 лет пользоваться этим запрещается'.

В целом считается полезным отметить иногда и отрицательные стороны предмета, являющегося целью убеждения. На их фоне выгоднее выглядят достоинства, например, *тосин-ни ва тоой кэттэн ва ару га канкё: ва бацугун дэ ару* 'Удаленность от центра города — конечно, недостаток, но какая замечательная природа вокруг!' (реклама жилых домов); *номиникуй га кикимэ-га ару* 'Неприятно пить, но дает прекрасный результат' (реклама лекарства).⁷

⁷ Важнейшим положением в организации рекламы в современной Японии японские теоретики считают представление о том, что в настоящее время вся продукция, произведенная обществом, составляет единую

Можно предполагать, что представления о механизме речевого воздействия как орудия политики в современной Японии во многом совпадают с изложенным выше. Важность его, как уже упоминалось, подчеркивается теоретиками языкового существования, но они признают, что «в Японии изучение народных масс как объекта политических кампаний — почти не затронутая область исследования» [170, с. 32].

Наиболее эффективным источником информации при этом считается массовая печать, в частности газеты. Однако в погоне за оперативностью информации, в стремлении опередить в этом конкурентов буржуазные японские газеты нередко помещают непроверенную, ошибочную информацию, что хорошо известно рядовому члену общества [90, с. 25—26]. Это вызывает у читателей подобной информации чувство неуверенности, беспокойства и неосознанное стремление опереться на слухи, молву. Причем из услышанного выхватывается только то, что больше всего лично интересует слушающего, и в искаженном, желаемом для него виде передается дальше. Причем если сравнить, важность обсуждаемой темы и степень неясности обстановки, то последняя в гораздо большей степени влияет на «убедительность» слуха. Слух может играть в известной мере и положительную роль в качестве средства «обратной связи», сигнализируя органам информации о направлении общественного мнения, но все же здесь преобладают отрицательные факторы, почему, заботясь об убедительности информации, необходимо, во-первых, в максимальной степени прояснять обстановку, во-вторых, способствовать критическому отношению к услышанному и,

систему, все элементы которой взаимозависимы, и наступило время, когда основную роль стали играть не столько сами вещи как материальные единицы, сколько уровень и техника эффективного использования всех частей системы, которую они представляют. Притягательная сила современной рекламы, которая должна смотреть вперед и опережать свое время, согласно существующим в Японии представлениям, заключается уже не в обрисовке физических свойств данного товара и его ценностей «функционального типа», а в создании «символизирующего типа», сообщающего потребителю состояние психологической удовлетворенности.

Потребитель покупает не товар, а «смысл товара», его значение в системе других ценностей. Задача современной рекламы в представлении японских специалистов — мотивировать и объяснять это значение.

в-третьих, предотвращать тем самым искажение события, послужившего основой слуха [124, с. 21—22].

Есть основания считать, что привычка прислушиваться к тому, что говорят и считают окружающие, ориентировка на это мнение и зависимость от него собственных поступков связаны с национально-культурными особенностями данного коллектива. Японские социологи считают, что у японцев сильнее, чем у других народов, развито стремление опереться на точку зрения окружающих, прислушаться к общественному мнению. Для японца страшна не смерть, а остракизм [172, с. 99] — этого убеждения стойко придерживаются особенно в сельской японской общине, где до сих пор сохраняется обычай, известный под названием *мура хатибу*, т.е. такая ситуация, когда от человека отворачивается «почти вся деревня».

Возможно, что эти национальные черты, присущие, речевой деятельности японцев, также способствовали в век активного развития массовой информации стремлению к тщательному анализу языкового существования получателя массовой информации с целью обеспечения ее эффективности. Подход к изучению явлений речи с позиций получателя массовой информации, осуществляемый в Японии, по нашим представлениям, связан с традиционными формами японской речевой культуры, в частности, с тем, что европеец нередко называет японской вежливостью.

Глава V

ТЕОРИЯ ЯЗЫКОВОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ И ТРАДИЦИИ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ ЯПОНИИ

Влияние факторов языкового существования на систему языка

Американские исследователи, проводившие сравнительный анализ речевого поведения в малых группах коренных американцев и малых групп живущих в США японцев, в отношении последних пишут: «Вежливость помогает объяснить многое в поведении американских японцев. Как и другие нормы, она имеет и положительное и отрицательное влияние на культуру поведения японцев. Взять, например, то, как неохотно они решаются на публичное выступление, или их стремление отказываться от приглашения, особенно первого, от помощи, их выбор менее желаемого, когда есть возможность выбора, их сдержанность в речевом общении, особенно в разнородной компании, сдержанность в вопросах и нерешительность в просьбе, например, прибавки оклада. Основа всего этого — вежливость. Их непроницаемое лицо, уклончивые ответы, осторожность поведения тоже часто могут быть отнесены за счет этой нормы, что и создает стереотип японца, замкнутого и сдержанного в неясных социальных ситуациях... Другой возможный фактор влияния на речевое поведение американских японцев может быть усмотрен в коде поведения в японской семье, в котором особенное значение придается немногословию... Очевидно, немногословие в семье влияет на молчаливость японца и в других социальных группах» [186, с. 194].

Выводы американских специалистов подтверждаются и японскими авторами. «Многоречивость не в характере нашего народа», — замечает известный японский писатель Танидзаки Дзюнитиро. «Японец предпочитает скорее невербальную коммуникацию, чем вербальную», — констатирует лингвист Хага Ясуси [162, с. 151]. Действительно, убеждение в том, что надо стремиться «понимать без слов» (*иванакутэмо цу:дзиру*), а также и в том, что «сказать — значит потерять»⁸ (*иу то сон-о сур*), являвшееся житейским правилом во времена феодализма, стойко сохраняется в сознании японского народа и по сей день. В какой-то мере отражение таких представлений можно усмотреть в ряде пословиц и изречений, например: *фугэн-дзикко*: 'не слова, а дела', *фурю:-мондзи* 'Истинное учение не передать знаками' (т.е. оно передается от сердца к сердцу), *исин-дэнсин* 'чувствовать

⁸ Ср. русские пословицы Слово — серебро, молчание — золото; Слово не воробей, вылетит — не поймаешь.

душой', 'передавать душой', *фугэн-но хана* 'Настоящий человек молчалив, как прекрасный цветок'. Известный мастер японского трехстишия — хайку — поэт Басё пишет: *моно избэ кутибиру самуси аки-но кадзэ*. 'Слово скажу — леденеют губы. Осенний вихрь' (перевод В. Марковой), т.е. высказанные слова охлаждают отношения людей, как осенний ветер. Лаконичность выражения в искусстве особенно ярко проявляется в емком и выразительном японском стихе *вака* и *хайку*. Даже в бывшей необычайно популярной в последние несколько лет рекламе пива фото известного киноактера с кружкой пива сопровождается следующим текстом: А настоящие мужчины без лишних слов пьют пиво марки... (*отоко ва даматтэ...*).

Было бы неверно усматривать в некоторых особенностях системы японского языка подобного плана, а именно в употреблении большого количества сокращенных слов, преобладании сокращенных грамматических конструкций, в частом эллипсисе подлежащего, наличии значительного числа эллиптических предложений и т.п., непосредственную связь с указанными чертами национального характера японцев, так как подобные свойства системы языка характерны и для других близких к японскому восточных языков, например, для корейского (46, с. 71]. Но несомненно, что относительная свобода и нестрогость норм грамматической структуры японского языка в какой-то степени совпадают и с присущим японцам стремлением опустить в высказывании то, что только может быть опущено, стремлением избежать анализа и пояснений и опереться на скрытый смысл, подтекст. В этом плане появляющиеся в работах некоторых современных японских лингвистов рекомендации предельной четкости и конкретности речи, в которых ощущается насущная необходимость в связи с нынешней напряженной деловой жизнью Японии, требуют сознательного преодоления привычек, свойственных национальной психологии японца.

В то же время видный исследователь языкового существования Ивабути Эцутаро указывает на особое пристрастие японцев к введению в языковую практику новых слов, сочетаний и форм выражения. Примером может служить постоянное проникновение в общий язык

слов из диалектов, в которых, строго говоря, система языка не нуждается. Например, в последнее время среди жителей Токио распространились слова западного кансайского диалекта, такие, как *яякосий* 'сопряженный с хлопотами', 'причиняющий затруднения', наряду с литературным *мэндо:на*; *эгэцунай* 'неприятный', 'низкопробный' наряду с литературным *акудой оайсо*: 'счет' (в ресторане) наряду с литературным *кандзё*:. Здесь наблюдается и расширение сферы употребления некоторых слов. Так, стало возможным использование в положительном значении слов, функционировавших ранее только с отрицанием: с 20-х годов встречается подобное «положительное» употребление наречия *тотэмо* 'совсем', на что обратил внимание еще писатель Акутагава Рюноске. Если ранее допускались только выражения типа *тотэмо сонна кото-ва дэкинай* 'совсем не в состоянии это сделать' или *тотэмо какикирэнай* 'совсем не могу написать', то теперь можно сказать *тотэмо ясуй* букв, 'совсем дешевый' или *тотэмо самуй* букв, 'совсем холодно' в значении 'очень дешевый' и 'очень холодно'. Аналогичным образом за последние три десятилетия стали широко употребляться в положительных оборотах наречия *тэндэ* 'совершенно', 'никак' и *дзэн-дзэн* 'абсолютно', ранее встречавшиеся только с отрицанием, например: *тэндэ омосирой* букв, 'совершенно интересно' (в значении 'очень интересно') и *дзэндзэн урэсий* букв, 'абсолютно рад' (в значении 'необычайно рад'). Наоборот, приобрело «отрицательное» использование прилагательное *умай* букв, 'вкусный', которое в значении 'удачный', 'хороший' выступало только в положительном значении. Теперь говорят *хито-ни сирарэру но-ва умакунай* букв, 'будет неудачно, если станет известно людям'.

Отмечается активное стремление к языковым новшествам японцев, связанных со средствами массовой информации, в частности сотрудников гидрометеоцентра, составляющих и передающих сообщения о погоде. За последнее время в их сообщениях появились такие новые обороты, как, например, *харэгати* букв, 'увеличение ясности', 'тенденция к ясности' по аналогии с *кумо-ригати* 'увеличение облачности', *самуса-га кайфуку-суру* 'восстановятся холода' по аналогии с *тэнки-га кайфуку-суру* 'погода восстановится', *тэнки-га ноборидзака-ни наримас* букв, 'погода пойдет на повышение' как

антоним тэнки-га кударидзака-ни пару 'погода ухудшается'. Подобные словосочетания несвойственны японскому языку и первоначально режут слух, но быстро прививаются.

Такая широкая склонность народа к языковым инновациям, по мнению Ивабути Эцутаро, оказывает влияние и на развитие системы языка [85, с. 9—19].

Национальные черты речевого поведения японцев

Необходимость рационализации речевой деятельности в современной Японии обосновывается, помимо некоторых особенностей его системы, и национально-культурными чертами, присущими японцам в их речевых действиях. Ранее уже упоминалось о склонности японцев недоговаривать, об их стремлении опереться на коннотации, о привычке искать смысл высказывания «за пределами слова». Подобные свойства речевых действий, специфику форм выражения, присущих членам данного национального языкового коллектива, конечно, нельзя игнорировать при изучении типов речевых действий и возможных путей их совершенствования. Л.В. Щерба считал, что каждый язык отражает культуру того народа, который на нем говорит [67, с. 7]. Е.Д. Поливанов писал, «что внеязыковой (экономический, культурный и материальный) быт влияет на язык не одним каким-нибудь единичным своим фактором, а целым комплексом различных факторов, в том числе и факторами сравнительно мелкого, на первый взгляд, порядка» [54, с. 222]. Советское языкознание констатирует возникновение задачи создания особой типологии — типологии речевых действий, которая должна показать, как одно и то же речевое намерение получает различное развертывание при помощи разных средств — не только языковых, но и (более широко) вообще коммуникативных [36, с. 28].

Характеризуя свой родной язык с точки зрения национальнокультурных черт его носителей, японские лингвисты отмечают, что японской речи свойственно особое построение

высказывания, где все подчинено задаче оказания максимального внимания собеседнику, проявления учтивости к нему, создания у него хорошего расположения духа [172, с. 125—139].

Для японского языка характерно богатство и разнообразие гоиорифических форм, которые располагают и большим арсеналом грамматических средств, и богатейшей специальной лексикой. Эта система весьма сложна, и ошибки в использовании ее элементов отмечаются не только в речи недостаточно образованных японцев, но иногда даже и в речи дикторов радио и телевидения. В японском языке необычайно развита система личных местоимений: существует около 50 форм обращений в почтительно-официальном, высоком, нейтральном, сниженном, дружески-вежливом, скромном, фамильярном стилях, около 50 форм приветствий, более 40 форм выражения благодарности, более 20 форм извинений [25]. В то время как японской речи в целом присущ лаконизм, традиционное начало разговора, приветствия довольно церемонны и пространны.⁹

Привычные истари правила обязывают японца в разговоре говорить о собеседнике, например, Ваше благоухающее имя (гохо:мэй), а о себе — Моя неумелая работа (сэссаку). Преподнеся в подарок дорогую и изящную вещь, японец непременно скажет о ней плохая вещь, грубое изделие (сосина) и т.п. [97, с. 31—34].

Японская грамматика (как, впрочем, и грамматика многих других языков) позволяет строить высказывания буквально в соответствии с выражением лица собеседника, если, конечно, следить за его реакцией, ибо положительный или отрицательный смысл, модальность сообщается всему высказыванию заключительным словом, каковым в японском языке, за редкими исключениями, всегда служит сказуемое главного предложения. Японский лингвист Хорикава Наоёси

⁹ Американский адмирал Перри в 1854 г. отмечал, что, прежде чем попросить разрешения, например, посетить американское судно, японцы заводят нескончаемые разговоры о хорошей погоде, о тишине на море и т. п. Встретившись со знакомым, японец прежде всего начинает благодарить его за те одолжения и услуги, которые были оказаны этим знакомым в прошлом, пусть даже они были совсем незначительны и были сделаны очень давно.

справедливо указывает: «Мы говорим так не потому, что такова грамматика японского языка, но грамматика такова потому, что так говорили наши предки» [172, с. 130]. «Характерная черта японца в повседневном речевом общении — стремление достичь согласия с собеседником, говорить то же, что и он, и услышать от него подтверждение своих высказываний. Поэтому-то японцы, встретившись после долгой разлуки, прежде всего говорят о погоде, так как здесь легче всего достичь единого мнения», — считает Киндайти Харухико [97, с. 35—36].

С подобным отношением к собеседнику связано и стремление избегать в речи указания на прямую связь или зависимость двух явлений, устанавливать логическое взаимоотношение их, ибо неизвестно, как на это смотрит собеседник. Изобилие в речи союзов, связок, форм указания взаимозависимости отдельных частей высказывания считается в языковой практике японцев признаком неразвитой речи. Японцы стремятся к опущению всех этих связующих звеньев, превращая свою речь в своего рода полунамек, где связь намечена лишь легким штрихом или всецело подразумевается.

Японская речь в этом отношении сродни японскому искусству, которое «взяло на себя задачу быть красноречивым на языке недомолвок» [49, с. 42]. «Я считаю, что говорить обо всем расплывчато и есть способ выражения, присущий японцам. В нас заложена привычка необычайно опасаться четких форм выражения», — говорит Ивабути Эцутаро [84, с. 96]. Подтверждая эту мысль, Киндайти Харухико объясняет это свойство японской речи тем, что японец чувствует себя очень связанным словом и поэтому боится сказать что-то определенное [97, с. 28—30]. В речи японцев чрезвычайно высокой частотностью обладают такие выражения, как соноути 'как-нибудь', 'тем временем', тэкито: ни 'подходящим образом', тасё: 'сколько-то', икубун 'как-то', тётто 'чуть', нан то наку 'как-то необъяснимо', мэбунрё; типа русского на глазок, мунадзанъё: букв, 'расчет в груди', т.е. интуитивное представление о чем-либо.

Обычный для японцев разговор двух встретившихся на улице знакомых внешне выглядит очень странно: дотирамадэ? 'Вы куда?' — тётто сокомадэ 'Да ненадолго туда' — дэва иттэ ирассяй 'Ну что же, ступайте и возвращайтесь'. Здесь все основано на подтексте. Первый собеседник, встретив неожиданно знакомого, выражает своим вопросом беспокойство: не случилось ли чего-нибудь. Второй дает понять, что идет по вполне обычному делу, на что и получает пожелание доброго пути. Для японца характерно большое внимание к так называемым омовасэбури — значениям, возникающим при высказывании за пределами самого высказывания, коннотативным значениям [49, с. 38—44].¹⁰

Все сказанное выше в значительной степени объясняет обилие некатегоричных форм высказывания в японском языке, которое мотивируется так же и стремлением не навязывать своего мнения собеседнику, дав ему возможность почувствовать подтекст высказывания и сделать свои выводы. В случае же необходимости выразить свое мнение японец часто прибегает к выражениям типа Не будет ли это так, что... (дэ ва най дэсё: ка...), Хотя сам я думаю, не обстоит ли дело так, что... (дзя най ка то омоимас кэдо...), У меня такое впечатление, как будто можно сказать, что... (...то иэсо:на ки-га симас), Мне представляется, нет ли такого положенная, когда нельзя не сказать, что... (...то иэнаку мо най н-дзя най ка то иу).

Эти черты речевой практики и речевого поведения японцев в сочетании с особенностями системы японского языка, в частности лексики, в нынешней Японии с ее напряженным деловым ритмом жизни ведут к постановке вопроса о «неупорядоченности» японского языка [103, с. 2—13; 105], о его «кризисе» [88; 70, 1972, № 12(255); 156]. Попытки решить данный вопрос в свою очередь вызывают стремление реформировать и рационализировать речевые действия для обеспечения эффективной коммуникации в обществе, создают

¹⁰ Склонность японцев к неясным формулировкам и ориентации беседы на возникающий контекст неоднократно в послевоенный период осложняла взаимопонимание их с союзниками — деловыми и категоричными американцами, как свидетельствует известный в Японии знаток английского языка Нисияма Сэн [129, с. 19—23].

стимул и основания для регламентации и нормирования речевых действий в поисках оптимальных путей социальной коммуникации.

Прежде всего в этой связи нужно отметить особенно возросшую в течение последних послевоенных десятилетий роль школы. Теперь обучение языку в школе ведется на основе исследований основных типов речи и ситуации ее осуществления. С развитием средств массовой информации эти теоретические знания шире применяются в преподавании, их включают и в образовательные передачи по радио и телевидению. Так, уже много лет существуют и пользуются популярностью передачи «Класс родного языка по радио», «Класс изучения речи», «Рождение речи», «Форум речи» и др. Активизируются исследования по руководству обучением «общему языку», что дает положительные результаты [110, с. 4; 115, с. 178—179].

Обследование речевой активности японцев

Какова активность японцев в речевой деятельности в настоящее время?

Американскими исследователями отмечается большая скованность и затрудненность речевых действий японцев в общении с малознакомыми людьми, связанность условностями, восходящими к феодальным обычаям, в их коммуникации. Собеседник, как правило, ставится выше себя, что заведомо лишает речь свободы и ведет к появлению в речи преувеличенно подчеркнутых гонорифических форм выражения. В то же время отмечается повышено острая реакция лексической подсистемы языка на все изменения культуры и общественной жизни и внедрение большого количества новых слов и словоупотреблений [77, с. 66—76]

Таблица 2

Отношение к речевым действиям

Речевое действие	Отношение	Мужчин 603 человек а	Женщи н 811 челове к	Всего 1414 человек
Ведение житейских разговоров	любят	130 (21,6)*	164 (20,2)	294 (20,9)
	безразлич ны	318 (52,6)	412 (50,8)	730 (51,6)
	не любят	149 (24,7)	225 (27,7)	374 (25,4)
	не ответили	6 (1,0)	10 (1,2)	16 (1,1)
Участие во встречах и собраниях	любят	166 (27,6)	123 (15,2)	289 (20,4)
	безразлич ны	290 (48,1)	357 (44,0)	647 (45,8)
	не любят	140 (23,2)	320 (39,5)	460 (32,5)
	не ответили	7 (1,2)	11 (1,4)	18 (1,3)
Разговоры в общест- венных местах с незнакомыми людьми	любят	70 (11,6)	103 (12,7)	173 (12,2)
	безразлич ны	191 (31,7)	253 (31,2)	444 (31,4)
	не любят	333 (55,2)	445 (54,9)	778 (55,0)
	не ответили			

		9 (1,5)	10 (1,2)	19 (1,3)
Ведение дневника; написание писем	любят	153 (25,4)	246 (30,3)	399 (28,2)
	безразличны	222 (36,8)	350 (43,2)	572(40,5)
	не любят	223 (37,0)	208 (25,6)	431(30,5)
	не ответили	5 (0,8)	7 (0,9)	12 (0,8)
Чтение газет, жур- налов и т.п.	любят	458 (76,0)	605 (74,6)	1063 (75,1)
	безразличны	132 (21,9)	180 (22,2)	312 (22,1)
	не любят	10 (1,7)	19 (2,3)	29 (2,1)
	не ответили	3 (0,5)	7 (0,9)	10 (0,7)

Проведенное в 1963 г. Институтом родного языка обследование двадцатичетырехчасового языкового существования японцев в г. Мацуэ, во время которого были изучены речевые действия 1400 человек, показало суммированное в приведенной выше табл. 2 отношение к речевым действиям [166, с. 270].

Данные таблицы свидетельствуют о том, что большинство мужчин и женщин любят читать, но не любят или безразличны к таким письменным речевым действиям, как ведение дневника и написание писем, причем у женщин склонность к этим действиям несколько большая, чем у мужчин (30,3 против 25,4%). Большая часть мужчин и женщин (55%) отрицательно относятся к разговору с незнакомыми людьми в общественных местах. Определенная часть мужчин и женщин относится отрицательно (25,4%) или безразлично (51,6%) к

пересудам на житейские темы с соседями, а также отрицательно (32,5%) или безразлично (45,8%) к участию во встречах и собраниях, но мужчины более склонны к этим действиям, чем женщины (27,5 против 15,2%).

Трудно, однако, предполагать, что указанные тенденции сохраняются неизменными на протяжении всей жизни человека. Действительно, как показывают материалы того же языкового обследования в г. Мацуэ, с возрастом происходят изменения и в отношении японцев к языковому существованию. Динамика этих изменений на примере некоторых речевых действий отражена в приведенной ниже схеме 3 [166, с. 263]. Исследование динамики, как можно видеть на схеме, проводилось по шести речевым действиям: разговор дома, разговор в школе и на работе, разговор в общественных местах, слушание, чтение, письмо.

Приведенная здесь схема особенно отчетливо иллюстрирует то, что у мальчиков в возрасте от 10 лет активность в устной речи очень невелика. Наоборот, девочки в этом возрасте значительно более активны, но ближе к 20 годам становятся менее активными, чем юноши, у которых в данный возрастной период проявляется интерес к речевым действиям вне дома, в частности на собраниях. Активность к чтению стойко сохраняется во всех возрастах и у мужчин и у женщин, но после 60 лет всякая речевая активность и у тех и у других заметно падает.

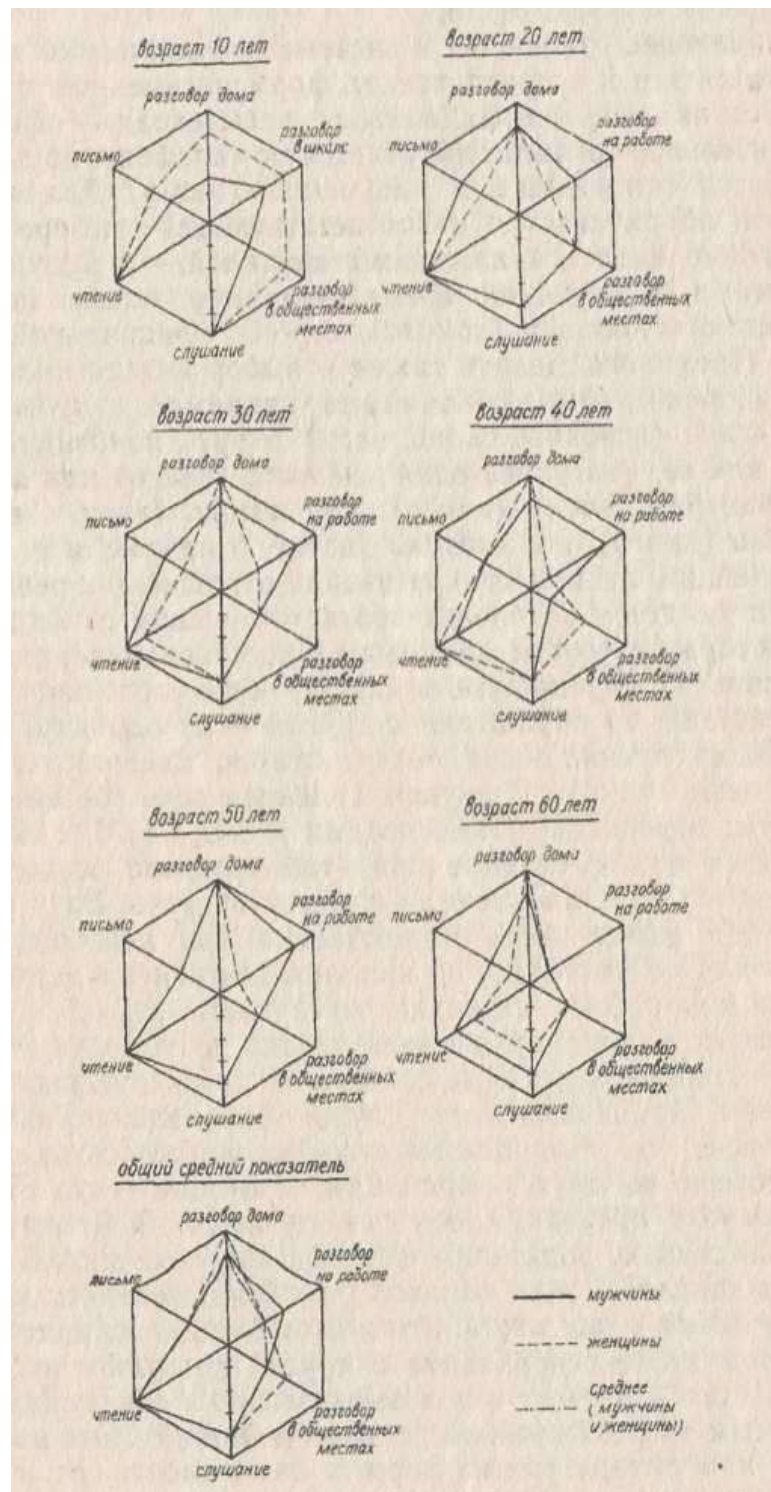
Несомненно, однако, и то, что факторы, определяющие отношение к речевым действиям, не исчерпываются особенностями пола и возраста. В этой связи теория языкового существования уделяет внимание отношению говорящего к языковой системе, которой он пользуется.¹¹

¹¹ Интересно в этом плане отношение к родному языку у японцев, переселившихся за границу. С. Эрвин-Трипп предприняла исследование в отношении японских женщин, вышедших замуж после окончания войны за американцев и переселившихся в США. Она устанавливает среди них два типа — сохраняющих привязанность к японскому языку (J-dominant) и проамериканский тип — более склонный к английскому языку (A-dominant). И та и другая склонность зависит, по мнению С. Эрвин-Трипп, от многих экстралингвистических моментов [178]. Японский исследователь Номото Кихуо свидетельствует, что японцы за границей с трудом усваивают иностранный язык, но усвоив его, решительно отказываются от родного во многих ситуациях, что объясняется в конкретных случаях целью переселения (на постоянное или временное жительство), уровнем культуры данной страны, возрастом индивида, прежним местожительством в Японии (город или деревня), временем переселения, политическим и экономическим положением Японии на мировой арене [132].

Наиболее наглядным примером здесь может служить отношение к родному диалекту и общенациональному литературному языку. С усилением централизации общественной жизни Японии и развитием массовой коммуникации большей престижностью, несомненно, пользуется литературный язык. В результате отмечается определенное чувство стеснения, которое испытывают жители северных районов Японии в отношении своего языка, изобилующего диалектными элементами. Это вызывает и соответствующее отношение к речевым действиям, скованность в речевом поведении. В то же время носители южных диалектов, в частности о-ва Кюсю, наоборот, бравируют своим диалектом. Таково же отношение представителей западного кансайского диалекта, что дает основание Умэсао Тадао даже ставить вопрос о признании кансайского диалекта вторым литературным языком Японии.

Схема 3

**Динамика изменения отношения к языковому
существованию в связи с возрастом**

Оценивающее отношение к системе используемого языка может проявляться и в предпочтении форм письменной или устной речи (устная речь неофициальна, письменная — официальна; предварительное согласие получается по телефону, но затем подтверждается отношением в письменном виде). Для японского языка это оборачивается и соответствующим выбором лексики — исконно японской или заимствованной, — и решением проблем письма [в

довоенное время, например, только иероглифы считались «настоящей» (хондзи), строго официальной формой письма]. Предстоит сделать также и выбор между многочисленными в японском языке синонимами, например: *сакудзицу* (кан-го) или *кино*: (исконное слово, *ваго*) 'вчера', *хондзицу*, *коннити* (*канго*) или *кё*: (*ваго*) 'сегодня', *мё:нити* (*канго*) или *асу*, *асйта* (*ваго*) 'завтра', *хоннэн* (*канго*) или *котоси* (*ваго*) 'нынешний год', *кайси* (*канго*) или *хадзимэ* (*ваго*) 'открытие' и т.д.

Дальнейшим этапом конкретизации отношения к речевой деятельности является появление соответствующих типов высказываний, которые в теории языкового существования различаются по функции: 1) обращенные к самому себе при планировании своих действий; 2) обращение к другим — а) однонаправленная речь (лекция, чтение вслух, театр, статья, дневник, творческие произведения и т.п.); б) двунаправленная речь (беседа, диалог, симпозиум; переписка, обмен нотами и т.д.) [175, с. 239—240]. Различается и применяемое при этом средство осуществления высказывания, т.е. письменная или устная речь. Если речь устная, то она может быть осуществлена при непосредственном контакте или по телефону, по каналам вещания, в звучащей записи или может быть передана через третье лицо.

Считается важным учитывать также допустимую в данном обществе степень неправды, искажения действительности в высказывании. Примерами могут служить объявления, одно из которых гласит, что *Ресторан закрыт для уборки*, хотя он не работает совсем по другим причинам, а второе — что *Городские часы проходят проверку*, хотя они сломаны. В Японии вполне допустимо сказать родителям, чей сын известен плохой успеваемостью в школе: *Такой мальчик, как ваш, конечно, прекрасно сможет учиться в институте*, что может быть воспринято как насмешка или даже оскорбление в другом языковом коллективе.

Выбор тех или иных форм высказывания связывается с так называемым «переключением речевых действий». Это выбор диалектных или литературных форм в зависимости от ситуации, письменной или устной форм речи, соответствующей длины и структуры предложения, форм выражения вежливости в зависимости от собеседника, что может затрагивать и изменения в фонации. Можно сказать *тэгэми-о кайтэ симатта* 'написал письмо' (форма литературного языка) в одной ситуации и *тэгами-о кайтятта* (разговорная форма) — в другой.

Таковы вопросы, связываемые в теории языкового существования с отношением индивидов к речевым действиям в межличностном общении или в общении внутри малого коллектива [118, с. 32—46].

В плане общесоциальном теорию языкового существования занимают преимущественно проблемы массовой информации и машинной обработки информации. Развитие средств массовой информации и особенно телевидения дало новые формы сочетания языковой и неязыковой информации в виде изображения. Разумеется, иллюстрации были и ранее в книгах, газетах, журналах. Было и кино. Но телевидение дало оптимальный эффект сочетания оперативности информации с эффектом присутствия. Изучение возникающих связанных с восприятием такой информации проблем — важнейшая задача языкового существования.

Обработка информации с помощью ЭВМ в массовых масштабах оказывает специфическое, отличное от массовой информации влияние на языковое существование. Если задача массовой информации— обращение к широкой аудитории, то задача компьютеризации— накопление, хранение, отыскание и сообщение в нужный момент информации, которая как орудие производства непосредственно включается в деятельность общества [41, с. 211—212]. Необходима также разработка эффективных методов для этого. Опыт машинного перевода в Японии, не давший пока желаемого достаточно эффективного результата, показывает, что на данном этапе

изученности этого вопроса компьютер еще не в состоянии решать задачи собственно языковой коммуникации достаточно удовлетворительно. Поэтому один из теоретиков языкового существования Минами Фудзио полагает, что «действия компьютера лежат где-то на границе языковой и неязыковой коммуникации» [118, с. 56].

С точки зрения функций языка компьютер может осуществлять функцию сообщения, накопления информации (запоминания, записи), прогнозирования и частично планирования действий. Но практически наиболее эффективными его действия оказываются в отношении количественной информации. Так, в настоящее время в Японии успешно осуществляется единая система банковского учета, дающая в любой момент картину состояния дел на сегодняшний день во всех отделениях банка по всей стране. Затем существуют система регистрации расхода и начисления платы за газ, электроэнергию, система начисления зарплаты, а также способ получения информации о наличии товаров на складе, о движении и комплектовании конвейера на производстве, об учете и автоматической продаже железнодорожных и авиационных билетов и т.п. Компьютеры могут оказывать значительное влияние на объем речевых действий, необходимых для достижения той или иной практической цели. Например, вместо покупки железнодорожного билета у кассира или заказа его по телефону можно получить его непосредственно через централизованную автоматическую систему учета наличия и продажи билетов, так называемые «зеленые кассовые окошки» (*мидори-но мадогути*) на вокзалах государственных железных дорог в Японии. То же самое можно сказать о компьютеризации процессов редактирования, подбора слов в определенном порядке, в частности алфавитном, при составлении словарей, некоторых процессов научно-исследовательской и преподавательской работы.

Проведенное Японской корпорацией вещания NHK в марте 1973 г. обследование состояния коммуникации (население старше 15 лет, в 300 населенных пунктах страны) показало значительную для

современной Японии роль речевых действий, связанных со средствами массовой коммуникации [157, с. 19].

В связи с другими видами коммуникации массовая коммуникация по своему месту в составе речевых действий в представлении японских филологов имеет следующие отличительные черты:

- 1) является формой, связанной с эгоцентрическим образом жизни и расширением потребительских запросов;
- 2) служит средством изучения окружения и обстановки, особенно в условиях социальных изменений и возникновения чувства беспокойства в социальном плане;
- 3) служит средством восполнения недостатка информации в условиях роста чувства отчуждения, характерного для современного японского общества (неудовлетворенность интерперсональной коммуникацией стремятся компенсировать массовой коммуникацией).

В бесконечно растущем количестве информации полезное воздействие на получателя оказывает только то, что он сам ищет в массовой коммуникации, а все остальное оказывает отрицательное воздействие, создавая проблему так называемого «загрязнения среды информацией». При этом нельзя не учитывать речевой нагрузки и языкового воздействия, создаваемого массовой коммуникацией. Даже прослушивание информации с целью отсеивания ее ведет к постоянному контакту с языком массовой коммуникации и обеспечивает влияние последнего на языковое существование индивида.

Говоря о проблеме массовой коммуникации как коммуникации социальной в применении к условиям современной Японии, нужно упомянуть о «чрезмерном уплотнении» (в городах) и «чрезмерном рассредоточении» (в деревне) населения, что в той или иной степени свойственно и другим странам. И то и другое ведет к чувству отчуждения и неудовлетворенности у индивида социальными

контактами. В скученности, не имея возможности нормально общаться, люди живут как анонимные разрозненные индивиды. Пространство в любом случае (и скученности, и рассредоточения) не может способствовать полноте человеческих отношений. Компенсацию этого, по мнению японских исследователей, начинают искать в массовой коммуникации, которая осуществляется как корреляция отношений человека с внешним миром вне его отношений с другими людьми. В первую очередь здесь большую роль играет телевидение, как свидетельствует пример Японии.

Но телевидение не может заполнить всей «пустоты» в речевых контактах, а кроме того, телевидение в этом случае вытесняет другие виды коммуникации. Замечено, например, что в условиях перегрузки средств передвижения, т.е. так называемого «транспортного ада» в Японии, лишенные возможности свободного передвижения старики стали много говорить по телефону. Это их своеобразный протест, стремление высказаться, преодолеть одностороннюю направленность телевизионной коммуникации и желание восстановить полноту необходимых человеку компонентов ее, а именно общение с семьей, родными, живущими отдельно, так как радость пребывания в семейном кругу они рассматривают как важнейший момент своей повседневной жизни [135, с. 26; 161, с. 18—27].

При таком положении, даже не осознавая того, каждый член японского общества начинает ощущать необходимость оптимально сбалансированной коммуникации. Усложнение условий среды существования подталкивает к движению в этом направлении, хотя бы даже в пассивной форме. Охват информацией и возрастание речевой нагруженности заставляют субъекта занять активную позицию, чтобы не утонуть в море информации. Поэтому если до сего времени, например, телевидение — самый сложный компонент массовой коммуникации — в основном считало своей поддержкой «массы» и на этом строило свои расчеты комплектования программ, то теперь, судя по сложившейся структуре, коммуникации в Японии, оно должно считаться и с личностью получателя. Растет утверждение

«индивидуальности», в связи с чем возникает вопрос и о функциях телевидения в отношении «индивидуальности» [135].

Исторические особенности японской речевой культуры с точки зрения филологии

Особенность теории языкового существования, перемещающей центр исследования в исследование речевых действий личности, вероятно, находит объяснение в исторических корнях японской культуры. Исторически сложившиеся традиции японской культуры можно попытаться истолковать с филологической точки зрения.

Если проанализировать поведение индивидуума с точки зрения того, к каким типам речи он прибегает и как распределяет время между речевыми и неречевыми действиями, то окажется, что человек обращается к разным сферам речевого поведения по-разному. Так, основные филологические классы текстов (т.е. выделенные в соответствии с филологической классификацией), т.е. 1) монолог и диалог, 2) молва, 3) фольклор, 4) эпистолы, 5) документы, 6) сочинения, 7) художественная литература, 8) научная литература, 9) журналистика, 10) массовая информация, 11) компьютерная речь, требуют от человека принципиально разных речевых актов в плане как психологического подхода к ним, так и принятых в обществе правил исполнения этих актов.

Эти классы текстов можно подразделить на две группы, а именно на: 1) тексты, требующие от человека ответа, выраженного речевым или неречевым действием (монологи и диалоги; документы), и 2) тексты, в ответ на которые человек может предпринимать определенные действия, но они не являются обязательными. К ним относятся молва, эпистолы, массовая информация, компьютерные данные. Все прочие тексты, т.е. разного рода сочинения, фольклор, художественная и научная литература, журналистика, предполагают воздействие на интеллект и эмоции (чувства) человека, но воздействие, оказываемое не в какой-либо конкретной форме, т.е. они не задают в прямой и

конкретной форме определенного вида поведения. Так, роман может повлиять на образ мысли и через это в некоторой степени на выбор жизненного пути, но он не является прямой рекомендацией совершить конкретный поступок, как, например, команда, просьба, обращение или документы распорядительного или финансового характера.

Из всей системы текстов, требующих перехода к действию: диалоги, монологи, документы, — только устный вид предполагает немедленное участие получателя информации в речевом акте. Письменная форма текста, как правило, не предопределяет конкретного времени прочтения документа, тогда как устная речь непременно требует по правилам вежливости и речевого этикета прослушивания всего, что произносится говорящим. Таким образом, устная речь представляет собой своеобразную форму «речевого насилия», поскольку в соответствии с требованиями речевого этикета слушающий не может отказаться или отложить получение информации.

Можно отметить, что в традициях японской культуры эта сторона правил соотношения речи и действий в человеческом поведении подчеркнута с особой силой. Вероятно, что еще в ранние эпохи японской истории соотношение слова и дела было очень строго определено. Что же касается современной жизни, то исключительная аккуратность японцев в исполнении сказанного влечет за собой и крайнюю осторожность в обещаниях. Поскольку у японцев существует осторожность в обещаниях, естественно, что собеседник, всегда ставя себя по правилам речевого этикета на место партнера, никогда не рискует и просить, а если и вынужден делать это, то только в исключительных случаях.

Внимание к проблемам исполнения сказанного и осторожность в просьбах и высказываниях, связанная с этим, естественно, увеличивают и «дозу» умолчания, а следовательно, сокращают и все те случаи диалогической речи, когда речь может быть воспринята как просьба, повеление или что-либо подобное. Это в конечном счете и является причиной того, что в подобных случаях в традициях японской

культуры на прямую диалогическо-монологическую речь приходится очень незначительный процент общего объема речевых действий.

Но так называемая молчаливость и скрытность японцев проявляются не во всех видах текстов, а только в сфере устной беседы [45, с. 320—338]. Японцы не молчаливы в тех случаях, когда речь идет о филологических типах текста, не влекущих за собой конкретных предписаний действовать. Хорошо известно, как богата разнообразными произведениями японская художественная словесность и как охотно японцы занимаются научным творчеством.

Вот почему современная жизнь, современное развитие общества, порождающие обильные устные речевые контакты, ставят перед японцами совершенно особую задачу — совмещать эти устные контакты с традиционной сдержанностью в речевом поведении. Стремление быть верными своей традиции устно-речевого этикета создает для японцев (как для говорящего, так и для слушающего) значительные трудности, с которыми, пожалуй, не приходится сталкиваться представителям другой культуры.

Учитывая сказанное выше, можно полагать, что одной из важных побудительных причин возникновения теории языкового существования, призванной нормировать речевую жизнь японцев, является потребность создать как бы новый тип правил для ведения беседы в условиях современных речевых контактов, сопутствующих развитию массовой коммуникации.

Японская теория языкового существования помимо прочих задач ставит себе целью облегчить речевую практику японца относительно диалога и монолога путем переключения многих устных форм речи в область действий компьютера, в сферу развертывания документальной переписки и навыков письма в целом. В связи с этим проводится изучение условий, влияющих на отношение к этим речевым действиям. Так, для действий письма констатируется, что люди, неактивные в действиях письма, — это люди, обладающие неактивным складом

характера вообще. Такие люди не учитывают, что хотя письмо — это определенный труд, но этот труд заменяет или облегчает другие виды действий. Люди эмоционального склада более активно осуществляют действия письма, чем люди с замедленной реакцией, и, наконец, люди открытого характера чаще прибегают к письму, чем люди замкнутые. Неактивное отношение к письму объясняется, как правило, не только свойствами натуры, но и благоприобретенными чертами характера.

К последним могут относиться чувство стеснения в связи с тем, что человек не владеет хорошим стилем или почерком. В последнее время японская молодежь стесняется нетвердого знания иероглифики, которое они боятся обнаружить, например, в письме к учителю. Статистика министерства связи Японии показывает, что один японец в среднем получает одно письмо в неделю (против одного в день в США). В связи с этим психолог Хатано Кандзи высказывает мнение, что, если бы в Японии чаще прибегали к пишущей машинке для деловых и даже личных писем, это могло бы способствовать активизации действий письма [165, с. 121]. Он считает, что каждое письменное отношение или личное письмо есть в конечном счете «указание», т.е. просьба, порицание или выражение желания получить какие-либо действия от корреспондента. Поскольку реакция адресата на это указание выясняется значительно позже, то известная «половинчатость» такой коммуникации снижает в наш век быстрых темпов и скоростей интерес к ней. Тем не менее, по его мнению, нельзя не учитывать, что письменная коммуникация способна в известной мере воздействовать на изменение позиции корреспондента в желательном направлении и с детских лет прививать привычку к письменному общению, чтобы оно не казалось трудным в последующей жизни.

Что касается чтения, то исследования показывают, что отношение к нему определяется скорее не складом характера, а объективными условиями, способствующими или препятствующими чтению. Интересно, что распространенное мнение, что «больше читают люди самоуглубленные, склонные к размышлению», опровергается результатами обследования, проведенного японскими филологами. Данные обследования свидетельствуют, что именно люди активного

открытого характера, успевая выполнять все другие жизненные действия, читают больше людей с неактивным характером [137, с. 152]. Схема процесса становления привычки к чтению представляется так: дети читают легко и охотно; для них это своего рода «спорт для головы». В юношеском возрасте расширение и усложнение материала чтения требует большей усидчивости и настойчивости. Не всем это по силам. Трудности именно этого периода и послужили основой для создания упоминавшегося выше распространенного мнения о том, что много читающие люди имеют особый, далекий от других активных действий склад характера. Картина, которая прослеживается в отношении чтения у людей в зрелом возрасте, как уже говорилось, опровергает это мнение.

В то же время теория языкового существования стремится развить и упорядочить прямые формы устной речи — формы диалогов и монологов, создавая соответствующие облегчающие правила, переводя содержательные сложности ведения речи диалога в плоскость речевого автоматизма, т.е. помогая японцу овладеть навыками слушать беседу и вести ее. Этой цели и подчинены рекомендации японских филологов относительно правил речевых действий, рассмотренные в главе IV настоящей работы.

В этой связи исследуется, например, и влияние на формы речи позиции говорящего — его зависимого или независимого положения по отношению к слушающему: «сдержанной (смиренной) позиции» (*тэйсисэй*) или «активной (наступательной) позиции» (*ко:сисэй*), по терминологии японских авторов.

Экспериментальные исследования свидетельствуют, что позиция говорящего отражается, например, в фонации высказывания. Так, слово *моси-моси* 'алло' в условиях отсутствия реакции адресата при повторном произнесении обнаруживает сначала тенденцию в повышении тона на 1-м, а далее на 3-м слоге (менее вежливый вариант), а затем увеличивается сила голоса. Эксперимент с короткой фразой *хаяку синасай* 'Делай скорее' в тех же условиях показывает

постепенный переход говорящего от просительной интонации к требовательной, что, в частности, выражается в эмфазе, падающей на суффикс повелительного наклонения *насай* [119, с. 67—70].

В рамках фонации, существенной для устной речи, выделяются языковые и неязыковые факторы. Языковые в свою очередь делятся на: 1) реализующиеся в пределах слова и 2) относящиеся к слову или высказыванию в целом. К первым относятся фонемы, моры и сами слоги; ко вторым — ударения, эмфаза, паузы и интонации. Неязыковые факторы фонации — это индивидуальные особенности звучания голоса говорящего, а также те оттенки значений, которые улавливаются в каждом конкретном случае и несут определенную дополнительную информацию: это доброжелательность, враждебность, почтение, презрение, зависть, любовь, агрессивность и т.д. Неязыковые факторы неразрывны с языковыми и часто сочетаются с неречевыми сторонами коммуникации, т.е. жестом, мимикой, позой и т.п. Полагают, что неязыковые стороны фонации в устной речи могут нести больше информации, чем почерк или особенности набора — в письменной.

Объем такого рода информации различается в зависимости от ситуации и отношений коммуникантов (так же, как и для языковой стороны). Связь языковых и неязыковых факторов фонации в различных случаях различна: иногда они соответствуют друг другу, а иногда сознательно разводятся, создавая заранее запланированный эффект выражения, например, способ произнесения выражения *аната ва эрай ва нэ* 'Ты молодец' может свидетельствовать об издевке, а во фразе *ватаси ва окоттэ-имасэн* 'Я совсем не сержусь' может явно чувствоваться раздражение. При этом предполагается, что степень несовпадения языковых и неязыковых факторов фонации или сознательного создания его в определенной мере связана с национально-культурными особенностями речевой деятельности данного языкового коллектива. Удельный вес той или иной стороны фонации для разных языков различен. Как признается теорией языкового существования, в японском языке в плане эффективности воздействия преобладает языковая сторона: гонорифические средства

выражения, служебные слова, специальные формы выражения сказуемого [158, с. 72—87].

В связи с трудностями устно-диалогической речи (о чем говорилось выше) японцы стремятся получить известное психологическое облегчение при помощи занятий таким словесным творчеством, которое не носит принуждающего к действиям характера. В этом отношении интересен опыт японских профсоюзов, различных организаций, а также отдельных писателей, предпринимающих попытки развить литературно-эстетическое речевое творчество путем создания литературных кружков и союзов, деятельность которых направлена на то, чтобы широкие круги людей занимались литературно-эстетическим творчеством; в целом японцы имеют большую склонность к этому. Деятельность в данной области разряжает психическое напряжение, сопутствующее устной беседе, переводя предмет речи в абстрактную, не носящую характер обязательства плоскость.

Интересно, что меры, которые предлагаются для реформирования языка массовой информации, помимо лингвистических мер совершенствования речи и ее лексики в направлении прежде всего удобства понимания, содержат также и мероприятия в области развития и упорядочения этикетных форм речи.

Система этикетных форм в речи японцев, как известно, отличается особой сложностью, отражая социальную стратификацию японского общества, в котором еще сохраняются пережитки развитых прежде в Японии феодально-патриархальных отношений. Сложность ее усугубляется тем, что в японском языке социальные отношения между членами общества передаются не только лексически, как, например, в европейских языках, но и грамматически. Отсюда возникает многосторонняя зависимость между элементами языка, служащими для выражения вежливых этикетных форм (специальной лексикой, служебными словами, аффиксами, специальными формами слов), и смыслом, который они приобретают в конкретном высказывании в

связи с их местом в общей системе гонорифических средств японского языка, обстановкой высказывания, отношениями между участниками речевого акта и упоминаемыми в нем третьими лицами и относящимися к ним предметами. Это непосредственно отражается и в структуре конструируемого предложения. Например, вежливые формы, заключающие предложение и адресованные в таком случае, даже в речи о предметах, к собеседнику (*урадо:ри-га сидзука дэ годзаимас* 'Улица позади дома тихая'), не могут быть употреблены внутри предложения в придаточных или в сложносочиненных конструкциях (*сидзука дэ годзаимас урадо:ри*). Если же в подобном использовании все же есть необходимость, то это ведет к переформированию всего высказывания (*урадо:ри га сидзука дэ годзаимас нодэ; урадо:ри-га сидзука дэ годзаимас га*) [118, с. 238—240].

Большая работа, проводящаяся в Японии по исследованию этих проблем, отмечена и в нашей лингвистической литературе, где, в частности, констатируется: «В отношении выяснения того, кого и в каких случаях считают высшим, равным или низшим и в каких случаях в зависимости от этого употребляются те или иные формы, 'многое сделано японскими лингвистами, занимающимися исследованием так называемого языкового существования... Существует большое количество работ, где рассматриваются вопросы об употреблении тех или иных форм в зависимости от социального положения говорящего и других лиц, их пола, возраста и т.д.» [2, с. 16].

Что касается текстов массовой информации, то в разных странах они нередко отличаются прямолинейным характером подачи содержания. Японская речевая культура предлагает другой подход. Хотя, как видно из изложенного, в современной японской массовой информации нередко сочетаются американский стиль прямого риторического воздействия и японская вежливость, общее направление работ в области стилистики массовой информации представляет собой стремление сохранить и развить традиционные формы речевого этикета, приспособив их к косвенно-командным формам массовой информации [123, с. 34—41], как, например, в текстах рекламы. В них при сохранении общего этикетно-учтливового тона выражения

достигается лаконичная экспрессивность, соединенная с достаточной настойчивостью и убеждающей силой высказывания.

Стилистика современной японской речи и связь ее с разными типами речевых произведений составляют насущные проблемы исследования японской общественно-языковой практики в настоящее время. Можно считать, что здесь скрыто большое поле для исследования характерных форм речевой культуры японцев.

Глава VI

ОЦЕНКА ЯПОНСКОЙ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

Японская теория речевых действий в свете европейской риторики и поэтики

Типы речевых действий и правила речевой деятельности составляют неотъемлемую часть теории языкового существования. Этот ее раздел интересен тем, что содержит типологию актов речи и типологию правил создания речи.

Прямых связей с европейской лингвистикой данная область теории языкового существования не имеет. Европейская лингвистика обычно рассматривает речь и речевые действия под углом зрения той системы языка, в пределах которой протекают речевые действия. При нормативном подходе к языку европейская лингвистика рассматривает каждое речевое действие как соответствующее языковому выражению и правильное или, напротив, не соответствующее языковому выражению и неправильное. Эти критерии правильности и неправильности речевых действий в европейской лингвистике исторически изменчивы. Они зависят от того, на какую форму речи и в каком ее качестве опираются нормализаторы языка. Так, в истории европейской национальной грамматики можно проследить

постепенный переход от иллюстраций авторскими примерами к примерам литературным. Так, ранние грамматики, например русские грамматики М.В. Ломоносова [37], Г.П. Павского (51), Н.И. Греча [19; 20], обычно построены на авторских примерах, тогда как более поздние грамматики, например, грамматики Ф.И. Буслаева [5], А.М. Пешковского [52], В. В. Виноградова [16], предпочитают пользоваться примерами из литературы.

Такова же картина и в развитии французской грамматики. Например, грамматика Пор-Рояль и грамматика Рето по преимуществу базируются на авторских примерах и разбирают ошибки классиков французской литературы, даже таких, как Корнель и Расин. Впоследствии французская грамматическая традиция, особенно в XIX в., опирается исключительно на примеры, заимствованные из классиков литературы, поскольку утвердилось мнение, что язык создается писателями, а дело грамматиков лишь регистрировать факты языка литературных произведений.

Из этого следует, что классическая грамматическая традиция Европы объектом своего изучения избирает не целое речевое произведение, возникающее как результат осуществления системы речевых действий, а его фрагменты, соотносимые по своему объему с грамматическим примером.

Дальнейшее развитие европейского языкознания привело лингвистов к заключению, что языковая система при ее гомогенности представляет собой некоторый комплекс подсистем, куда входят диалектные, просторечные, деловые, художественно-литературные и иные языковые образования, которые составляют сложную систему национального языка.

Этому представлению о системе языка предшествовал специфический анализ речевых произведений, в котором каждое из них изучалось с точки зрения представленных в нем подсистем языка. Такой взгляд в русском языкознании восходит к трудам проф. Е.Ф. Будде [4], который

анализировал литературные произведения с точки зрения их словарного состава и фразеологии, распределяя последние по различным слоям, как бы мы сейчас сказали — подсистемам, языка, т.е. диалектизмам, просторечиям, славянизмам и т.д.

В 30-х годах в СССР [50, с. 332—335, 251—276] и в 50-х годах в Англии [179; 180; 188] возникли некоторые сходные идеи о различии речевых действий при реализации языковой системы. Теоретическую разработку этой проблемы дает английская институциональная лингвистика, которая различает в языке «регистры», т.е. варианты языка, используемые в различных ситуациях (набор специфических для данной ситуации языковых средств) [46, с. 65]. Понятие «регистр» определяется следующим образом: «Когда мы наблюдаем языковую деятельность в различных контекстах, в которых она протекает, мы обнаруживаем различия в типах языка, которые выбираются как наиболее соответствующие той или иной ситуации» [179, с. 87]. Иными словами, регистры соотносятся с определенными типами ситуаций. Каждый из регистров характеризуется рядом специфических черт, в частности своей нормой фонации, и эта норма фонации может касаться как произношения стандартных фонем литературного языка, так и вкрапления нестандартного фонологического состава в устную литературную речь. Одновременно изучался и лексико-синтаксический состав регистров. Надо отметить, что в этих исследованиях типы речевых актов и правила речевых действий, определяющих эти типы, не рассматривались.

Однако нельзя сказать, что европейской филологии в целом чужда типология речевых актов и разработка правил речевых действий, формирующих эти акты. Но эта сторона филологической теории в рамках европейской традиции не относится к грамматике и словарю — основным разделам европейского языкознания. Она относится к риторике и поэтике. В европейской филологии риторика и поэтика вырабатывают правила формирования речевых актов, правила восприятия речевых актов и дают их классификацию и типологию. Таким образом, теория типов речевых действий широко представлена в европейской филологии, но не является частью собственно

лингвистики. Следует отметить, что риторика и поэтика не охватывают всех возможных типов речевых действий, но дают только особо рекомендованные их типы, а именно те типы, в которых должно проявиться совершенное владение речью, т.е. типы речи, имеющие особенную общественную ценность. В этой связи история риторики и поэтики демонстрирует выделение различных речевых жанров в разное время существования поэтики и риторики. Так, скажем, античная риторика по преимуществу выделяла речи совещательные, судебные, эпидейктические как в практических, так и в учебных их вариантах.

Европейская ораторская и поэтическая культуры обладают каждая своей систематикой типов речевых действий и своей системой правил речевых действий и отличаются от японской теории языкового существования в двух отношениях:

1) европейские риторика и поэтика не стремятся дать полный перечень речевых действий, сосредоточивая свое внимание лишь на особых, важных для этих дисциплин речевых действиях;

2) в пределах этих разновидностей речи европейские риторика и поэтика дают весьма развитую и детализированную схему построения и восприятия речевых произведений, составляющих предмет специального обучения. При этом речевые акты представлены как сложные структурные образования, самостоятельные и отличные от языковых структур.

Ход развития европейской филологии предполагает наличие двух противопоставленных структур, несводимых одна к другой: с одной стороны, структура речевых произведений, с другой — грамматическая структура языка. Их различия заключаются, во-первых, в том, что это структуры, по существу, разных предметов, и, во-вторых, в том, что грамматическая структура языка, по мысли тех, кто ее описывает, должна отражать любой речевой акт на правильном литературном

языке, а речевые произведения, исследуемые в поэтике и риторике, составляют лишь часть возможных речевых произведений.

Что же касается японской теории языкового существования, то предпринимаются попытки объединить в рамках последней науку о речевых произведениях, с одной стороны, и грамматическую науку о системе языка — с другой. При этом за счет полноты описания видов речевых произведений утрачивается описание их внутренней структуры; отсутствует также и детальный анализ исполнительского мастерства при произведении речи.

Теория языкового существования представляет собой прежде всего учение об актах речи и по этому признаку может быть сопоставлена с риторикой и поэтикой.

Такое сопоставление обнаруживает следующее. В теории языкового существования даются полная систематизация актов речи, характерная для функционирования современного японского языка, а также исчерпывающий список типов актов речи.

Далее, теория языкового существования рассматривает каждого японца как лицо, которое должно овладеть речью всех типов, причем овладеть всесторонне с точки зрения как создания актов речи, так и восприятия их.

Европейские учения об актах речи — риторика и поэтика, как уже упоминалось, не дают полного списка типов актов речи. Эти науки призваны воспитать оратора и поэта как не рядовую личность, а как избранный талант. Поэт и оратор в этих науках противопоставляются аудитории, т.е. основной массе населения. Поэтому, естественно, поэтика и риторика не содержат специального учения о правилах восприятия речи.

Теория языкового существования по этим признакам отличается от поэтики и риторики. В соответствии с назначением поэтики и риторики правила создания актов речи, данные в них, разумеется, предполагают известное отношение к аудитории. Особенно очевидна зависимость ратора от аудитории, проявляющаяся прежде всего в уместности и стиле высказывания. Однако и поэт, и оратор рассматриваются как лица, противопоставленные аудитории и в каком-то смысле управляющие ею. Аудитория и оратор находятся как бы в неравноправном положении.

Японская теория языкового существования, напротив, явно подчеркивает равенство говорящего или пишущего и аудитории. Говорящему предписывается быть понятным и удобным для аудитории. Слушающему предлагается быть терпеливым, внимательным и понятливым. Обе стороны должны содействовать друг другу, делать общее дело, образовывать удобную сжатую форму речевой коммуникации. Они должны не противоборствовать, а содействовать друг другу. Эта этическая направленность теории языкового существования образует особый стиль современных речевых отношений японцев. Каждый японец, если он хочет быть корректным говорящим или слушающим, должен соответствующим образом содействовать другой стороне, идти навстречу ее трудностям, добиваться единства речевого процесса. Тем самым формируется особая этика речевого общения, не исключая, однако, критического восприятия текста слушающим. Теория языкового существования не настаивает на необходимости согласия сторон по содержанию предмета речи, но подчеркивает необходимость быстрого, однородного и адекватного понимания предмета речи. Вместе с тем главным в риторике и поэтике является определенное речевое воздействие при допущении множественности понимания различными людьми одной и той же речи. Лишь в особых риторических актах, например в академической риторике, требуется однородная адекватность понимания.

Таким образом, теория языкового существования выдвигает для любого акта речи требования европейской академической риторики.

Нельзя не оценить своеобразие структуры речевой коммуникации, формулируемой по этому требованию.

В советском языкознании в новейшее время разработан подход к языку, который включает как исследование текстов, так и описание языковых систем. Он нашел отражение в теории функциональных стилей, одним из основоположников которой был В. В. Виноградов. По сути дела, этот подход основывается на всей истории практической деятельности филолога. В суммарно кратком виде подход В. В. Виноградова¹² к связи речевых действий и языковой структуры изложен им в ранней его книге «О художественной прозе» [6], где раскрывается принцип, с которым автор подошел к изучению классического комплекса проблем филологии. Характерным для этого взгляда является то, что В. В. Виноградов считает с дихотомией Ф. де Соссюра «речь — язык» и производит разбор этой дихотомии, но сам термин «язык» В. В. Виноградов понимает не так, как Соссюр. В. В. Виноградов считает языком и лингвистические системы, воплощенные в описаниях, и продукты речевых действий, приводящих к созданию текстов разных типов.

Следовательно, лингвистика трактуется не только как наука о языке как имманентной системе, но и как наука о строении речевых актов. Таким образом, к области языкознания относится и анализ речевых произведений, и изучение правил их построения. Тем самым оказывается, что сфера, изучавшаяся риторикой и поэтикой, т.е. речевые акты в различных их типах и структуре, оказываются теперь принадлежащими языкознанию.

Для этой сферы лингвистики текстов В. В. Виноградов применяет термин «стиль». Таким образом, в соответствии с этой точкой зрения лингвистика содержит теорию стиля — науку о типах и структуре речевых произведений. Теория стиля отличается от грамматики, лексикографии, лексикологии, теории словообразования, которые

¹² Этот подход В. В. Виноградова фактически развивался им в различных работах: по истории грамматических учений в России [9; 11; 12], по лексикографии и грамматике [10; 16], по истории русского литературного языка [8], по изучению языка и стиля писателей и по лингвостилистике [7; 13; 14].

относятся к языковой системе. Связующей частью между исследованием структуры речевых произведений и типологией речевых актов, с одной стороны, и описанием языковой системы — с другой, является в соответствии со взглядами В. В. Виноградова особый предмет языкознания, названный им «историей литературного языка».

В области истории литературного языка В. В. Виноградов разграничивает две части. С одной стороны, это история языковых описаний всех видов (грамматики, риторики, поэтики), особенно нормативных или пользующихся авторитетом. С другой стороны, это история слов и выражений, специфическая историческая семантика литературного языка, служащая для сохранения, удержания и развития значений словаря литературного языка, для построения будущих речевых произведений.

Таким образом, предмет стилистики у В. В. Виноградова оказался расширенным до пределов всей филологии. Необходимость такого расширения предмета стилистики В. В. Виноградов видит, во-первых, в том, что прежние поэтика и риторика утрачивают ясность своих очертаний, а появившиеся в настоящее время новые области речевой практики, например массовая информация, оказываются неохваченными этими дисциплинами [14, с. 14], во-вторых, в том, что и в новом, расширенном, понимании лингвостилистика сохраняет свой качественный характер именно лингвистической дисциплины [6, с. 75—187].

Если риторика, как говорилось выше, есть наука о создании речи, а поэтика являет собой науку о создании и восприятии речи, т.е. первая из них ориентирована на создателя речи, а вторая — на создателя и получателя, то лингвостилистика не делает разницы между создателем и получателем речи, сливая их в одной функциональной роли — человека, осведомленного в языке, равно могущего создавать и понимать текст. С этой точки зрения лингвостилистика есть эрудиция

и в текстах, и в системе языка, и в истории языковых значений и норм, равно обязательных для говорящего и слушающего.

Японская теория языкового существования как в отношении типологии речевых актов, так и в плане речевых действий по своему предмету может быть соотнесена с лингвостилистикой В. В. Виноградова, ибо языковое существование, по мнению японских авторов, есть лингвистическая дисциплина, равно предназначенная для говорящего и слушающего.

В силу вышесказанного представляется целесообразным сопоставление лингвостилистики с японской теорией речевых действий. Характерной чертой лингвостилистики является признание исторической дифференцированности актов речи, что отражается в типологии речевых актов и в их структуре. Главным моментом, противопоставляющим теорию лингвостилистики и теорию речевых действий в японском языковом существовании, является подход к литературному языку.

Японская типология актов речи построена на анализе входного и выходного каналов речевых актов; устная речь — орально-аудиальный канал, письменная — моторно-визуальный канал. Соответственно все акты речи противопоставляются друг другу по характеру прохождения речевых знаков по тому или иному каналу коммуникации.

Исходным положением лингвостилистики является другой принцип. Он заключается в том, что речь на литературном языке (это неоднократно подчеркивается почти во всех работах В. В. Виноградова) представляет собою речь смешанную, где различие в каналах движения речевых знаков имеет подчиненное значение, ибо нормы создания и восприятия речевых актов принципиально едины и не зависят в своих главных частях от того, в каком из каналов производится коммуницирование в данном случае. Как правило, любое из сообщений в литературном языке проходит по обоим каналам. Так, например, радиоречь сначала чаще всего пишется, а затем читается,

речь газеты может быть прочтена вслух. Что же касается многих газетных жанров, например интервью, то они представляют собою записи устных речевых произведений и т.д.

Литературный язык, по Виноградову, специфичен именно тем, что это устно-письменный язык и его речевые акты потенциально или актуально всегда относятся одновременно к обоим типам этих каналов циркулирования речевых знаков. Таким образом, в литературном языке устная и письменная стихии оказываются слиты в человеке, владеющем литературным языком, причем последний всегда реализуется одновременно в письменной и устной форме лишь с определенным преобладанием в каждом конкретном случае той или иной формы речи, смотря по характеру литературного текста.

Итак, с точки зрения лингвостилистики, невзирая на различия исполнения самой речи в то или иное время, речевой акт литературного языка, как правило, устно-письменный. Если же некоторые из речевых актов происходят только в устной форме, например, диалог бытового характера, который не записывается, то и в этом случае языковой состав диалога, его построение и система выражений целиком зависят как от лингвистической системы литературного языка, так и от внутренней системы его текстов в целом. Иными словами, тексты литературного языка есть устно-письменные тексты, по крайней мере для субъекта и адресата речи, которые потенциально могут переводить свою речь в любую из форм; в случае невыполнимости этого условия речь не может определяться как литературная. Поэтому типология речевых актов строится как изучение их качественной специфики, связанной со сферами общения, с одной стороны, и с историей развития каждой из сфер — с другой. На фоне этих представлений лингвостилистики видно, что японская теория языкового существования обращает внимание не на совпадение устной и письменной форм речи, а именно на различие устного и письменного речевых актов [43, с. 107—114].

Теория языкового существования предписывает каждому виду речевых актов свой состав правил. Заботясь о единстве устной и письменной речи лишь в отношении единиц языка, теория языкового существования подчеркивает композиционное различие письменной и устной речи и дает серию правил, определяющих это различие.

Следовательно, в понимании японцев «единство речи и письма» не есть единство литературного языка в европейском толковании, т.е. единство его письменной и устной форм, а есть единство языковых единиц устного и письменного языка при различии построения речевых актов письменной и устной речи.

В теории функциональных стилей в области стилистики литературного языка выделяется две лингвостилистически различные области речи: а) речь, в которой отсутствует индивидуальный стиль; к этой области речи относится деловая речь, т.е. документы, научная речь, отчасти эпистолы, а также почти вся сфера различных текстов массовой информации, т.е. тексты радио, кино, телевидения, периодической печати, где для каждого из названных типов массовой информации существует своя модификация общего стиля; б) речь, которой свойственны индивидуальные стили; здесь имеется в виду речь художественной литературы, публицистики, судебного делопроизводства, речь политическая, отчасти эпистолярная и некоторые другие ее разновидности.

Сообразно этому стиль может изучаться: а) как категории речевых актов для всех видов речи - при таком изучении мы имеем дело с функциональной стилистикой; б) для тех речевых актов, где представлен помимо функционального еще и индивидуальный стиль, речь может изучаться как проявление индивидуального стиля на фоне общего функционального стиля, присущего данной категории речевых актов.

Стиль, таким образом, связан с реакцией получателя литературной речи. Ориентация на ее получателя, т.е. помещение последнего в

центр исследования стиля, представляет собой отправную точку категории лингвостилистики. Речь строится автором, создателем речи, в зависимости от того, что известно получателю, как и насколько получатель представляет себе язык. Если создатель речи будет употреблять речевые формы и смыслы, которые неизвестны, известны неполностью или превратно понимаются получателем, то речь создателя становится бессмысленной. Вот почему в основу анализа стиля речевого акта кладется не научная разработка систем и подсистем языка, ибо научные представления о характере языкового строя сильно отличаются от того представления, которое сложилось у массового получателя речи. Это «бытовое», «народное» представление о характере языка и строении речевого произведения, присущее получателю речи, фактически и определяет структуру речевого акта. Ход этого процесса должен быть реконструирован лингвистом за счет специального анализа в области теории стиля.

Проблема индивидуализации стиля является другим моментом, различающим теорию языкового существования и лингвостилистику. В теории языкового существования неоднократно подчеркивается необходимость индивидуального стиля речи. Эта необходимость касается не только художника слова: каждый японец должен проявить свою личность в языке. «Нельзя говорить, не открывая себя в речи, думая только о правильности слов. Слушатель должен ощущать личность говорящего», — утверждает японский филолог Кавакацу Хисаси [92, с 141]. Однако на вопросы, как проявить эту личность, в каких формах, в каких пределах в тех или иных актах речи может быть реализован индивидуальный стиль, теория языкового существования ответа не дает. По-видимому, и не может дать в силу того, что японские исследователи стали изучать не творческую индивидуальность, а анализировать аудиторию, разбив ее по полу, возрасту, занятиям, образованию и т.п., справедливо полагая, что каждая из этих групп населения должна обладать особенностями в характере своих языковых представлений.

В. В. Виноградов еще в 30-е годы указывал на то, что по языковым знаниям, т.е. по представлениям о языке и структуре речевых актов,

разные социальные группы существенно различаются между собой [14; 15]. Японская лингвистика, обладая мощным аппаратом исследования, сделала следующий шаг в области анализа языковых представлений, присущих разным группам населения: она стала изучать обиходный словарь этих групп. Это было сделано как в сфере анализа языковых знаний путем статистических подсчетов употребления лексики в разных типах речевых произведений (разных функциональных стилях), так и путем анализа записанной бытовой литературной речи представительных групп населения с помощью технических средств [143].

К сожалению, результаты таких обследований представляют собой данные чисто лингвистического анализа: японские лингвисты исследовали только словарь речевых актов разного типа [142], а иногда подвергали анализу и характерный тип его фонации [78]. Естественно, что в этом случае невозможно получить полное представление, а также выявить систему знаний языка получателя в целом, так как за пределами этого исследования внутри зафиксированных материалов остались скрытыми, «за занавесом», два существенных момента: 1) оценка, которую дали бы своим и чужим речевым актам аудитория и авторы произведения,¹³ и 2) понятие о структуре речевого акта, о его композиции и строении, которые неотъемлемы от запросов получателя, предъявляемых к языку.

Это значит, что научить личному стилю, сформировать творческую индивидуальность в языке теория языкового существования не может, а может быть, и не ставит себе такой задачи. Теория языкового существования не воспитывает индивидуальный стиль. Наоборот, она скорее проповедует стиль коллективный, целиком подчиненный удобству и адекватности понимания содержания речи.

Для теории языкового существования характерно и то, что ее сторонники, как правило, не рассматривают композиционную,

¹³ Под этим углом зрения интересно провести сравнение с работой В. Г. Костомарова и А. А. Леонтьева [33, с 13] и с исследованием «Русский язык по данным массового обследования» [58, с 30]

формальную и смысловую структуру актов речи. В теории языкового существования отсутствует аппарат понятий стилистики, который описывает как композиционные типы речи, так и стилистические ее средства, т.е. метафоры, синекдохи, анаколүф и т.п. Таким образом, решая задачи стилистики, теория языкового существования своеобразно моделирует стиль в основном как стиль взаимопонятной деловой беседы или как стиль образцового точного документа. Психология стилеобразования по сути дела не включается в поле зрения японских исследователей. Психология речи понимается лишь как формирование речевой цепочки из лингвистических единиц. Все внимание теоретиков языкового существования в области психологии речи направлено на создание условий развития речевых навыков, их активизацию, на достижение «свободы» речевого общения, а не на моменты индивидуально-творческие.

Стремясь к активизации и «свободе» речевого общения, теоретики языкового существования упускают из виду еще и следующее. Строение речевого акта задается не только тем, чего ожидает получатель речи, а также не только тем обстоятельством, что говорящий ориентируется на знание подсистем языка, которые известны получателю. Получатель, кроме того, ждет речи, исполненной по определенному структурному правилу, что можно наблюдать на примере таких видов текстов, как документы. Если формуляр документа исполнен неверно или у него не хватает каких-либо реквизитов, например даты, титулатуры адресата или подписи, установленной формуляром, то документ может не приниматься получателем. Построение формуляров документов всегда регулируется определенными правилами, в которые могут входить даже и специальные орфографические правила для документов. Такие правила содержат также разделение документов по типам (финансовые, кадровые, плановые, организационно-распорядительные и т.п.) и жанрам (положение, устав, инструкция, протокол, решение, отчет, сводка, справка, докладная записка и т.п.). Лишь некоторые виды литературной речи бывают лишены строгого регламента составления этой речи, соответствующих образцов ее. К таким видам речи относится все то, в частности, что падает на долю

так называемой художественной прозы. Однако оказывается, что и эта разновидность литературной речи также подчинена определенным правилам составления, что касается и того случая, когда она оказывается не опирающейся непосредственно на правила риторики.

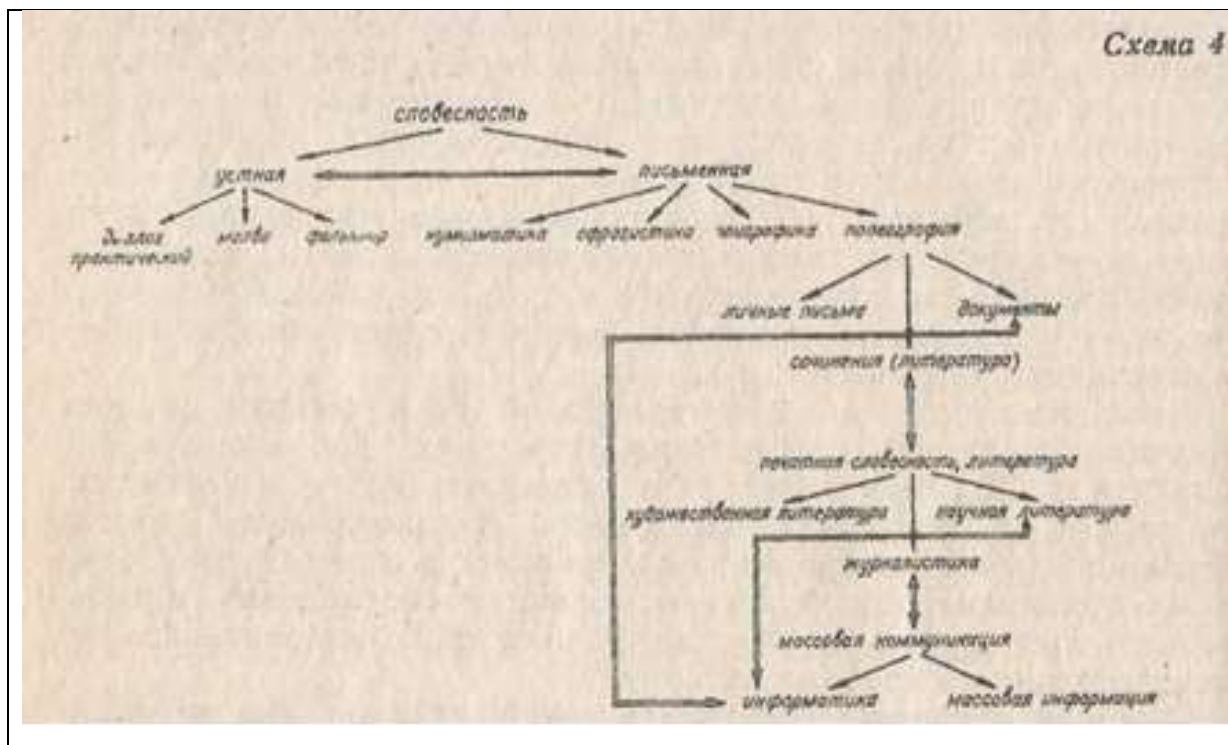
О том, как следует составлять такой, казалось бы, неупорядоченный текст, как художественная литература, существует немало правил. Они содержатся, во-первых, в суждениях филологов, характеризующих определенный литературный «стиль эпохи». Во-вторых, почти всегда существуют тексты самих авторов, в которых они объясняют пути и принципы создания своих произведений. К ним, в частности, относятся всякие «манифесты» литературных школ. И наконец, широко распространен особый вид текста, так называемая литературная критика, которая, с одной стороны, помогает читателю усвоить структуру художественных текстов, а с другой стороны, следит за осуществлением создания литературных текстов авторами и отмечает их ошибки против принятых правил.

Употребления слов в целях создания определенного стиля могут регулироваться даже законодательно, например, через законы о печати. Даже такой, казалось бы, свободный тип речи, как художественная проза, обязательно структурирован, и в этом тексте структура поддерживается усилиями обеих сторон, т.е. и автора, и читателя. Причем автор художественного текста должен соблюдать определенный канон построения, которого и ждет от автора читатель.

Виды и разновидности словесности и классификация актов речи в теории языкового существования

Систематизация речевых актов связана и с представлением о характере материального способа производства текста. В книге «Введение в общую филологию» (56, с. 10] Ю. В. Рождественский дал в виде схемы систематику родов, видов и разновидностей словесности (схема 4).

Схема 4

Ю.В. Рождественский устанавливает, что существует всего четыре различных материальных способа производства текста: бесписьменная устная речь, рукописная речь, книгопечатная речь и речь массовой информации. Их различие строится на том, что техника производства речи совершенствуется. Каждое новое техническое открытие дает новую область разновидностей речевых действий и оказывает влияние, перестраивает, а иногда и вызывает к жизни новые виды речевых действий в имевшихся ранее областях. Так возникает различие по характеру материала речи, с одной стороны, по типам речевых произведений, характерным для данного материала речи, — с другой, и, наконец, по способам регулирования языковых систем и речевых актов — с третьей.

В период бесписьменной устной речи важнейшими видами речевых произведений являются: а) устные диалоги и монологи всех видов; б) молва; в) фольклор. Различия между этими тремя видами текстов сводятся к правилам обращения получателя с текстом. Устные диалоги и монологи составляют предмет общего знания создателя и его

аудитории независимо от того, из каких и скольких членов состоит данная аудитория.

Поскольку устная речь не располагает средствами фиксации, удержать и сохранить для людей за пределами непосредственно слушающей аудитории эту речь можно только путем пересказа. Отсюда внутри диалога и монолога отделяется область, регулярно пересказываемая. Сама репродуцированная область в зависимости от характера репродукции делится на две подобласти. Для одной подобласти действуют правила не повторять слушающему одного и того же содержания дважды. Это правило рождает молву — репродуцируемый текст, который не выслушивается два раза. Если же правило о невозможности повторного выслушивания снимается, что составляет вторую подобласть, то образуется фольклор, репродукция которого многократна и не зависит от того, известно ли данное фольклорное произведение слушателю или еще неизвестно. Сюда относится многократное повторение пословиц или поговорок, хорошо известных и говорящему, и слушающему.

Из характера репродукции текста видно, какие тексты могут образовывать культуру, а какие нет. Если считать, что культура есть то, что человечество сохраняет постоянно, то в пределах устной речи культурным текстом является только фольклор, так как молва по правилам своей репродукции должна умереть, достигнув границ коллектива, говорящего на данном языке. Коль скоро фольклор представляет собою культурную разновидность устно-речевых текстов, его тексты оказываются сложно дифференцированными и хорошо разработанными в жанровом отношении в сравнении с диалогической речью или молвой, которые не разрабатываются в жанровом или художественном, стилистическом отношении, будучи «эфемерными» видами текста.

Появление письма дает новый вид текстов, построенных на рукописной традиции, которые характерны для эпохи письменного донационального языка. Таким образом язык становится литературным,

т.е. языком, где речевые акты выполняются в письменном виде, и письменный вид текста является главным. Поскольку материалы речи в этом случае создаются отдельно от речевой способности человека, они не связаны с человеком непосредственно. Речевые акты могут быть исполнены, а затем храниться, составляя уже не биологическую память человека, а механическую память общества.

Классификация рукописных текстов давно разработана в филологии и представляет собой сложившуюся и стройную систему. Так, филология различает рукописные тексты, выполненные на писчих материалах, — палеография и рукописные тексты, зафиксированные на неписчих материалах, — эпиграфика.

Следует указать, что практическая область эпиграфики в наше время необычайно велика. Наименования предметов, производимых промышленностью, и многих предметов ремесленного производства, все средства ориентации на местности: названия улиц, номера домов, вывески — представляют собою тексты современной эпиграфики, которые только начинают исследоваться. С этими текстами непосредственно связан язык рекламы, о котором много пишут японские филологи. Однако при этом они упускают из вида то, что при филологической классификации данная область должна изучаться как область эпиграфическая.

Поскольку в отличие от устной речи рукописный текст не достигает сам получателя, общество организует специальные институты, обслуживающие циркуляцию текстов и регулирующие их прочтение. К этим институтам относятся почта, канцелярия и нотариат, а также текстохранилище (библиотека, архив, музей).

В сфере теории языкового существования анализируется циркуляция текстов письменной речи, но обычно это рассмотрение производится так, как будто письменный текст похож по своей циркуляции на устный, т.е. к нему подходят как к форме интерперсональной коммуникации.

Вместе с тем особые свойства материала рукописной речи предполагают совсем другой тип циркуляции текстов.

Появление книгопечатания в значительной мере способствует формированию национальных языков, поскольку на базе рукописных сочинений оно дает возможность для развертывания таких жанров, как художественная и научная литература, а также публицистика. Собственно научные сочинения как особый вид текста отмечаются тогда, когда рассуждения о предмете, природе и человеке соединяются с журнальной публикацией этих текстов, интерпретирующих и кодифицирующих в жанрах аннотаций и библиографий содержание научного литературного процесса. Это же можно сказать и о художественной литературе, которая также представляет собою жанр печатных сочинений, организуемый журналистикой.

Эти положения, разработанные советской филологией [56, с. 55—73, 129—139], подчеркивают, что смысл национально-языковых произведений речи, представленных в виде печатных текстов, заключается не просто в их прочтении. Сюда включается сложная система предварительной подготовки читателя, начиная со школьного изучения языка и литературы и кончая восприятием журналистской интерпретации содержания научных и художественных произведений. Иными словами, прочтение письменного текста не сводится только к навыкам различения письменных знаков, но в психологическом отношении представляет собой сложный комплекс навыков и знаний, обуславливающих способность воспринять текст на всем фоне известной читателю текстовой культуры.

Классификация текстов в теории языкового существования отчасти перекликается с классификацией произведений словесности Ю. В. Рождественского, так как здесь также дается систематизация текстов.

Классификация Ю. В. Рождественского восходит к традиции русской частной риторики и русской теории словесности. Классификация актов речи в теории языкового существования построена в иной традиции. Кроме различения устной и письменной речи, никаких других совпадений с классификацией общей филологии в японской теории нет. Это связано с тем, что общей филологии свойствен исторический взгляд на классификацию текстов, которые и рассматриваются как происходящие один из другого и образующие систему отношений по происхождению. Японская же классификация, напротив, представляет собой чисто функциональную систему, описывая не происхождение текстов, а синхронный срез современных функционирующих текстов.

Это обстоятельство лишает японскую классификацию культурного фона. Отсюда японские классификации текстов в русле теории языкового существования как бы не связаны с содержанием самих текстов. Смысл этих классификаций в том, что, рассматривая процессы текстообмена и циркуляции текстов, японские филологи предположили, что эти тексты независимы от их материала и характера общественной циркуляции и могут иметь любое содержание. Общая филология же утверждает обратный тезис, состоящий в том, что природа материалов текста и характер их циркуляции в обществе определяют то содержание, которое вложено в разные тексты. Думается, что по назначению теории языкового существования, по ее направленности в целом рассмотрение связи материала текста и его содержания не расходится с общими принципами теории языкового существования.

В силу вышесказанного представляется, что для теории языкового существования было бы полезно учесть и достижения филологии, исследующей структуру и семантику текстов. Применение материалов подобных филологических исследований помогло бы избавиться от субъективности оценок в выделении типов речи и способствовало бы более строгой научной классификации речевых произведений и правил речевых действий для современного японского общества, обеспечивая одновременно и преемственность достижений речевой культуры прошлого.

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ ТЕОРИИ ЯЗЫКОВОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ

Словарь терминов¹⁴ теории языкового существования представляет собой выборку основных терминов, используемых в японской лингвистической литературе при описании теоретических проблем и в практике исследования языкового существования. Общая система этих терминов и толкование, которое дается им японскими лингвистами, помогают создать представление о содержании теории языкового существования и ее подходе к исследованию языка.

Термины сгруппированы по следующим пяти рубрикам:

I. Термины теоретических проблем языкового существования,

1. Термины общей теории,
2. Термины социальных факторов,
3. Термины ситуации языковых действий;

II. Термины, связанные с анализом лексики и ее нормированием;

III. Термины коммуникации;

IV. Устные языковые действия,

1. Термины общего значения,

¹⁴ Термины приводятся в транскрипции (основанной на русском алфавите) и организованы в порядке русского алфавита в рамках каждой рубрики; в конце списка терминов под соответствующими порядковыми номерами даются их иероглифические написания.

2. Слушание,
3. Говорение;

V. Письменные языковые действия,

1. Термины общего значения,
2. Чтение,
3. Письмо.

Словарь содержит 243 термина. К каждому термину даются перевод, а также краткое толкование термина по данным японской литературы и указание источника, где помещено это толкование.

1. Термины теоретических проблем языкового существования

1. Термины общей теории

1. 言語技術 *гэнго-гидзюцу* 'искусство языка', 'языковое навыки'. Этим термином обозначается умение эффективно пользоваться языком для достижения поставленных целей. Способность человека использовать язык как средство коммуникации в теории языкового существования называют «языковой способностью» (*гэнго-но:рёку*, см.). Имеется в виду 1) способность восприятия и понимания (т.е. способность слушания и чтения) и 2) способность выражения, посылки речи (т.е. способность говорить и писать). Искусство языка — это умелое применение этих способностей соответственно поставленной цели в определенной ситуации. Искусство в данном случае означает не просто «техника», а совокупное умение, включающее эрудицию, позицию и личность субъекта этого умения [93, с. 213, 214].

2. 言語事実 *гэнго-дзидзицу* 'языковой факт'. Язык, которым пользуются отдельные индивиды в каждый данный момент [71, с. 63].

3. 言語要素 *гэнго-ё:со* 'составные части (элементы) языка'. К ним относят как традиционные разделы языка: фонетику, лексику, грамматику, письмо, так и элементы плана языкового существования: материал речи, ситуацию, говорящего, слушающего [71, с. 61].

4. 言語意識 *гэнго-исики* 'осознание языка'. Отношение субъекта языковых действий к фонетической, грамматической и др. подсистемам языка при анализе системы языка [71, с. 61].

5. 言語形式 *гэнго-кэйсики* 'языковые формы'. Тексты и конструкции, получаемые в результате действий говорения и письма и исследуемые при изучении языкового существования [71, с. 61].

6. 言語過程説 *гэнго-катэй-сэцу* 'теория языка как процесса'. Теория японского лингвиста Токиэда Мотоки, лежащая в основе его концепции языкового существования. Отправным моментом ее служит гипотеза, в которой язык рассматривается как цепь осуществляемых человеком действий выражения и понимания. Эти действия в зависимости от того, служат ли материалом-посредником выражения и понимания звуки голоса или письменные знаки, приобретают следующие четыре формы: говорение — слушание, письмо — чтение. Данная теория не предполагает чего-то, подобного сосюрровскому языку (*langue*), что существовало бы отдельно от этих действий и только использовалось бы в этих действиях. Таким образом, по мнению Токиэда Мотоки, отдельно от действий «говорения — слушания» и «письма — чтения» нет и языка. Иными словами, язык — это процесс действий, во время которых тот, кто осуществляет выражение, переводит свои мысли и чувства в материал-посредник, т.е. в звуки голоса или письменные знаки [73, с. 86; 100, с. 20—25]. При этом действие выражения обязательно предполагает действие понимания, а действие понимания непременно имеет предпосылкой действие выражения.

7. 言語活動 *гэнго-кацудо*: 'языковая деятельность'. Общая совокупность языковых действий человека (*гэнго-ко:до*: см.) [71, с. 60].

8. 言語活動を通して言語を学ぶ *гэнго-кацудо:-о то:ситэ гэнго-о манabu* 'изучение языка через языковую деятельность'. Новое в Японии направление в обучении родному языку, получившее развитие с начала 40-х годов. В нем большое внимание уделено устной речи, значение имеет опыт, полученный от языковой деятельности, ценится комплексность ее, т.е. говорение, слушание, чтение и письмо, взятые в комплексе, и практическая направленность, т.е. полезность в повседневной жизнедеятельности человека [73, с. 162].

9. 言語行動 *гэнго-ко.до*: 'языковое действие' ('языковой акт'). Основополагающее понятие теории языкового существования. В соответствии с разными определениями языкового существования, принятыми японскими лингвистами, есть несколько разных определений и языкового действия. Наиболее распространенное определение Токиэда Мотоки приводится Японской лингвистической энциклопедией: «языковое действие есть социально привычное действие человека, состоящее в выражении с помощью языковых знаков мыслей и чувств и в понимании этого выражения» [104, с. 323].

Несколько иное определение дает Хага Ясуси: «Мы сами постоянно посылаем слова — говорим, пишем и воспринимаем чьи-то слова — слушаем, читаем. Эти действия обобщенно можно назвать языковыми действиями. Языковые действия вплетены в нашу жизнедеятельность (существование) и движут ею» [73, с. 3].

Камико Канъити определяет языковые действия как «действия человека, заключающиеся в понимании и посылке мыслей и чувств посредством языковых знаков». Внешне они проявляются в четырех действиях — слушания, говорения, чтения и письма. Внутренняя сторона — работа мышления с помощью слов — обычно в это понятие

не включается. Это понятие имеет теснейшую связь с языковым существованием и языковой деятельностью. В различении этих понятий не все придерживаются единой точки зрения [93, с. 214].

10. 言語能力 *гэнго-но:рёку* 'языковая способность'. Способность человека в качестве члена общества свободно пользоваться языком как средством коммуникации [73, с. 9].

11. 言語生活 *гэнго-сэйкацу* 'языковое существование'. Оригинальное направление, получившее развитие в японской лингвистике начиная с 40-х годов. Особенность его состоит в том, что в пределах единой теории связываются представления о системе языка и об употреблении этой системы в речи. Суть этой теории и образный смысл, включенный в термин «языковое существование», состоят в том, что языковое существование есть прежде всего жизнь человека в одном из ее социальных проявлений — в языке.

Наиболее известным из многих определений языкового существования является определение Токиэда Мотоки, которое приводится Японской лингвистической энциклопедией: «Когда язык рассматривают как целенаправленное действие, целенаправленную деятельность человека, язык признается одной из форм человеческого существования; в этом случае и говорят о «языковом существовании». О «языковом существовании» можно говорить в том случае, когда язык специально берут в соединении с существованием человека» [104, с. 329].

Согласно взглядам другого японского теоретика, Нисио Минору, «сумма языковых действий — речь и составляет «языковое существование», а основная задача теории языкового существования состоит в том, чтобы представить «истинное состояние речи как можно более конкретно и реально» [71, с. 46].

Несколько иначе понимает языковое существование Хага Ясуси: «Если назвать человеческую жизнедеятельность (существование) , сопровождаемую (выделено мной. — С.Н.) языковыми действиями, языковым существованием, то большая часть человеческого существования окажется языковым существованием» [73, с. 5]. Поэтому Хага делит языковое существование в зависимости от того, какая практическая деятельность является фоном для данной языковой деятельности. Например, «разговор дома за чаем» имеет своей оборотной стороной, фоном «семейное существование». По этому же принципу у Хага выделяются: *кэйдзайтэки гэнго-сэйкацу* `языковое существование в хозяйственной деятельности', *сэйдзитэки гэнго-сэйкацу* `языковое существование в политике', *сю:кё:тэки гэнго-сэйкацу* `языковое существование в культуре' (религии) и т.д. [73, с. 6].

К точке зрения Хага Ясуси близка позиция Камико Канъити, который считает, что языковое существование есть одна из форм человеческой жизнедеятельности (существования). Он пишет: «Так называют язык, когда его рассматривают с точки зрения человеческой жизнедеятельности. Если рассматривать язык как деятельность, то можно провести деление на деятельность понимания (слушание, чтение) и деятельность выражения (говорение, письмо). Эти же виды деятельности в зависимости от того, что является посредником — голос или письменные знаки, можно также разделить на языковую деятельность в устной речи — слушание, говорение и языковую деятельность в письменной речи — чтение, письмо. Человеческое языковое существование складывается сумма перечисленных четырех видов деятельности. Сами по себе эти виды деятельности служат, главным образом, средством, способом присутствия и других сторон человеческой жизнедеятельности (разрядка моя. — С.Н.). Особенно велика их роль как посредников при передаче идей и чувств в формировании и поддержании социальных отношений между людьми. Это и есть основание для утверждения, что для того, чтобы улучшить человеческую жизнедеятельность (существование), необходимо улучшить языковое существование» [93, с. 214].

12. 言語生活の分類 *гэнго-сэйкацу-но бунруй* `классификация языкового существования по типам'. В обобщенном виде выделяется три типа языкового существования: 1) практическое языковое существование (*дзицуюэ:тэки гэнго-сэйкацу*), т.е. языковые действия, совершаемые для достижения каких-либо целей жизнедеятельности; 2) языковое существование в личных контактах в обществе (*сяко:тэки гэнго-сэйкацу*); 3) языковое существование для развлечения (*горакутэки гэнго-сэйкацу*). Эти подразделения довольно условны и могут пересекаться. Например, беседа за чаем — это одновременно и «личные контакты в обществе», а если считать, что она доставляет удовольствие, то это также и «языковое существование для развлечения» [73, с. 5—6].

13. 言語生活の前史 *гэнго-сэйкацу-но дзэнси* `предыстория языкового существования'. Этим термином обозначается период лепета ребенка [73, с. 38].

14. 言語生活の近代化 *гэнго-сэйкацу-но киндайка* `приобретение языковым существованием черт современности'. Считают, что применительно к японскому языку это относится к периоду после Мэйдзи (1867 г.) [73, с. 137].

15. 言語生活の歴史 *гэнго-сэйкацу-но рэкиси* `история языкового существования (общества)'. Развитие форм языкового существования в ходе истории развития общества [73, с. 85].

16. 言語生活史 *гэнго-сэйкацу си* `история языкового существования личности'. Развитие нормального языкового существования индивида, вышедшего из младенческого возраста [73, с. 38].

17. ヨソイキの言語生活 *ёсоики-но гэнго-сэйкацу* `языковое существование, направленное «вовне»'. Имеется в виду языковое

существование, сопровождающее личные контакты в обществе, например приветствия и обыденные фразы. Если рассматривать развитие этой формы языкового существования с детского возраста индивида, то в начальный период большое влияние на ребенка в этом плане оказывает воспитание в семье. Однако в дальнейшем основное воздействие осуществляет школа — «ситуация языкового обучения» и «ситуация языкового существования с друзьями по играм» [73, с. 39].

18. 共通語 *кё:цу:го* 'общий язык'. Современная форма существования японского национального литературного языка, понятная жителям всей страны. Обычно противопоставляется локальным диалектам. В японской лингвистике нет единого определения общего языка. Как отмечается в Японской лингвистической энциклопедии, для общего языка характерна меньшая степень нормированности, чем для литературного языка. Допускается некоторое нарушение нормы — лишь бы построенное высказывание практически было всем понятно [104, с. 255].

Хага Ясуси пишет: «С модернизацией устройства государства стало невозможным продолжать жизнь в пределах замкнутых диалектных групп. Потребовалась шаблонизация языковых действий в официальных ситуациях (формы приветствий, например, были шаблонизированы уже в прежние времена). Все это и вызвало появление «общего языка» как средства общения в пределах всей страны» [73, с. 14].

Не существует в японской филологии единого мнения и по поводу различия «общего языка» и «образцового (литературного) языка». Камико Канъити относительно термина «общий язык» пишет: «В значении „внутригосударственный общий язык“ этот термин употребляется в сопоставлении с «образцовым языком». В современной Японии основой общего языка считают язык Токио. Но нельзя думать, что общий язык это и есть язык Токио. То, что сейчас повсеместно называют образцовым языком, и есть общий язык,

который мы здесь имеем в виду. Образцовый язык, которому обучают в школе, также фактически является этим общим языком» [93, с. 213].

С точки зрения советской японистики, общий язык можно определить как язык массовой информации, язык макропосредник современной Японии. Стадия общего языка— это этап количественного завершения формирования национального литературного языка Японии «в смысле приобретения им полноценности не только в своем качестве системы, но и в своем значении как всеобщего орудия общественно-языковой практики» (по Н. И. Конраду).

19. 共通語行動 *кё:цу:го-ко:до:* `языковые действия с использованием общего языка' [72, с. 223].

20. 共通語を話す度合 *кё:цу:го-о ханасу доай* `степень использования общего языка'. Выясняется по отношению к использованию диалекта в речи данного индивида или коллектива [72, с. 3].

21. 共通語を話す度合を決定す要因 *кё:цу:го-о ханасу доай-о кэттэй-суру ё:ин* `факторы, определяющие степень использования общего языка'. Таких факторов в исследовании языкового существования устанавливается шесть:

- 1) факторы естественного порядка (возраст, пол);
- 2) факторы биографического порядка (образование, профессия);
- 3) факторы социального и локального порядка (принадлежность к группе населения, местожительство в настоящее время);
- 4) факторы воспитания и окружения (место рождения отца и матери; место, где протекало детство в период формирования языка; местожительство в последующие периоды);
- 5) условия коммуникации (контакты вне дома, степень использования печати и радио);

б) общественное положение, отношение к общему языку и его осознание [72, с. 113].

22. 子どもの言語生活 *кодомо-но гэнго-сэйкацу* 'языковое существование ребенка' [73, с. 39].

23. 子どもだけの言語生活の場 *кодмодакэ-но гэнго-сэйкацу-но ба* 'сугубо детские ситуации языкового существования'. Например, в играх с друзьями или в школе. Детские ситуации языкового существования четко отличаются от языкового существования взрослого [73, с. 39].

24. 国語生活 *кокуго-сэйкацу* 'использование родного языка в жизнедеятельности человека'. Мыслится в теории языкового существования в тесной связи с уровнем общественного развития и событиями истории народа. В частности, указывается, что для Японии заимствование из Китая иероглифов явилось не только новой страницей в истории письма, но означало серьезное изменение в применении родного языка в обществе и самым непосредственным образом отразилось на общественной жизни, политике, истории культуры Японии [73, с. 90].

25. おとなの言語生活 *отона-но гэнго-сэйкацу* 'языковое существование взрослого человека' [73, с. 39].

26. 標準語 *хё:дзюнго* 'образцовый язык' («стандартный язык»), т.е. литературный язык. Литературная форма национального японского языка, сформировавшаяся на основе языка Токио, в прошлом Эдо, в послемэйдзийский период (после 1867 г.). Согласно определению Японской лингвистической энциклопедии, это «идеальный язык, который может быть получен путем обработки и регулирования по определенной норме общего языка; он не возникает естественным путем, а „устанавливается“ посредством приложения творческих

усилий человека к общему языку. В этом смысле „образцовый язык“ в современной Японии еще не установлен» [104, с. 776].

Нет в Японии и единой точки зрения о соотношении понятия «образцовый язык» с понятием «общий язык». Есть мнение о том, что это «просто два названия для одного и того же явления». Противоположная точка зрения утверждает, что общий и образцовый языки «должны иметь четко разграниченное содержание: общий язык существует реально, а образцовый еще не существует — это идеальное представление о том, каким должен быть японский язык». Утверждают также, что оба языка существуют, но в «образцовом языке основная проблема — его правильность, а в общем языке допускаются и неправильности». Общий язык считают «только полезной для научных исследований гипотезой», а «образцовый язык — языком, утверждаемым, разрешаемым, поощряемым и насильственно насаждаемым государственной властью» [100, с. 47].

27. 方言 *хо:гэн* 'территориальный диалект'. Согласно определению Японской лингвистической энциклопедии, это «территориальный, местный язык, который понимается как взятый в целом язык отдельной языковой общности в том случае, когда государственный язык под влиянием территориальных различий, развиваясь и изменяясь по-разному, делится на ряд территориальных языковых образований по признакам расхождения в произношении, лексике и грамматике». Чаще всего к названиям таких образований добавляют название местности, где в основном локализуется их употребление. Так, в Японии выделяются в основном диалекты восточной части Японии, диалекты западной части и южные диалекты Кюсю. В обыденной речи такие образования нередко именуют еще наречием (бэн). Например, говорят о восточном кантоском наречии (канто:-бэн), о западном кансайском наречии (кансай-бэн) и южном диалекте Кюсю (кю:сю:-бэн) [104, с. 851].

В иных случаях, считая диалектами указанные выше языковые образования, специально оговаривают: «за исключением общего

языка». Иногда диалекты рассматривают как то, что, скорее, может быть названо диалектизмами, т.е. специфические отдельные факты языка (слова и выражения), которые значительно расходятся с общим языком и употребляются только в одной местности [93, с. 218].

С позиций теории языкового существования люди, пользующиеся тем или иным диалектом, нередко характеризуются особыми чертами речи, представляя собою людей «говорливых» или, наоборот, «молчаливых», людей «педантичных», стремящихся во всех случаях найти обоснование, людей, «умеющих польстить», «любящих шутку и каламбуры», «не понимающих шуток», и т.п. [73, с. 14].

2. Термины социальных факторов

28. 武士の言語生活 *буси-но гэнго-сэйкацу* 'языковое существование военного сословия'. Выделяется наряду с языковым существованием горожан и т.п. при рассмотрении в диахроническом плане. В частности, для периода Эдо (1603—1867) характерно стирание граней между языковым существованием горожан и военных, которые, поселяясь в городах, стремились подражать в образе жизни горожанам [73, с. 133].

29. 言語共同体 *гэнго-кё:до:тай* 'языковая общность'. Совокупность людей, постоянно использующих в общении одну и ту же форму языка (литературный язык, территориальный или социально-групповой диалект) [73, с. 177].

30. 言語生活の M と W *гэнго-сэйкацу-но M то W* 'мужчины и женщины в языковом существовании'. Различия между представителями обоих полов в плане языкового существования. Например, в связи с тем, что мужчины больше находятся в официальной ситуации, у женщин же больше частных ситуаций [73, с. 31].

31. 言語集團 *гэнго-сю:дан* 'языковой коллектив'. Устанавливается по возрасту, полу, профессии и характеризуется одинаковыми «языковыми навыками» (*гэнго-сю:кан*, см.) независимо от отдельных отличий в языковых фактах» (*гэнго-дзидзицу*, см.) [71, с. 63].

32. 言語習慣 *гэнго-сю:кан* 'языковые навыки'. Языковые подсистемы и общая их структура, постепенно формирующиеся у каждого индивида в результате длительного опыта, накапливающегося с детского возраста [71, с. 63; 73, с. 8].

33. 位相 *исо:* 'социальный фактор'. Показатель различия по принадлежности к профессии, классу, полу, району местожительства и т.п., на основании которого выделяется языковой коллектив [71, с. 63].

34. 階層に応じた言語生活 *кайсо:-ни о:дзита гэнго-сэйкацу* 'языковое существование по социальным прослойкам'. Устанавливается при рассмотрении в диахроническом плане, в частности для периода Эдо и т.д. [73, с. 133].

35. 階層差 *кайсоха* 'различия (в языковом существовании) по принадлежности к социальной прослойке' [73, с. 36].

36. 貴族の言語生活 *кидзоку-но гэнго-сэйкацу* 'языковое существование аристократии'. Выделяется наряду с языковым существованием военного сословия и т.п. при рассмотрении в диахроническом плане, в частности для периода Хэйан (794—1192) [73, с. 104].

37. 個人差 *кодзинса* 'индивидуальные различия (в языковом существовании)'. Например, у представителей различных возрастных групп, между мужчиной и женщиной и т.п. [73, с. 30].

38.職業差 *сёкугё:са* `различия (в языковом существовании) по роду занятий' [73, с. 36].

39.庶民の言語生活 *сёмин-но гэнго-сэйкацу* `языковое существование простого народа'. Выделяется наряду с языковым существованием военного сословия и т.п. при рассмотрении в диахроническом плане, в частности в период Хэйан [73, с. 100].

40.社会差 *сякайса* `социальные различия' (в языковом существовании). Например, по профессии, социальной прослойке и т.п. [73, с. 30].

41.町人の言語生活 *тё:нин-но гэнго-сэйкацу* `языковое существование горожан'. Выделяется при рассмотрении в диахронном плане, в частности в период Эдо [73, с. 133].

3. Термины ситуации языковых действий

42.相手 *айтэ* `партнер (в языковых действиях), собеседник, корреспондент' [73, с. 167].

43.場所がら *басёгара* `ситуация (языковых действий)'. Ситуация языковой деятельности — неперемный компонент общественной жизнедеятельности. Окружение и ситуация осуществления языкового действия могут быть самыми различными. Это существенно меняет и языковые действия. Например, языковые действия, осуществляемые в условиях *харэ* (см.), т.е. официальности, или в условиях *кэ* (см.), т.е. повседневности [73, с. 6—8].

44.場所がらと言語行動との関係 *басёгара то гэнго-ко.до: то-но канкэй* `взаимоотношение языковых действий и ситуации их осуществления'. Например, языковые действия в «официальной» и в «повседневной» обстановке [73, с. 8].

45.言語以外の行動 *гэнго игай-но ко:до:* `внеязыковые действия'. Этим термином объединяются неречевые способы коммуникации, например, голосование поднятием руки и т.п. [73, с. 7].

46.言語生活の場面調査 *гэнго-сэйкацу-но бамэн-тёха* `исследование ситуации языкового существования'. Учет ситуации осуществления языкового действия, например, во время движения по улице или сидя в помещении и т.п., осуществленный во время двадцатичетырехчасового обследования языкового существования в г. Уэно в 1952 г. [73, с. 33].

47.言語生活の二十四時間調査 *гэнго-сэйкацу-но нидзю:ён-дзикан тёха* `обследование двадцатичетырехчасового языкового существования'. Проводились в Японии в 1949—1952 гг. в городах Сиракава, Цуруока, Иида и Уэно. Они позволили выявить время, которое уходит у «среднего» человека на языковые действия, среднее количество слов, употребленных обследуемыми, наиболее часто употребляемые слова, длину речевых отрезков и факторы, влияющие на употребление общего языка [73, с. 4].

48.教育の場 *кё:ику-но ба* `ситуация обучения (в школе)'. Считается одной из важнейших ситуаций в языковом существовании детей наряду с ситуацией пребывания в семье и ситуацией игр со сверстниками [73, с. 39].

49.個人の一日の言語生活 *кодзин-но итинити-но гэнго-сэйкацу* `языковое существование личности в течение дня'. Картина языковых

действии индивида, выявленная в ходе обследований двадцатичетырехчасового языкового существования [148, с. 1]

50. 国民の生活行為 *кокумин-но сэйкацу-ко:и* 'жизненные действия народа'. Необходимые для жизни действия (такие, как еда, сон, труд), в том числе и связанные с языком (чтение и т.п.), выявленные и учитывавшиеся при обследованиях двадцатичетырехчасового языкового существования [101, с. 2].

51. 褻 *кэ* '«низкий стиль»'. Неофициальная ситуация осуществления языковых действий, влияющая на выбор языковых средств, форму выражения, фонацию и т.д. Это понятие соотносится с понятиями *фудан* 'повседневность' и *ватакуси* 'приватность' [73, с. 8].

52. オオヤゲのことば *ооякэ-но котоба* 'речь в официальной ситуации'. Считается, что удельный вес речи в официальной ситуации особенно возрос в языковом существовании японцев после Мэйдзи (1867 г.) [73, с. 12].

53. 生活場面 *сэйкацу-бамэн* 'жизненная ситуация'. Ситуация жизнедеятельности человека, оказывающая влияние на осуществление языковых действий. Например, период послушания у последователей буддийского учения Дзэн, когда абсолютно запрещены любые языковые действия, или устные языковые действия на письменном экзамене. В иных ситуациях языковые действия если и не запрещены, то не нужны, невозможны или служат помехой, как, например, для спортсмена во время бега или заплыва [73, с. 3].

54. 社交の場 *сяко:-но ба* 'ситуация социального общения'. Как неотъемлемая часть социального бытия человека [73, с. 4].

55.晴 *харэ* `«высокий стиль»'. Официальная ситуация осуществления языковых действий как противоположность *кэ* (см.), т.е. низкому стилю или неофициальной ситуации. С понятием «высокий стиль» соотносятся понятия *ёсоики* `языковые действия, обращенные вовне', и *ооякэ* `официальность' [73, с. 8].

II. Термины, связанные с анализом лексики и ее нормированием

56.文語 *бунго* `старописьменный (феодалный литературный) язык'. Литературный японский язык, получивший развитие в феодальный период и восходящий по лексике к «смешанному китайско-японскому языку» (*вакан конко:бун*, см.). Грамматика, представленная в старописьменном языке, восходит к языку периода Хэйан (794—1192). [104, с. 811].

57.文語調 *бунготё*: `стиль речи старописьменного языка'. Стиль, свойственный в основном письменной речи и — реже — устной (публичные выступления, застольные речи), находивший применение на некоторых участках языковой практики вплоть до 1945 г. Характеризуется особой лексикой и грамматическими формами феодального литературного старописьменного языка (*бунго*, см.) [73, с. 74].

58.和文 *вабун* — японская литература на японском языке (по Н.И. Конраду). Японский литературный язык периода Хэйан (794—1192), представленный в жанрах «повествований» (*моногатари*) и «дневников» (*никки*) [104, с. 817]. Его следует рассматривать как японский «чистый национальный язык „ямато“, еще не обремененный китаизмами или воспринявший их только в минимальной, не искажающей его облик дозе» [32, с. 156].

59.和語 *ваго* — исконные японские слова. Выделяются в составе лексики японского языка наряду с лексикой китайского происхождения— *канго* (см.) и лексикой, заимствованной из других, в основном европейских, языков, — *гайрайго* (см.) [100, с. 170].

60.和漢混淆文 *вакан конкобун* `смешанный китайско-японский язык'. Сложившийся в средние века в Японии литературный язык, к которому восходит развившийся в дальнейшем литературный язык феодального периода *бунго* (см.). Этот язык представлен в литературе в жанре *гунки*. букв, «военные описания», которые являются основным повествовательно-описательным жанром эпохи Камакура (1192—1333). Этот язык складывается из двух элементов различного происхождения — китаизмов, представленных не только в лексике, но и в синтаксическом строении фразы, и исконной японской лексики [73, с. 126].

61.外来語 *гайрайго* `гайрайго' — заимствованные иноязычные слова в японском языке (преимущественно из европейских языков) [101, с. 75].

62.言文一致 *гэмбун итти* `единство речи и письма'. Лозунг, под которым проходило формирование национального японского литературного языка в период Мэйдзи (1867—1912). В нем в краткой форме сформулирована важнейшая задача того этапа развития японского языка — преодоление начавшегося еще в XI—XII вв. отрыва письменного языка, развивавшегося под влиянием текстов китайской науки и литературы, от языка разговорного [101, с. 12].

63.現代かなづかい *гэндай канадзукаи* `современная орфография' (на письме азбукой кана). «Орфография, утвержденная Указом Кабинета министров от 16 января 1946 г. и опубликованная в «Известиях» Кабинета (№ 33). Понятие, противоположное «исторической орфографии». Современная орфография базируется на звуках современного языка и является правилом для письменного

обозначения азбукой кана слов разговорного современного японского языка. Эта орфография основана на произношении, но она используется не как фонетическая транскрипция знаков азбуки кана, но именно как норма правописания при записи слов азбукой кана. Следовательно, в ней частично сохраняются остатки исторической орфографии. Сфера применения современной орфографии в современных текстах ограничивается стилем разговорного языка. Она не употребляется для записи классических текстов и текстов старописьменного языка» [93, с. 214].

64.常用漢字 *дзё:ё:-кандзи* 'обычно употребляемые иероглифы' (1962 знака). Список наиболее употребительных иероглифов, установленный Комиссией по обследованию родного языка в 1923 г. [101, с. 49].

65.漢文 *камбун* 'японская литература на китайском языке' (но Н. И. Конраду). Китайские тексты, заимствованные вместе с иероглифами, а также записанные в Японии на китайском языке (начиная с VI в. н. э.), в которых иероглифы читались как заимствованными китайскими (*онными*) чтениями, так и японскими (*кунными*) чтениями [104, с. 817].

66.上方語 *камигатаго* 'язык камигата'. Один из наиболее влиятельных диалектов кансайской языковой системы в составе диалектов Западной Японии, с «участием» которого в известной мере создавался в период Мэйдзи национальный литературный японский язык. Центр диалекта *камигата* — г. Киото [101, с. 85].

67.漢語 '*канго*' — слова китайского типа. Один из трех слоев японской лексики, выделяемый наряду с исконными словами — *ваго* и заимствованиями из других, главным образом европейских, языков. В состав *канго* входят слова, заимствованные вместе с иероглифической письменностью из китайского языка и образованные по типу китайских на базе китайских корней [101, с. 56].

68. 漢語調 *канготё*: 'стиль речи с преобладанием лексики китайского типа'. Стиль, характерный для некоторых видов текстов, включающих значительное количество *канго*. К ним относятся тексты научные, публицистические. Мероприятия языковой политики современной Японии направлены на то, чтобы сократить по возможности число *канго* за счет внедрения в эти тексты исконных японских слов — *ваго* и отчасти иноязычных слов — *гайрайго* [73, с. 74].

69. 漢字制限 *кандзи-сэйгэн* 'ограничение числа иероглифов'. Направление языковой политики в Японии в послевоенное время в связи с реформой письма и введением в 1946 г. «иероглифического минимума», что оказывает влияние и на словоупотребление, и на стиль текстов [73, с. 73].

70. 教育漢字 *кё:ику кандзи* 'школьный иероглифический минимум'. Иероглифы, которыми следует овладеть во время обязательного школьного обучения, для чтения и письма. Список их был установлен Указом Кабинета министров от 16 февраля 1948 г. и опубликован в «Известиях» Кабинета (№ 1) отдельным списком из числа иероглифов рекомендованного «иероглифического минимума» (1850 знаков). Содержит 881 знак. Учебники, предназначенные для обязательного школьного обучения (начальная и средняя школа — 9 лет), строго соблюдают школьный иероглифический минимум: *онные* (заимствованные китайские) и *кунные* (японские) чтения этого минимума и формы написания иероглифов те же, что и для основного иероглифического «минимума» (1850 знаков) [93, с. 213].

71. 基礎日本語 *кисо-нихонго* 'основная лексика японского языка'. Это понятие перекликается с понятием «основной лексики» у Торндайка. Попытки вычленить основное ядро лексики японского языка предпринимались неоднократно, например, Дои Мицукадзу установил 1100 слов. В 1943 г. Сакамото Итиро высказал мнение, что знание 1000 наиболее частотных слов обеспечивает возможность чтения письменных японских текстов на 80%, а знание 3000 слов — на 90%.

72. 口語 *ко:го* `разговорный язык'. Как система противопоставляется феодальному литературному языку (*бунго*, см.), от которого отличается в известной мере лексикой и грамматикой. По существу, представляет собой литературный вариант современного разговорного языка, представленный как в сфере устной, так и письменной речи и ориентирующийся как на норму на «образцовый» литературный язык [104, с. 362—366].

73. 国語国字問題 *кокуго-кокудзи мондай* `проблемы языка и письменности в японском языке' [73, с. 138].

74. 京阪語 *кэйханго* `язык р-на Киото-Осака (Кэйхан)'. Один из престижных диалектов Западной Японии, явившийся преемником диалекта *камигата* (см.) и служащий местным «общим языком», т.е. языком-макропосредником, для значительного региона [73, с. 134].

75. 文字改革 *модзи-кайкаку* `реформа письма'. Общее название мероприятий японских органов языковой политики, осуществленных в послевоенный период. К ним относятся введение «иероглифического минимума» (1946 г.), установление «школьного иероглифического минимума» (1948 г.), установление *онных* и *кунных* чтений иероглифов этого минимума (1948 г.), определение новых форм написания иероглифов (1949 г.), разработка современной орфографии в письме азбукой кана (1946 г.) [73, с. 73].

76. 下町言葉 *ситамати-котоба* `речь (язык) торговой части Токио (предместий)' [101, с. 96].

77. 当用漢字 *то:ё:-кандзи* `иероглифический минимум'. Список иероглифов, рекомендованных к «употреблению на данное время»

(1850 знаков, 1946 г.). «"Иероглифы для употребления на данное время" нужно понимать как иероглифы, употребляемые в языковом общении, необходимом в первую очередь в повседневном существовании». Онные и кунные чтения этих иероглифов определены в опубликованной позже, в 1948 г., «Таблице онных и кунных чтений иероглифов», а форма написания установлена в «Таблице форм написания иероглифов минимума» (1949 г.). Эти меры предприняты с целью облегчения письменности родного языка после войны и ограничивают количество иероглифов, которые употребляются в законах, официальных документах, газетах, журналах и в широкой практике общества. В 1951 г. этот список иероглифов был дополнен «Таблицей иероглифов, употребляемых в именах и фамилиях» (92 знака). Кроме того, 28 июня 1972 г. Комиссией по обсуждению проблем родного языка были предложены поправка к «Таблице онных и кунных чтений иероглифов» и «Новые правила написания азбукой *кана* окончаний слов при записи их иероглифами» [93, с. 216].

78. 標準漢字 *хё:дзюн-кандзи* `список «образцовых иероглифов» ' (2528 знаков, 1942 г.) [101, с. 49]

79. 山の手言葉 *яманотэ-котоба* `речь (язык) «нагорной» — центральной (аристократической) части населения Токио' [101, с. 96].

III. Термины коммуникации

80. 誤解 *гокай* `неправильное понимание'. Возможный результат коммуникации. Его виды: 1) ослышка или неправильное прочтение; 2) неправильное понимание слов и словосочетаний, которые можно понять двояко (омофоны и т. п.); 3) ошибочное понимание, продиктованное ситуацией, когда воспринимается смысл, не содержащийся в слове или словосочетании [73, с. 44—51].

81. 情緒的な反応 *дзе:сётэкина ханно*: 'эмоциональная реакция'. Воздействие индуктора (трансмиссора) на реципиента, осуществленное в результате коммуникации и оказавшее влияние на изменение чувств реципиента [73, с. 42].

82. 舌禍 *дзэцца* 'серьезная оговорка'. В результате ее возникает искажение смысла и неправильное понимание [73, с. 54].

83. 受言 *дзюгэн* 'получение речи (рецепция)'. Языковые действия слушания, чтения [73, с. 42].

84. 受言者 *дзюгэнся* 'реципиент (получатель речи)'. Реципиентом являются слушающий и читающий [73, с. 42].

85. 準マス餐コミ *дзюн масукоми* 'квазимассовая коммуникация'. Или «массовая коммуникация малого масштаба», или же «массовая коммуникация малых форм». Это выступление с трибуны, лекция в зале и т. д. Здесь аудитория массовая, но совсем другой численный масштаб, возможен даже непосредственный обмен и контакт. Технические средства если и применяются, то ограничено [73, с. 71].

86. 伝達 *дэнтацу* 'коммуникация'. Считается достигшей цели, эффективной, если индуктор добился от реципиента следующих действий: 1) возбудил его мыслительную реакцию (сообщил знание); 2) возбудил его эмоциональную реакцию (повлиял на изменение его чувств); 3) возбудил его волевою реакцию (побудил к действию) [73, с. 42].

87. 伝達の効果 *дэнтацу-но ко:ка* 'эффект (положительный результат) коммуникации'. Достигается в том случае, если у реципиента вызваны:

1) мыслительная реакция; 2) эмоциональная реакция; ср. *дэнтацу* 'коммуникация' [73, с. 43].

88. 伝達の機能 *дэнтацутэки кино*: 'коммуникативная функция (языка)'.
Синоним термина *цу:тацутэки кино*: Коммуникативная функция, объединяет сообщение (*цу:тацу*) и понимание (*рикай*) [73, с. 148].

89. 意志的な反応 *иситэкина ханно*: 'волевая реакция' (побуждение к действию). Один из видов реакции (наряду с мыслительной и эмоциональной), которая вызывается индуктором у реципиента в результате коммуникации [73, с. 43].

90. 感化的機能 *канкатэки кино*: 'функция воздействия (языка)'.
Включается восприятие (*кё:дзю*) и воздействие [73, с. 149].

91. 曲解 *кёккай* 'искажение понимания' (искаженное понимание). Если *гокай* (см.) —неправильное понимание — это «неумение правильно понять», то *кёккай* — это «нежелание правильно понять» [73, с. 55].

92. 個人伝達 *кодзин дэнтацу* 'персональная коммуникация' [73, с. 70].

93. コミュニケーション *комюникэ:сён* 'коммуникация'. В японском существуют разные слова со схожими значениями: *цу:син* 'связь', *цу:тацу* 'сообщение', *цу:хо:* 'передача известий', *дэнтацу* 'коммуникация', но чаще всего используется заимствованное слово *комюникэ:сён*. В широком смысле оно обозначает действия, когда определенный индивидуум для определенной цели, используя определенные знаки, передает определенное духовное содержание. В узком смысле — это действия людей, взаимно передающих с помощью языка или других знаков свои мысли и чувства. В этом случае посредником, т. е. средством выражения, может быть не обязательно

язык. Иногда цель достигается с помощью жестов или рисунков, но коммуникация, основанная на языке (устном или письменном), является наиболее эффективной, и если содержание передаваемого отличается сложностью, то нередко нет другого способа, как прибегнуть к помощи языка.

Процесс коммуникации можно представить следующим образом: отправитель (1) определенные мысли и чувства (2) через канал определенной системы (3) передает реципиенту (4) и порождает у этого реципиента приблизительно одинаковые с собой мысли и чувства (5). Когда отправитель и реципиент вступают в контакт лично, причем каждая сторона представлена одним лицом или небольшим числом лиц и в процессе коммуникации они меняются позициями, то такая форма называется персональной коммуникацией. Когда же отправитель представлен одним лицом или несколькими лицами, а реципиент — множеством, исчисляемым десятками тысяч, и коммуникация осуществляется мгновенно с помощью современных технических средств, причем в процессе коммуникации отправитель стабильно остается отправителем, а реципиент реципиентом, то такая коммуникация называется массовой. Промежуточным звеном между персональной и массовой коммуникацией служит массовая коммуникация малых форм, как, например, выступление с трибуны [93, с. 215].

94. *ことばの暴力* *котоба-но бо:рёку* 'словесное насилие'. Имеет место тогда, когда слова обращены к реципиенту в такой ситуации, при которой он не может им противостоять. Например, обструкция на собрании или оглушающая пропаганда на улице, осуществляемая с помощью мощной аппаратуры [73, с. 68].

95. *ことばの魔術* *котоба-но мадзюцу* 'магия слова'. Этим термином теория языкового существования обозначает умение с легкостью, незаметно, путем смещения акцентов «отрывать» выражение от его

содержания, что влечет за собой искажение истинного содержания [73, с 65].

96. ことばの煙幕 *котоба-но-эммаку* `дымовая завеса из слов'. Красивые слова, лишённые смысла [73, с. 59].

97. ことばの行きちがい *котоба-но юкитигаи* `отсутствие взаимопонимания', букв, `разминуться в словах'. Например, из-за непонимания омофонов в устной речи [73, с. 48].

98. キャッチ・フレーズ *кятти фурэ:дзу* `завлекающие фразы' (англ. catch frase). Термин рекламы. Употребляется и как характеристика одной из особенностей языка массовой информации, который должен обладать «выразительностью, привлекательной для масс, производящей впечатление на умы без всякого сопротивления» [73, с. 75].

99. 魔術性表現 *мадзюцусэй хё:гэн* `выражения, обладающие магической силой'. Выражения, в которых использована магия слова (*котоба-но мадзюцу*, см.) [73, с. 67].

100. マス・コミのことば (づかい) *масукоми-но котоба (дзукай)* `речь массовой информации'. Должна обладать минимум тремя особенностями; 1) простым, легким словоупотреблением; 2) лаконичной, четкой структурой предложения; 3) исчерпывающей информативностью [73, с. 73].

101. マス・コミュニケーション *масу-комюникэ:сён* `массовая коммуникация' [73, с. 14]. Ср. *комюникэ:сён* `коммуникация'.

102. マス・メディア *масу мэдиа* 'средства массовой коммуникации' (англ. *mass media*). Газеты, журналы и другая подобного рода печатная продукция, а также радио, телевидение, кино, реклама [73, с. 71].

103. ムードことば *му:до-котоба* 'слова, создающие настроение'. Т.е. «хотя и не имеющие глубокого содержания, но помогающие создать определенное настроение слова». Такой характер имеют «слова контактов в обществе». Например, формулы приветствий, формы обращения во время торжественных речей и т. п. [73, с. 64—65].

104. 面接触的接触 *мэнсэцутэки сэссёку* 'непосредственный контакт'. Ситуация общения, при которой отправитель и получатель речи находятся друг перед другом [73, с. 70].

105. 名づけの魔術 *надзукэ-но мадзюцу* 'магия «названий»'. Некоторое смещение акцента в названии явления или предмета в желаемую сторону [73, с. 66].

106. 失言 *сицугэн* 'оговорка', 'сказанное по небрежности' [73, с. 24].

107. 正解 *сэйкай* 'правильное понимание'. Как результат состоявшейся коммуникации [73, с. 43].

108. 大衆伝達 *тайсю: дэнтацу* 'массовая коммуникация'. Японская калька заимствованного японским языком термина *масу-комюникэ:сён* [73, с. 70].

109. 沈黙による効果 *тиммоку-ни ёру ко:ка* 'эффект (специального) умолчания'. Используется в рекламе, в речах [73, с. 77].

110. 知的な反応 *титэкина ханно*: 'мыслительная реакция'. Сообщение знания индуктором реципиенту в результате коммуникации [73, с. 42].

111. 発言 *хацугэн* 'посылка речи'. Имеются в виду действия «говорения» и «письма» [73, с. 42].

112. 発言者 *хацугэнся* 'индуктор (трансмиссор, или отправитель речи)'. Имеются в виду говорящий и пишущий [73, с. 42].

113. 発言行動の痕跡 *хацугэн-ко:до:-но консэки* 'следы (результаты) действий высказывания'. Различаются в зависимости от того, как осуществлено высказывание — голосом или с помощью письменных знаков [73, с. 17].

114. 筆禍 *хикка* 'серьезная описка'. В результате ее возникает ошибочное понимание [73, с. 54].

115. 非面接的 (接触) *химэнсэцутэки (сэссёку)* 'опосредованный контакт'. Между отправителем и получателем речи — по телефону, письмо [73, с. 70].

116. 放言 *хо:гэн* см. *сицугэн*.

IV. Устные языковые действия

1. Термины общего значения

117. 談話 *данва* `разговорная (устная) речь'. В японской лингвистической литературе этот термин употребляется в двух значениях:

1) в значении «устная любая речь», так как противопоставляется *бунсё*: `письменный любой текст', причем дается следующее определение: «Формы коммуникации, осуществляемые с помощью голоса (беседа, лекция и т. д.), можно объединить под названием *данва* „устная речь"» [73, с. 17];

2) в более узком значении «непринужденная разговорная речь» или, может быть, даже «бытовая речь», так как в Докладе Государственного исследовательского института родного языка № 8 разделяется, с одной стороны, бытовая речь (*нитидзё: данва*), а с другой — новости, комментарии новостей, беседы у круглого стола, эстрадный рассказ, театр. В бытовую речь включаются разговоры об одежде, пище, жилье, разговоры при контактах в обществе, в семье, с соседями, на работе, на улице [78, с. 1—2].

118. 談話生活 *данва-сэйкацу* `разговорное (языковое) существование'. Оно заключается в «говорении» и «слушании» и равнозначно «языковому существованию в устной (звучащей) речи» (*онсэй-гэнго-сэйкацу*). Этот тип языкового существования, как наиболее распространенный, составляет фундамент языкового существования вообще. Его наиболее важные отделы — это выступления с трибуны, речи, лекции и т. п., которые по своей значимости соответствуют языковому существованию в письменной речи. Последнее в некоторой степени приближается к непосредственному устному существованию, например, неделовое письмо, написанное без особой цели, близкое к повседневному разговору [73, с. 20].

119. 談話体 *данватай* `разговорный стиль', соответствующий «языковым действиям в устной (звучащей) речи» (*онсэй-гэнго-ко:до:*, см.) [73, с. 26].

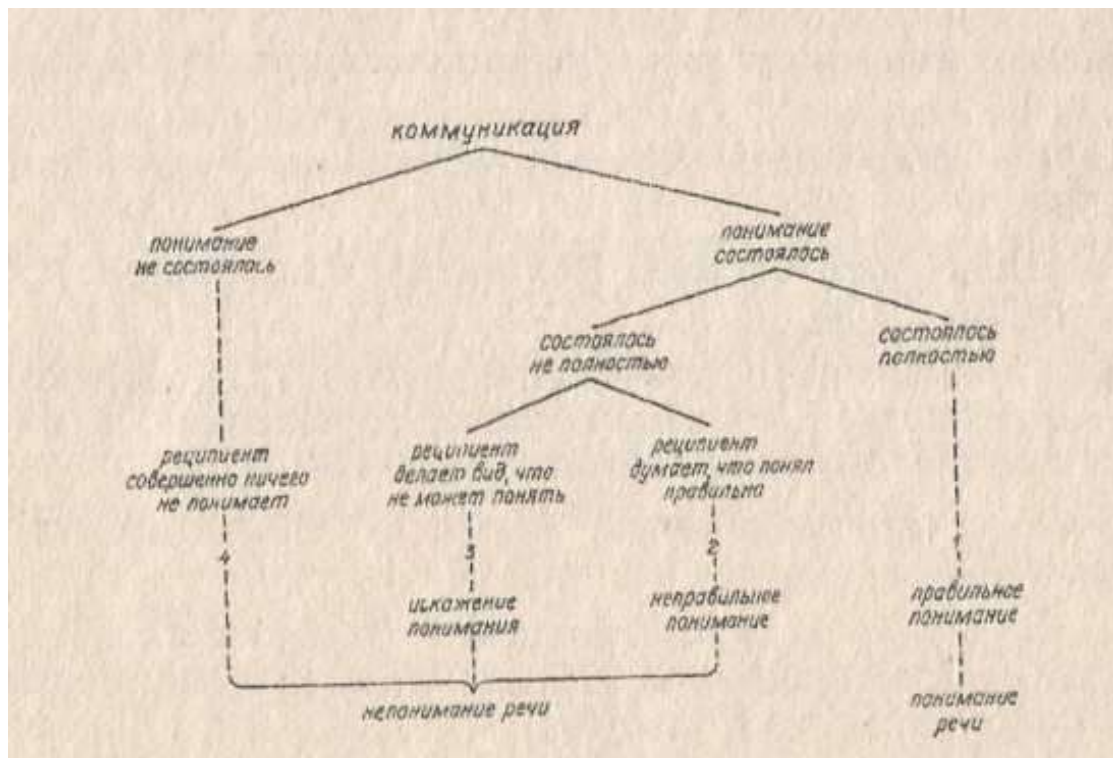
120. 音声言語活動 *онсэй-гэнго-кацудо:* `языковая деятельность в устной речи'. Состоит из слушания и говорения. Ср. языковое существование в устной (звучащей) речи (*онсэй-гэнго-сэйкацу*)

121. 音声言語行動 *онсэй-гэнго-ко:до:* `языковые действия в устной (звучащей) речи'. Состоят из слушания и говорения. Включают лекции, выступления с трибуны, речи, дискуссии, собрания. Ср. языковая деятельность в устной (звучащей) речи (*онсэй-гэнго-кацудо* см.) [73, с. 16].

122. うしろ向き言語生活観 *усиромуки гэнго-сэйкацукан* `отсталый взгляд на языковое существование'. Устанавливается в диахроническом плане. Это точка зрения, обращенная в прошлое языкового существования и допускающая пренебрежительное отношение к устной речи [73, с. 22].

123. 話は通じない *ханаси-ва цу:дзинай* `непонимание речи (высказывания)'. Возникает в том случае, когда посылка речи в коммуникации не достигла цели и понимания не произошло. Типы соотношений между пониманием и непониманием могут быть представлены в виде схемы (схема 5) [73, с. 43—57].

Схема 5

124. 話が通じる *ханаси-га цу:дзиру* 'понимание речи (высказывания)'. Когда посылка речи достигла цели и правильно воспринята, происходит понимание [73, с. 43].

125. 話す聞く生活 *ханасу, кикю сэйкацу* '(языковое) существование — говорение и слушание'. Здесь языковое существование определяется в диахроническом плане, т. е. сравнительно несложное языковое существование в дописьменный период [73, с. 89].

2. Слушание

126. アクセント *акусэнто* 'ударение'. Как элемент фиксации внимания при слушании [73, с. 154].

127. 話題 *вадай* 'тема высказывания'. Как осознание того, что слышишь при слушании [73, с. 154].

128.技能能力 *гино:-но:рёку* `развитие навыков (слушания)'. Эти навыки необходимы для слушания наряду с «мыслительной способностью слушания» (*титэки-но:рёку*, см.) и «способностью занять правильную позицию при слушании» (*тайдо-но:рёку*, см.) [73, с. 153—168].

129.語法 *гохо:* `правила грамматики'. Как элемент, на котором фиксируется внимание при слушании [73, с. 154].

130.独話形式による聞く経験 *докува-кэйсики-ни ёру кикку кэйкэн* `опыт слушания, полученный в форме монолога'. При этом отношение говорящего и слушающего «один к массе», а речевые действия включают речь, выступление, лекцию, оповещение, доклад, пояснение, уведомление, речь через аппаратуру (радио и т.п.), громкое чтение, декламацию [73, с. 156].

131.電話による聞く符為 *дэнва-ни ёру кикку ко:и* `действия слушания по телефону' [73,0.159].

132.伝言を聞く行為 *дэнгон-о кикку ко:и* `действия слушания поручений' [73, с. 158].

133.用語 *ё:го* `словоупотребление'. Как элемент понимания при слушании [73, с. 154].

134.抑揚 *ёкуё:* `понижение и повышение (голоса)'. Говорящий может повышать и понижать голос, слушающий должен относиться к этому внимательно [73, с. 154].

135. 要点がうまくつかめない *ё:тэн-га умаку цукамэнай* `неумение схватить суть дела' [73, с. 143].

136. 一対一の関係 *ити тай ити-но канкэй* `отношение (говорящего и слушающего) «один к одному»'. При опыте слушания, получаемого в форме диалога [73, с. 157].

137. 一対衆 *ити тай сю:* `отношение (говорящего и слушающего) «один к массе»'. При опыте слушания, получаемом в форме монолога [73, с. 157].

138. 一対多 *ити тай та* `отношение (говорящего и слушающего) «один к множеству»'. При опыте слушания, получаемом в форме разговора [73, с. 157].

139. 会話形式による聞く経験 *кайва-кэйсики-ни ёру кикку кэйкэн* `опыт слушания, полученный в форме разговора'. Предполагает отношение говорящего и слушающего «один к множеству», формы высказываний при этом: разговор, обсуждение, дискуссия, собрание, совещание, беседа нескольких участников, беседа втроем [73, с. 156].

140. 聞いたり話したりする経験 *кийтари ханаситари-суру кэйкэн* `опыт, получаемый путем и слушания и говорения'. Предполагает следующие формы высказываний: беседа, повседневный разговор, разговор по телефону [73, с. 156].

141. 聞いて鑑賞する力 *кийтэ кансё:-суру тикара* `способность оценивать услышанное' [73, с. 153].

142.聞き *кики* 'слушание'. Один из видов языковой деятельности — деятельность понимания и восприятия в устной языковой деятельности. Слушание по сравнению с говорением, которое является активным выражением, посылкой речи, с первого взгляда кажется пассивной деятельностью, но в действительности это не так. Слушать — это работа, осуществляемая по воле субъекта. Если слушание классифицировать по цели, то можно выделить: 1) слушание для удовольствия, 2) для получения знания, информации. Последний вид еще может делиться в зависимости от степени необходимости знания. Функция слушания, взятая в развитии, является основной в языковой деятельности человека. К ней последовательно присоединяются функции говорения, чтения и письма, после чего человек получает полную «языковую способность». Развитие младенца и подростка свидетельствует о справедливости данного положения. В этом смысле слушанию последнее время уделяют большое внимание как основе языкового существования и «искусства языка» [73, с. 144; 93, с. 212].

143.聞き違え *кикитигаэ* 'ослышка'. Как вид неправильного понимания при коммуникации [73, с. 44].

144.聞きわける *кикивакэру* 'различать услышанное' [73, с. 152].

145.聞きとる *кикитору* 'воспринимать на слух' [73, с. 152].

146.聞き手 *кикитэ* 'слушающий'. В качестве одного из участников языкового действия [73, с. 42].

147.聞くだけの経験 *кику дакэ-но кэйкэн* 'опыт, получаемый только путем слушания'. Предполагает слушание как восприятие звуков природы, приветствий, речи через аппаратуру, громкого чтения, декламации, звукового кино, речи со сцены в театре [73, с. 156].

148. 聞く経験 *кику кэйкэн* 'опыт слушания' [73, с. 161].

149. 聞く能力 *кику но:рёку* 'способность слушать'. Предполагает знание правильного произношения, словоупотребления, умение слушать по телефону, делать заметки, конспект, а также правильно относиться к слушанию как к важнейшему речевому действию [73, с. 153].

150. 好ましい聞く態度 *кономасий кичу тайдо* 'доброжелательная позиция слушания'. Включает внимательное отношение к собеседнику, готовность выслушать его [73, с. 153].

151. 交渉による聞く行為 *ко:сё:-ни ёру кичу ко:и* 'действия слушания при переговорах' [73, с. 159].

152. ことばに対する無関心さ *котоба-ни тайсуру мукансинса* 'невнимательность', 'рассеянность', 'нежелание вникнуть в смысл слов собеседника'. Это неизбежно влечет за собой недоразумения и необоснованные претензии [73, с. 143].

153. 敬語意識があいまい *кэйго исики-га аймай* 'нечеткое осознание гонорифических средств'. Для носителей японского языка с его сложной системой иерархически организованных гонорифических средств их неясное осознание представляет серьезную проблему, поскольку ошибки в использовании этих средств осложняют понимание речи и отношения собеседников [73, с. 147].

154. 問答による聞く行為 *монто:-ни ёру кичу ко:и* 'действия слушания на основе вопросов и ответов' [73, с. 158].

155.面談による聞く行為 *мэ́ндан-ни ё́ру кикү ко:и* `действия слушания при личной беседе' [73, с. 159].

156.応待による聞く行為 *о:тай-ни ё́ру кикү ко:и* `действия слушания при этикетном обращении'[73, с. 158].

157.理解活動 *рикай кацудо:* `деятельность понимания' [73, с. 149].

158.紹介による聞く行為 *сё:кай-ни ё́ру кикү ко:и* `действия слушания при представлении (рекомендации) кого-либо' [73, с. 159].

159.指示を聞く行為 *сидзи-о кикү ко:и* `действия слушания указаний' [73, с. 158].

160.知るために聞く *сирү тамэ-ни кикү* `слушание для получения знаний' [73, с. 143].

161.相談による聞く行為 *со:дан-ни ё́ру кикү ко:и* `действия слушания при получении совета' [73, с. 159].

162.正しく聞きとる力 *тадасику кикитору тикара* `способность правильно воспринимать услышанное' [73, с. 153].

163.正しく聞きとる注意が足りない *тадасику кикитору тю:и-га таринай* `нехватка внимания при слушании для правильного понимания' [73, с. 146].

164.正しく聞く技能 *тадасику кикиу гино*: 'умение правильно слушать' [73, с 152].

165.正しく聞く態度 *тадасику кикиу тайдо* 'позиция правильного слушания' [73, с. 152]. Имеется в виду доброжелательное, внимательное отношение к собеседнику.

166.対話形式による聞く経験 *тайва-кэйсики-ни ёру кикиу кэйкэн* 'опыт слушания, полученный в форме диалога'. Предполагает отношение говорящего и слушающего «один к одному». Возможные формы высказывания при этом: приветствия, представление (рекомендация—при знакомстве), вопросы и ответы, этикетные формы высказывания, высказывания при личных контактах и при телефонном разговоре [73, с. 156].

167.対談による聞く行為 *тайдан-ни ёру кикиу ко:и* 'действия слушания при личных переговорах' [73, с. 158].

168.態度能力 *тайдо-но:рёку* 'способность (занять правильную) позицию (при слушании)'. Необходимое условие для осуществления правильного слушания наряду с познавательной способностью слушания (*титэки-но:рёку*, см.) и развитием навыков слушания (*гино:-но:рёку*, см.) [73, с. 153—168].

169.楽しみのために聞く *таносими-но тамэ-ни кикиу* 'слушание для получения удовольствия' [73, с. 143].

170.調子 *тё:си* 'интонация речи'. Как объект внимания слушающего [73, с. 154].

171. 知的能力 *титэки-но:рёку* `познавательная способность (слушания)'. Развитие этой способности вместе со способностью занять правильную позицию при слушании (*тайдо-но:реку*, см.) и развитием умений слушания (*гино:-но:реку*, см.) является целью при выработке навыков слушания [73, с. 153—168].

172. 深く内容をつかまない *фукаку найё:-о цукаманай* `неглубокое проникновение в содержание (слушаемого)' [73, с. 144].

173. 複合形式による聞く経験 *фукуго:-кэйсики-ни ёру кикку кэйкэн* `опыт слушания, полученный в смешанной форме'. Имеются в виду театрализованные представления, кукольный театр [73, с. 156].

174. 話し手の身ぶり、表情、音量、語調 *ханаситэ-но мибури, хё:дзё:, онрё:, готё:* `жест, выражение чувств при говорении, сила голоса, интонация речи говорящего'. Факторы, которые непосредственно оказывают влияние на слушающего [73, с. 172].

175. 発音 *хацуон* `произношение'. Как элемент фиксации внимания при слушании [73, с. 154].

176. 表現活動 *хё:гэн-кацудо:* `деятельность выражения' [73, с. 149].

177. 表情 *хё:дзё:* `выразительность', `экспрессия'. Как объект внимания слушающего [73, с. 154].

178. 批判的に聞く力 *хихантэкини кикку тикара* `способность критически относиться к услышанному' [73, с. 153].

3. Говорение

179. 話調 *ватэ*: 'интонация речи'. Высокий или низкий, сильный или слабый тон высказывания, медлительность или быстрота произнесения, паузы, фразовый акцент, создающие торжественность или обыденность, официальность или повседневность речи [73, с. 10].

180. 言語人格 *гэнго-дзинкаку* 'языковой характер человека (тип языковой личности)'. Имеются в виду эмоциональные факторы, присущие человеку, которые проявляются при языковых действиях и могут расположить собеседника, а могут и оттолкнуть его.

Условия правильного проявления языковой личности:

- 1) ответственность за свои слова;
- 2) простота, доходчивость речи;
- 3) доброжелательность и готовность понять позицию собеседника;
- 4) желание убедить собеседника;
- 5) способ убеждения, присущий данному человеку, — логичность, конкретность высказываний, обилие примеров, юмор; языковой тип, отношение к языковому общению и способность языкового суждения вместе составляют способность говорения (*ханасу-но:рёку*, см.) [73, с. 191].

181. 言語的な判断力 *гэнготэкина ханданрёку* 'способность языкового суждения', наряду с отношением к языковому общению и языковым типом человека является одной из трех составных частей способности говорения (*ханасу но:рёку*, см.). Употребляется и как синоним *кисотэкина ханданрёку* 'основная способность суждения' (73, с. 187, 195].

182. ディスカッション *дисукассён* 'дискуссия'. Обмен речью — диалогической или коллективной. Иногда переводится и как «обсуждение» или «прения» и в целом означает «спор». У английского слова *discussion* также есть это значение. Но в принципе это групповая дискуссия, которая является не спором, а демократическим способом соединения коллективных знаний и сотрудничества в процессе обсуждения. Все участники сообща в определенной последовательности раздумывают о какой-то проблеме и обмениваются высказываниями о ней, чем достигается подход к решению проблемы под разными углами зрения, который приводит к оптимальному решению, что, возможно, было бы не под силу при решении данного вопроса в одиночку. Поэтому стремление переспорить противника в дискуссии или навязать решение большинством противоречит основной идее дискуссии. Формы дискуссии: дискуссия лекционного типа (*lecture discussion*), свободное обсуждение (*free talking*), общая дискуссия (*panel discussion*), симпозиум (*symposium*), дискуссия-форум (*forum discussion*) [93, с. 216].

183. 座談 *дзадан* 'беседа за круглым столом (симпозиум)' [73, с. 151].

184. 独話 *докува* 'монолог', букв, 'разговор наедине'. Однако часто употребляется для обозначения как выступления отдельной личности перед многими людьми, так и самой речи в такой ситуации. При монологе говорящий и слушающие соотносятся, как один и множество, причем говорящий от начала и до конца говорит, а слушающие от начала и до конца слушают. В этом плане монолог существенно отличается от диалога или беседы. По форме монолог в зависимости от числа слушающих можно разделить на те случаи, когда это число и местонахождение слушающих ограничено (массовая коммуникация малых форм) и неограниченно (собственно массовая коммуникация). Обычные выступления с трибуны, лекция, проповедь, приветственная речь, театральное представление относятся к первой форме, а радио и телевидение — ко второй [73, с. 151; 93, с. 217].

185. 世なれた話し手 *ёнарэта ханаситэ* 'умелый, общительный собеседник' [73, с. 190].

186. 言いまわし *иимаваси* 'речевой оборот' [73, с. 154].

187. 会話 *кайва* 'разговор', 'беседа'. Разговор определенных индивидов характеризуется отношением «один к одному». Иными словами, данный термин иногда употребляется в значении, одинаковом с диалогом (разговор на английском языке, светский разговор и т. д.). Но в последнее время чаще употребляется для обозначения ситуации общения, когда в разговоре участвует трое и более человек (малый коллектив), или для обозначения самого этого разговора. Имеется в виду разговор втроем, разговор за круглым столом, дискуссия, собрание [73, с. 151; 93, с. 212].

188. 基本的な言語態度 *кихонтэкина гэнго-тайдо* 'отношение к языковому общению'. Имеется в виду внимательность к собеседнику и к тому, что он говорит. Наряду со способностью языкового суждения и языковым типом человека является одной из трех составных частей способности говорения (*ханасу но:рёку*, см.) [73, с. 191].

189. 講演 *ко:эн* 'выступление с трибуны' [73, с. 151].

190. 音声言語 *онсэй-гэнго* 'звуковой язык'. Язык, средством выражения которого служит голос и который воспринимается на слух [73, с. 149].

191. パブリック・スピーキング *пабурикку супи:кингү* 'публичная речь'. Общее название для всех устных выступлений, осуществляемых сознательно в несколько приподнятом стиле и захватывающих все сферы как персональной, так и массовой коммуникации, а также массовой коммуникации малых форм. Некоторые японские филологи

определяют публичную речь как «выражение в словах мыслей в определенное время и в определенной обстановке для получения от слушающего известной реакции». При изучении публичной речи исследуются речевые проявления широкой сферы в речах на конференциях, при ведении собрания, в застольной речи, в приветственной речи, в текстах пропагандистского характера, в интервью, в беседе, при телефонном разговоре, в радиопередаче. В конечном счете это и есть само говорение. В последнее время публичная речь интенсивно исследуется, главным образом в США, для повышения эффективности говорения [93, с. 218].

192. リズム *ридзуму* `ритм (речи)'. Ритм устной речи, чтения вслух, декламации [73, с. 154].

193. 荘重調 *со:тё:тё:* `торжественная (внушительная) интонация речи'. Эта интонация, по свидетельству японских лингвистов, характерна для японской речи в официальной обстановке, особенно в периоды, предшествовавшие Мэйдзи [73, с. 10].

194. 対話 *тайва* `диалог'. Взаимное говорение и слушание в ситуации общения, характеризующейся отношением участников «один к одному», или же сама речь, которая имеет место в этот момент. Употребляют в том же значении и выражение «взаимный разговор» (айтайбанаси). Это одна из основных форм говорения; как правило, в данной форме осуществляются секретные беседы, вопросы и ответы, личные переговоры, телефонные разговоры [93, с. 215].

195. 討議 *то:ги* `обсуждение' [73, с. 151].

196. 話し *ханаси* `говорение'. Один из видов языковой деятельности. Общее название для языковых действий с участием голоса. Но переложение на музыку и выведение голосом мелодии сюда не входят.

О передаче по радио новостей, чтении вслух, пояснении к театру теней и т. п. трудно сказать, говорение это или чтение. Но если понимать чтение как молчаливое чтение, то перечисленные случаи для удобства в большинстве случаев можно отнести к говорению. Говорение допускает случай импульсивного говорения без собеседника и осознания цели, по обычно обязательно имеется собеседник, осознается цель (иногда потенциально). Цели говорения различные. В основном это: 1) доставить удовольствие собеседнику; 2) произвести на него впечатление; 3) сообщить что-либо; 4) убедить собеседника; 5) побудить его к действию. Сопротивление говорению различное в ситуации персональной коммуникации, массовой коммуникации малых форм и при массовой коммуникации. Зависит оно и от собеседника. Но во всех случаях, за исключением персональной коммуникации хорошо знакомых людей, говорить трудно. Исследование по искусству языка чаще всего сводится к исследованию говорения, что отражает факт наибольшего сопротивления говорению. До войны исследования говорения почти не проводились, а после войны им придают большое значение [93, с. 217].

197.話し合い *ханасиаи* 'беседа' [73, с. 151].

198.話しことば *ханасикотоба* 'устная речь' [101, с. 7].

199.話しことばによる言語生活 *ханасикотоба-ни ёру гэнго-сэйкацу* 'устное языковое существование, основанное на устной речи' [73, с. 104, 124].

200.話し手 *ханаситэ* 'говорящий'. Субъект речи, осуществляющий устное высказывание [73, с. 42].

201.話す聞く言語生活の体系 *ханасу кикю гэнго-сэйкацу-но тайкэй* 'система языкового существования, ограниченная говорением и

слушанием'. Выделяется при исследовании в диахронном плане для периода до появления письменности в Японии [73, с. 89].

202.話すことにくらべて書くことの違う点 *ханасу кото-ни курабэтэ каку кото-но тигау тэн* 'отличие письма от говорения'.

Сводится к следующим основным моментам.

- 1) читатель не может переспросить;
- 2) пишущий не может передать тональность и подъем голоса, выражение лица, жесты;
- 3) в письме все основано только на подборе слов и расстановке их в тексте;
- 4) текст можно править;
- 5) можно перечитать его [73, с. 287]

203.話す経験 *ханасу кэйкэн* 'опыт говорения'. Опыт, приобретаемый при осуществлении речевых действий говорения и неотделимый от опыта слушания [73, с. 166].

204.話す能力 *ханасу-но:рёку* 'способность говорения'. Складывается из:

- 1) основного отношения к языковому общению;
- 2) основной способности суждения;
- 3) оригинального языкового типа человека (языковой личности) [73, с. 195].

205.報告 *хо:коку* 'доклад' [73, с. 151]

206. 演説 *эндзэцу* `речь (публичная)' [73, с 151].

V. Письменные языковые действия

1. Термины общего значения,

207. 新しい言語生活の体系 *атарасий гэнго-сэйкацу-но тайкэй* `новая система языкового существования', установившаяся в Японии после появления письменности и включения в прежнюю систему еще и таких языковых действий, как письмо и чтение [73, с. 89].

208. 文章体 *бунсё:тай* `письменный стиль'. Стиль, создающийся в результате «языковых действий в письменной речи» (*модзи гэнго-ко:до:*, см.) [73, с. 26].

209. 読む書く生活 *ёму каки сэйкацу* `языковое существование — чтение и письмо' [73, с. 126].

210. 書きことば *какикотоба* `письменная речь' [101, с. 7]

211. 文字言語活動 *модзи гэнго-кацудо:* `языковая деятельность в письменной речи' [93, с. 214].

212. 文字言語行動 *модзи гэнго-ко:до:* `языковые действия в письменной речи'. Действия, связанные с использованием письменных знаков, необходимые в общественном существовании человека.

В них включается написание писем, статей, литературных произведений, ведение записей, дневников и т.д., а также чтение всех создающихся при этом текстов [73, с. 17].

213. 文字言語生活 *модзи гэнго-сэйкацу* 'языковое существование в письменной речи'. Совокупность «языковых действий в письменной речи» (*модзи гэнго-ко.до:*, см.), необходимых человеку в его общественном существовании. Включает действия чтения и письма [73, с 20].

2. Чтение

214. 読書生活 *докусё-сэйкацу* '(языковое) существование — чтение'. Языковые действия человека, выражающиеся в чтении текстов разного типа для обеспечения нормального общественного существования [73, с 20, 110].

215. 読み *ёми* 'чтение'. Один из видов языковой деятельности, который заключается в понимании, восприятии в процессе письменной языковой деятельности. Некоторые японские лингвисты считают чтение пассивным видом языковой деятельности по сравнению с письмом. Однако это активный ее вид. По цели чтение делится на: 1) чтение для получения удовольствия; 2) чтение для приобретения знания. Последний вид может еще делиться в зависимости от сложности и степени усвоения знания [73, с. 4; 93, с. 219].

216. 読み違え *ёмитигаэ* 'неправильное прочтение'. Как вид неправильного понимания при осуществлении коммуникации [73, с. 44]

217.読み手 *ёмитэ* 'читающий'. Субъект языкового действия чтения [73, с. 42]

218.読む書く生活 *ёму каку сэйкацу* '(языковое) существование — чтение и письмо'. Термин берется в историческом плане с указанием, что эта форма языкового существования появилась в Японии после заимствования японцами китайской иероглифики [73, с 89]

219.教育の手段としての読みの類型 *кё:ику-но сюдан то ситэ-но ёми-но руйкэй* 'типы чтения как средства обучения (в школе)'. Различные методические приемы, применяемые в школе для развития у детей навыков чтения. Например, громкое чтение с целью развития беглости и правильного произношения, чтение с выделением словосочетаний, чтение с разбивкой текста на логически завершённые смысловые отрезки и т. п. [73, с. 239]

220.快適な読みの速度 *кайтэкина ёми-но сокудо* 'оптимальная скорость чтения'. Чтение в отличие от слушания, которое разворачивается линейно во времени, даёт возможность охватывать одним взглядом целые фрагменты текста, чем создается экономия времени восприятия. Скорость этого восприятия зависит от индивидуальных возможностей и способностей читающего, в связи с чем для каждого индивида существует своя оптимальная скорость чтения [73, с. 232].

221.聞き返しと読み返し *кикикаэси то ёмикаэси* 'переспрашивание и перечитывание'. Переспрашивание иногда невозможно, перечитывание всегда возможно, что создаёт психологический комфорт и значительно отличает чтение от слушания [73, с. 231].

222.子どもの語彙抵抗 *кодомо-но гои-тэйко:* 'сопротивление незнакомой лексики детям' (при обучении чтению). Трудности, которые испытывают дети при обучении чтению, сталкиваясь в тексте

с незнакомыми словами. При наличии иероглифики в японском языке ребенок совершенно не в состоянии прочесть незнакомый иероглиф, что тормозит развитие навыков чтения и является серьезной проблемой в языковом существовании японцев [73, с. 253].

223. 経験主義と能力主義 *кэйкэнсюги то но;рёкүсюги* 'принцип соединения развития способности к чтению и одновременно жизненного опыта при обучении чтению'. Взгляд, согласно которому при развитии у детей навыков чтения при обучении в школе следует обязательно учитывать содержание читаемого. Материал по содержанию должен быть таким, чтобы способствовать получению детьми жизненного опыта и выработке правильных жизненных принципов. Практическая ценность и возможность применения на практике усвоенного материала способствует быстрому развитию навыков чтения [73, с. 242].

224. 目的による読みの類型 *мокутэки-ни ёру ёми-но руйкэй* 'типы чтения по цели'. Цели при этом могут быть следующие: для общего развития, для развлечения и получения информации [73, с. 235].

225. 日本語の基本文型 *нихонго-но кихон-бункэй* 'основные типы предложений в японском языке'. Эта область только начинает исследоваться теорией языкового существования [73, с. 308].

226. 音声化による読みの類型 *онсэйка-ни ёру ёми-но руйкэй* 'типы чтения по участию голоса'. Типы чтения в этом плане могут быть: 1) с голосом; 2) вполголоса; 3) без голоса с шевелением губами; 4) чтение молча [73, с. 237—238].

227. 理解の様式による読みの類型 *рикай-но ё:сики-ни ёру ёми-но руйкэй* 'типы чтения по форме понимания'. В японской лингвистике выделяются следующие типы чтения: беглое — для общего

впечатления; для понимания общего содержания; для запоминания подробностей [73, с. 238].

228.朗読 *ро:доку* 'чтение вслух' [73, с. 154].

229.朗誦 *ро:сё:* 'декламация' [73, с. 154].

230.速度による読みの類型 *сокудо-ни ёру ёми-но руйкэй* 'типы чтения по скорости'. Здесь различается чтение: беглое, внимательное, тщательное [73, с. 236].

231.筆者への人格的接近 *хисся-э-но дзинкакүтэки сэккин* чувство (ощущение) личной близости к автору при чтении текста'. Установлено, что оно возникает значительно труднее при чтении, чем, например, при разговоре во время непосредственного контакта с говорящим. Для ощущения такой близости по отношению к автору письменного текста необходимо большое искусство автора и близость гражданской позиции читающего к идеям, развиваемым автором [73, с. 233].

3. Письмо

232.文法的事実への自覚 *бумпо:тэки дзидзицу-э-но дзикаку* 'развитие осознания фактов грамматики (в процессе развития навыков письма)'. Согласно существующим в японской лингвистике взглядам, осознание правил грамматики и понимание грамматической нормы в основном достигаются посредством обучения школьников чтению. Выработка навыков письма должна дополнять и закреплять знание нормативной грамматики, позволяя сочетать свободу изложения мыслей с соблюдением грамматических правил [73, с. 310].

233.文章 *бунсё:* 'письменный текст' [73, с. 17].

234.文章の構造についての意識 *бунсё:-но ко:дзо:-ни цуитэ-но исики* 'осознание (школьником) структуры текста'. Согласно данным теории языкового существования, сознательное овладение умением построения письменного текста приходит в старших классах начальной школы и в средней школе [73, с. 292].

235.文章表現指導における認識思考の指導 *бунсё:-хё:гэн-сидо:-ни окэру нинсики сико:-но сидо:* 'развитие сознательности и мышления при развитии выразительности текста'. Тезис теории языкового существования о том, что развитие способности мышления у детей-школьников при обучении письму происходит в значительной степени на базе содержания письменных текстов. Практическая направленность и жизненная ценность этих текстов значительно ускоряют развитие детей [73, с. 306].

236.自由選題と課題 *дзю:-сэндай то кадай* 'свободный выбор темы или заданная тема'. Как методические приемы при обучении детей письму в школе [73, с. 289].

237.伝達性に富んだ文章 *дэнтацусэй-ни тонда бунсе:* 'коммуникативно богатые тексты'. Имеются в виду такие тексты, которые четко, понятно передают замысел пишущего. Умение создавать такие тексты— одна из важнейших целей обучения письму [73, с. 282].

238.書き *каки* 'письмо'. Один из видов языковой деятельности — выражение и посылка речи в письменной языковой деятельности. Общее название для этих видов языковой деятельности, фиксируемых на бумаге и другом материале отдельными письменными знаками или речевыми отрезками в виде текста. Сюда же включаются занятия письмом с помощью пера или кисти и сочинение в школе.

Цели письма: 1) для собственной тренировки, чтобы не забыть что-либо, и для организации мыслей; 2) с осознанием определенной цели для представляемого адресата. В последнем случае можно писать: а) для того, чтобы доставить удовольствие адресату; б) чтобы произвести на него впечатление; в) для сообщения ему какой-либо информации; г) для убеждения его; д) для побуждения к действию.

Пишущий непременно исходит из того, находится ли предполагаемый адресат в ситуации персональной коммуникации, массовой коммуникации или массовой коммуникации малых форм. В обучении письму в довоенное время в школах преобладали сочинения на литературные темы. В настоящее время придают большое значение текстам, написанным с позиций коммуникативной целесообразности, полезным в повседневной жизни [93, с. 212; 73, с. 4].

239. 書き手 *какитэ* 'пишущий'. Субъект языковых действий письма [73, с. 42].

240. 文字 *модзи гэнго* 'письменный язык'. Язык, представленный в письменных текстах [73, с. 149].

241. 日本人の文字生活の複雑化 *нихондзин-но модзи-сэйкацу-но фукудзацука* 'усложнения письменного языкового существования японцев'. Определенный этап в истории культуры японского народа. В данном случае имеется в виду период Нара, когда появились различные способы записи японских текстов с помощью заимствованных китайских иероглифов (так называемое письмо *маньё:гана* и *сэммё:гаки*.) [73, с. 93].

242. 執筆 (書記) 生活 *сиппицу (сёки) сэйкацу* '(языковое) существование — письмо'. Языковые действия человека,

выражающиеся в употреблении письменных знаков и создании письменных текстов [73, с. 20].

243. 表現性に富んだ文章 *хё:гэнсэй-ни тонда бунсё:* 'выразительно богатые тексты'. Тексты, передающие не только мысли пишущего, но и эмоционально насыщенные [73, с. 283].

ИЕРОГЛИФИЧЕСКИЕ НАПИСАНИЯ ТЕРМИНОВ ТЕОРИИ ЯЗЫКОВОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ

1. 言語技術	19. 共通語行動
2. 言語事実	20. 共通語を話す度合
3. 言語要素	21. 共通語を話す度合を決定す要因
4. 言語意識	22. 子どもの言語生活
5. 言語形式	23. 子どもだけの言語生活の場
6. 言語過程説	24. 国語生活
7. 言語活動	25. おとなの言語生活
8. 言語活動を通して言語を学ぶ	26. 標準語
9. 言語行動	27. 方言
10. 言語能力	28. 武士の言語生活
11. 言語生活	29. 言語共同体
12. 言語生活の分類	30. 言語生活の M と W
13. 言語生活の前史	31. 言語集団
14. 言語生活の近代化	32. 言語習慣
15. 言語生活の歴史	33. 位相
16. 言語生活史	34. 階層に応じた言語生活
17. ヨソイキの言語生活	35. 階層差
18. 共通語	

36. 貴族の言語生活
37. 個人差
38. 職業差
39. 庶民の言語生活
40. 社会差
41. 町人の言語生活
42. 相手
43. 場所がら
44. 場所がらと言語行動との関係
45. 言語以外の行動
46. 言語生活の場面調査
47. 言語生活の二十四時間調査
48. 教育の場
49. 個人の一日の営語生活
50. 国民の生活行為
51. 褻
52. オオヤゲのことば
53. 生活場面
54. 社交の場
55. 睛
56. 文語
57. 文語調
58. 和文
59. 和語
60. 和漢混淆文
61. 外来語
62. 言文一致
63. 現代かなづかい
64. 常用漢字
65. 漢文
66. 上方語
67. 漢語
68. 漢語調
69. 漢字制限
70. 教育漢字
71. 基礎日本語
72. 口語
73. 国語国字問題
74. 京阪語
75. 文字改革
76. 下町言葉
77. 当用漢字
78. 標準漢字
79. 山の手言葉
80. 誤解
81. 情緒的な反応
82. 舌禍
83. 受言
84. 受言者
85. 準マス餐コミ
86. 伝達
87. 伝達の効果
88. 伝達の機能
89. 意志的な反応

90. 感化的機能
91. 曲解
92. 個人伝達
93. コミュニケーション
94. ことばの暴力
95. ことばの魔術
96. ことばの煙幕
97. ことばの行きちがい
98. キャッチ・フレーズ
99. 魔術性表現
100. マス・コミのことば (づかい)
101. マス・コミュニケーション
102. マス・メディア
103. ムードことば
104. 面接的接触
105. 名づけの魔術
106. 失言
107. 正解
108. 大衆伝達
109. 沈黙による効果
110. 知的な反応
111. 発言
112. 発言者
113. 発言行動の痕跡
114. 筆禍
115. 非面接的 (接触)
116. 放言
117. 談話
118. 談話生活
119. 談話体
120. 音声言語活動
121. 音声言語行動
122. うしろ向き言語生活観
123. 話は通じない
124. 話が通じる
125. 話す聞く生活
126. アクセント
127. 話題
128. 技能能力
129. 語法
130. 独話形式による聞く経験
131. 電話による聞く符為
132. 伝言を聞く行為
133. 用語
134. 抑揚
135. 要点がうまくつかめない
136. 一対一の関係
137. 一対衆
138. 一対多
139. 会話形式による聞く経験
140. 聞いたり話したりする経験
141. 聞いて鑑賞する力
142. 聞き
143. 聞き違い

144. 聞きわけ
145. 聞きとる
146. 聞き手
147. 聞くだけの経験
148. 聞く経験
149. 聞く能力
150. 好ましい聞く態度
151. 交渉による聞く行為
152. ことばに対する無関心さ
153. 敬語意識があいまい
154. 問答による聞く行為
155. 面談による聞く行為
156. 応待による聞く行為
157. 理解活動
158. 紹介による聞く行為
159. 指示を聞く行為
160. 知るために聞く
161. 相談による聞く行為
162. 正しく聞きとる力
163. 正しく聞きとる注意が足りない
164. 正しく聞く技能
165. 正しく聞く態度
166. 対話形式による聞く経験
167. 対談による聞く行為
168. 態度能力
169. 楽しみのために聞く
170. 調子
171. 知的能力
172. 深く内容をつかまない
173. 複合形式による聞く経験
174. 話し手の身ぶり、表情、音量、語調
175. 発音
176. 表現活動
177. 表情
178. 批判的に聞く力
179. 話調
180. 言語人格
181. 言語的な判断力
182. ディスカッション
183. 座談
184. 独話
185. 世なれた話し手
186. 言いまわし
187. 会話
188. 基本的な言語態度
189. 講演
190. 音声言語
191. パブリック・スピーキング
192. リズム
193. 荘重調
194. 対話
195. 討議

196. 話し
197. 話し合い
198. 話しことば
199. 話しことばによる言語生活
200. 話し手
201. 話す聞く言語生活の体系
202. 話すことにくらべて書くことの違う点
203. 話す経験
204. 話す能力
205. 報告
206. 演説
207. 新しい言語生活の体系
208. 文章体
209. 読む書く生活
210. 書きことば
211. 文字言語活動
212. 文字言語行動
213. 文字言語生活
214. 読書生活
215. 読み
216. 読み違い
217. 読み手
218. 読む書く生活
219. 教育の手段としての読みの類型
220. 快適な読みの速度
221. 聞き返しと読み返し
222. 子どもの語彙抵抗
223. 経験主義と能力主義
224. 目的による読みの類型
225. 日本語の基本文型
226. 音声化による読みの類型
227. 理解の様式による読みの類型
228. 朗読
229. 朗誦
230. 速度による読みの類型
231. 筆者への人格的接近
232. 文法的事実への自覚
233. 文章
234. 文章の構造についての意識
235. 文章表現指導における認識思考の指導
236. 自由選題と課題
237. 伝達性に富んだ文章
238. 書き
239. 書き手
240. 文字
241. 日本人の文字生活の複雑化
242. 執筆（書記）生活
243. 表現性に富んだ文章

ЛИТЕРАТУРА

1. Амирова Т. А., Ольховиков Б. А., Рождественский Ю. В. Очерки по истории лингвистики. М., 1975.
2. Алпатов В. М. Категории вежливости в современном японском языке. М., 1973.
3. Блумфилд Л. Язык. М., 1968. Изд. 2. М.: УРСС, 2002.
4. Будде Е. Ф. Вопросы методологии русского языкознания. Казань, 1917.
5. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика. М., 1959.
6. Виноградов В. В. О художественной прозе. М. — Л., 1930.
7. Виноградов В. В. Язык Пушкина. Пушкин и история русского литературного языка. М. — Л., 1935.
8. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. 2-е изд. М., 1938.
9. Виноградов В. В. Современный русский язык. Вып. 1. Введение в грамматическое учение о слове. М., 1938.
10. Виноградов В. В. Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка, — «Известия АН ОЛЯ». Т. 10. 1951.
11. Виноградов В. В. Наука о русском литературном языке. — «Ученые записки МГУ». Вып. 106. 1957.
12. Виноградов В. В. Из истории изучения русского синтаксиса. М., 1958.
13. Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961.
14. Виноградов В. В. Стилистика, теория поэтической речи, поэтика. М., 1963.
15. Виноградов В. В. О теории художественной речи. М., 1971.
16. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). 2-е изд. М., 1972.
17. Гаспаров М. Л. Цицерон и античная риторика. — Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972.

18. Гофман В. А. Слово оратора (риторика и политика). Л., 1932.
19. Греч Н. И. Пространная русская грамматика, изданная Н. Гречем. Т. 1. СПб., 1827.
20. Греч Н. И. Практические уроки русской грамматики, изданные Н. Гречем. СПб., 1832.
21. Грушин Б. А. Очерки логики исторического исследования (процесс развития и проблема его научного воспроизведения). М., 1961.
22. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. 3-е изд. Т. 9. СПб., 1888.
23. Ефимов А. И. О мастерстве речи пропагандиста. М., 1957.
24. Ефимов А. Г., Поздняков П. В. Научные основы партийной пропаганды. М., 1966.
25. Камогава Кадзуко. Сопоставительный анализ русского и японского речевого этикета. Дипломная работа. Университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы. М., 1972.
26. Катагощина Н. А. Исторические предпосылки развития французского письменно-литературного языка, — Язык и общество. М., 1968.
27. Клаус Г. Кибернетика и философия. М., 1963.
28. Конрад Н. И. Синтаксис японского национального литературного языка. М., 1937.
29. Конрад Н. И. О «языковом существовании» — Японский лингвистический сборник. М., 1959.
30. Конрад Н. И. Запад и Восток. М., 1966.
31. Конрад Н, И. Предисловие к Большому японско-русскому словарю. М., 1970.
32. Конрад Н И. Очерки японской литературы. М., 1973.
33. Костомаров В. Г., Леонтьев А. А. Некоторые теоретические вопросы культуры речи — «Вопросы языкознания». 1966, № 5.
34. Лаврентьев Б. П. Китайские иероглифы и китайские заимствования в общественно-языковой практике современной Японии. Канд. дис. М., 1966

35. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: УРСС, 2003.
36. Леонтьев А. А. Важнейшие проблемы сопоставления русского языка и языков Востока (в связи с задачами обучения русскому языку) — МАПРЯЛ Международный симпозиум. Ташкент, 1972.
37. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений (1739—1758 гг.). Т. 7. Труды по филологии. М — Л, 1952
38. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Ранняя классика. М., 1963.
39. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Софисты, Сократ, Платон М., 1969.
40. Лосев А. Ф. История античной эстетики Высокая классика. М., 1974.
41. Мельников Г. П., Язык, лингвистика и научно-техническая революция — Научно-техническая революция и функционирование языков мира М., 1977.
42. Неверов С. В. Об одном направлении лингвистической науки в Японии — ВЯ 1963, № 6.
43. Неверов С. В. Языковое существование и методы его изучения — «Народы Азии и Африки» — 1964, № 6.
44. Неверов С. В. Об истоках теории языкового существования — Историко-филологические исследования М. 1967.
45. Неверов С. В. Особенности речевой и неречевой коммуникации японцев — Национально-культурная специфика речевого поведения М., 1977.
46. Никольский Л. Б. Синхронная социолингвистика. М., 1976.
47. Нобухата Фумико. Сравнительный анализ русского и японского эпистолярного стиля. Дипломная работа. Университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы М., 1974.
48. Ножин Е. А. Основы советского ораторского искусства М., 1973.
49. Овчинников В. Ветка сакуры М., 1971.
50. Ожегов С. И. Лексикология, лексикография, культура речи. М., 1974.
51. [Павский Г. П.] Филологические наблюдения Г. Павского над составом русского языка. Рассуждения 1—3 СПб., 1841—1842.

52. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд., М., 1956
53. Платон. Кратил, или о правильности имен — Античные теории языка и стиля. Под общей ред. О. М. Фрейденберг. М — Л, 1936.
54. Поливанов Е. Д. О фонетических признаках социально-групповых диалектов и, в частности, русского стандартного языка — Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
55. Потебня А. А. Психология поэтического и прозаического мышления Вопросы теории и психологии творчества. Т. 2. Вып 2. Харьков, 1910
56. Рождественский Ю. В. Введение в общую филологию. М., 1979.
57. Рождественский Ю. В. О работах академика В. В. Виноградова по истории русского языкознания — История русских лингвистических учений. М., 1978.
58. Русский язык по данным массового обследования М., 1974.
59. Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. М., 1971.
60. Соломоник А. Г. Методы устной массовой пропаганды. М., 1972.
61. Сперанский М. М. Правила высшего красноречия. СПб, 1844.
62. Тимофеев Л. И. Проблемы стиховедения. Материалы к социологии стиха. М., 1931.
63. Тимофеев Л. И., Тураев С. И. Словарь литературоведческих терминов. М., 1974.
64. Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. Перевод с латинского Ф. А. Петровского, И. П. Стрельниковой, М. Л. Гаспарова. Под ред. М Л. Гаспарова. М., 1972.
65. Шпет Г. Г. Эстетические фрагменты I—III. Петроград, 1922—1923.
66. Шубин Э. П. Языковая коммуникация и обучение иностранным языкам. М., 1972.
67. Щерба Л. В. Очередные проблемы языковедения. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. 1, Л., 1953.

68. Эпидемиология ишемической болезни сердца и артериальной гипертонии. Научный обзор Всесоюзного научно-исследовательского института медицинской и медико-технической информации. М., 1971.
69. Андо Масацугу. Кокугогаку цу:ко: (Очерки родного языка). 1931.¹⁵
70. «Гэнго-сэйкацу».
71. Гэнго-сэйкацу-о мэгуру ё:го (Терминология науки языкового существования). — «Гэнго-сэйкацу». 1964, № 3 (150).
72. Гэнго-сэйкацу-но дзиттай (Истинная картина языкового существования). Кокурицу-кокугокэнкккдзё хо:коку 2 (Доклад ГИИРЯ № 2). 1951.
73. Гэнго-сэйкацу-но рирон то кё:ику. Кокуго-ко:дза 7 (Теория языкового существования и ее преподавание. Лекции по родному языку. Т. 7). 1962.
74. Гэндай-дзасси кю:дзю:сю-но ё:го-ё:дзи 1 (Словоупотребление и система письма современных журналов 90 названий. Т. 1). Кокурицу-кокугокэнкккдзё хо:коку 21 (доклад ГИИРЯ № 21). 1962.
75. Гэндай-дзасси кю:дзю:сю-но ё:го-ё:дзи 2 (Словоупотребление и система письма современных журналов 90 названий. Т. 2). Кокурицу-кокугокэн-кю:дзё хо:коку 22 (Доклад ГИИРЯ № 22). 1963.
76. Гэндай-дзасси кю:дзю:сю-но ё:го-ё:дзи 3 (Словоупотребление и система письма современных журналов 90 названий. Т. 3). Кокурицу-кокугокэи-юо:дзё хо:коку 25 (Доклад ГИИРЯ № 25). 1964.
77. Гэндай-сякай то ханасикотоба кё:ику (Современное общество и обучение устной речи). — «Гэнго-сэйкацу». 1966, №2 (173).
78. Данваго-но дзиттай (Устное общение как оно есть). Кокурицу-кокугокэи-кю:дзё хо:коку 8 (Доклад ГИИРЯ № 8). 1955.
79. «Дзёсэй-дзисин». 1965, № 3.
80. Дзидо:-но гэнго-сэйкацу то СМ (Языковое существование детей и тексты рекламы). — Мимпо:-кэнкю:дзё кие: дай-ити-санго: (Ученые записки Научно-исследовательского института Ассоциации частных органов вещания № 1, 3). 1962.

¹⁵ Все перечисленные здесь работы на японском языке изданы в Токио.

81. Дзикан то сэйкацу (Время и жизнь), — «Бункэн-гэппо:». 1971, № 4.
82. Дэнсикэйсанки-ни ёру симбун-но гои-тё:са (Исследование лексики газет с помощью ЭВМ). Кокурицу-кокугокэнкю:дзё хо:коку 37, 38, 42, 48 (Доклады ГИИРЯ № 37, 1970; № 38, 1971; № 42, 1972; № 48, 1973).
83. Ивабути Тадасу. Гэнго-сэйкацурон-но сэйтё: (Развитие теории языкового существования). — «Гэнго-сэйкацу». 1964, № 3 (150).
84. Ивабути Эцутаро:. Ханаси кикю (Говорение и слушание). 1962.
85. Ивабути Эцутаро:. Кокуго-но кокоро (Душа родного языка). 1973.
86. Икута Масатэру. Масу комюникэ:сён-но кэнкю: (Исследование массовой коммуникации). 1968.
87. Икэгами Тэйдзо:. Гэнго-сэйкацу-но хэнсэн (Изменение языкового существования). — Ко:дза гэндайго (Современный язык). Т. 2. 1964.
88. Икэда Ясабуро:. Юрэру нихонго (Переходный период в развитии японского языка). 1962.
89. Инагаки Тацуро:. Мэйдзи-но гэмбун-итти ва доко-мадэ дзикко:-сарэта ка (До какой степени было осуществлено единство речи и письма в период Мэйдзи). — Котоба-но сэйкацу. Т. 4. 1968.
90. Ито: Синъити. Гохо: то хо:до: (Дезинформация и информация). — «Гэнго-сэйкацу». 1972, № 4 (247).
91. Кабасима Тадао. Корэкара-но кокуго кайкаку (Предстоящая перестройка японского языка). — «Гэнго-сэйкацу». 1972, № 12 (255).
92. Кавакацу Хисаси. Комюникэ:сён-но синри гидзюцу (Психология и техника коммуникации), 1968.
93. Камико: Канъити. Нихондзин-но гэнго-сэйкацу (Языковое существование японцев). — Ко:дза нихонго. Т. 4. 1955.
94. Камияма Дзюньити, Фудзиока Хидэо, Ивасаки Сабу-ро:. Ко:дза бангуми ва дорэдакэ риё:-сарэтэйру ка (Насколько слушатель пользуется передачами лекционных курсов по каналам вещания). — «Бункэн-гэппо:», 1974, № 1.
95. Камэи Итидзуна. Кэйэй то комюникэ:сён (Эксплуатация предприятий и коммуникация). 1958.

96. Канадзава Какутаро;. Тэрэбидзён соно сякайтэки сэйкаку то ити (Телевидение — его характер и место в обществе). 1960.
97. Киндаити Харухико. Нихондзин-но гэнго-ко:до: (Речевые действия японцев). — Ко:дза нихонго. Т. 4, 1955.
98. Киндаити Харухико. Кокуго-гакуся-но ицуцу-но нагарэ (Пять направлений среди ученых, исследующих родной язык). — «Кана-но хикари». 1958, № 4 (430).
99. Китамура Хидэо. Масукоми-но котоба (Язык массовой коммуникации). — «Гэнго», 1972, № 2.
100. Ко:дза гэндайго 1 (Современный язык. Курс лекций. Т. 1). 1963.
101. Ко:дза гэндайго 2 (Современный язык. Курс лекций. Т. 2). 1963.
102. Кокубу Ититаро:. Каку сэйкацу то соно кё:ику (Языковое существование— письмо и обучение ему). — Кокуго ко:дза. Т, 7, 1962.
103. Кокуго ва мидарэтэиру ка (Находится ли родной язык в беспорядочном состоянии). — «Гэнго-сэйкацу». 1964, № 2 (149).
104. Кокугогаку-дзитэн (Японская лингвистическая энциклопедия), 1957.
105. Кокуго-мондай ё:рё: (Основные проблемы родного языка). — Кокуго-хакусё. 1950.
106. Кокуго-нэнкан Сё:ва 29 нэн-хан (Лингвистический ежегодник ГИИРЯ), 1954.
107. Кокуго-нэнкан Сё:ва 30 нэн-хан (Лингвистический ежегодник ГИИРЯ), 1955.
108. Кокуго-нэнкан Сё:ва 32 нэн-хан (Лингвистический ежегодник ГИИРЯ), 1957.
109. Кокуго-нэнкан Сё:ва 36 нэн-хан (Лингвистический ежегодник ГИИРЯ), 1961.
110. Кокуго-нэнкан Сё:ва 39 нэн-хан (Лингвистический ежегодник ГИИРЯ), 1964.
111. Кокуго-нэнкан Сё:ва 42 нэн-хан (Лингвистический ежегодник ГИИРЯ). 1967.

112. Кокумин-сэйкацу дзикан-тё:са Сё:ва 40 нэн-до (Обследование времени распределения жизненных действий народа за 1965 г.), 1966.
113. Кокурицу-кокуго кэнкю:дзё (Государственный исследовательский институт родного языка). 1962.
114. Кокурицу-кокуго кэнкю:дзё ё:ран (Обзор деятельности ГИИРЯ). 1976.
115. Курасава Эйкити. Ханасу сэйкацу то соно кё:ику (Языковое существование— говорение и обучение ему). — Кокуго ко:дза. Т. 7. 1962.
116. Кэйго то кэйгоисики (Средства выражения учтивости и их осознание). Кокурицу-кокугокэнкю:дзё хо:коку 11 (Доклад ГИИРЯ № 11). 1957.
117. Мацумура Акира. Гэнго-сэйкацу-но рэкиси (История языкового существования). — Кокуго ко:дза. Т. 7. 1962.
118. Минами Фудзио. Гэндай нихонго-но ко:дзо: (Структура современного японского языка), 1974.
119. Миядзи Хироси. Котобадзукай-но сисэй (Поза и словоупотребление). — Котоба-но сэйкацу. Т. 1. 1967.
120. Мориока Кэндзи. Ваго то канго соно гэндзё: то сё:рай (Ваго и канго — их нынешнее положение и перспективы). — «Гэнго-сэйкацу», 1965, № 10 (169).
121. Мориока Кэндзи. Гои кайдзо: (Перестройка лексики). — «Гэнго-сэйкацу». 1972, № 12 (255).
122. Мэйдзи сёки-но симбун-но ё:го (Словарь газеты начального периода правления Мэйдзи). Кокурицу-кокугокэнкю:дзё хо:коку 15 (Доклад ГИИРЯ № 15). 1959.
123. Накадзима Ясудзи. Фунэ-но гайкокуго (Иноязычные слова на флоте) —«Гэнго-сэйкацу». 1962, № 12 (135).
124. Накамура Хиёси. Рю:гэн-но синри (Психология слуха). — «Гэнго-сэйкацу» 1972, № 4 (247)
125. Наканиси Наомити. Нихондзин-но сэйкацудзикан-но хэнсэн (Изменения в распределении времени жизненных действий японцев). — «Бункэн-гэппо:» 1974, № 5

126. Нисио Минору. Нихондзин-но котоба (Речь японцев). 1962
127. Нисио Минору. Гэнго-сэйкацу-но танкю: (Исследование языкового существования). 1964
128. Нисио Минору. Гэнго-сэйкацу-ни цуйтэ итико:сацу (Некоторые соображения о языковом существовании). — «Гэнго-сэйкацу». 1964, № 3 (150).
129. Нисияма Сэн. Цу:якюдзюцу (Искусство устного перевода). '1970.
130. Нихонго-но рэкиси. 6 Атарасий кокуго-эно аюми (История японского языка Т. 6 На пути к новому языку). 1965
131. Нихондзин-но хо:со кан (Отношение японцев к вещанию). — «Бункэн-гэппо-» 1971, № 1
132. Номото Кикую. Дзайэй нихондзин-но кодомо-но гэнго-но:рёку (Языковые навыки детей японцев, проживающих в Англии)—«Кайрё:-кокугогаку» 1968, № 45
133. Огава Фумия. Нихондзин-но комюникэ:сен 1 (Коммуникация японцев Ч 1) —«Бункэн-гэппо:» 1973, № 9.
134. Огава Фумия. Нихондзин-но комюникэ:сён 2 (Коммуникация японцев Ч 2) — «Бункэн-гэппо:» 1973, № 10
135. Огава Фумия. Нихондзин-но комюникэ:сён 3 (Коммуникация японцев Ч 3) — «Бункэн-гэппо:» 1973, № 12
136. Сакамото Итиро:. Ёму сэйкацу то соно кё:ику (Языковое существование— чтение и обучение ему) — Кокуго ко:дза Т 7. 1962.
137. Сакамото Ёсихико. Докусё-о суру хито синай хито-но сэйкаку (Характер читающих людей и нечитающих) — Котоба-но сэйкацу. Т. 1. 1967
138. Сиота Норикадзу. Нихон-но гэнго-сэйсаку-но кэнкю: (Исследование языковой политики в Японии) 1973.
139. Со:го:-дзасси-но ё:го дзэмпэн (Словарь толстых журналов Ч. 1). Кокурицу-кокугокэнкю:дзё хо:коку 12 (Доклад ГИИРЯ № 12). 1957.
140. Со:го:-дзасси-ко ёго ко:хэн (Словарь толстых журналов Ч 2). Кокурицу-кокугокэнкю:дзе хо:коку 13 (Доклад ГИИРЯ № 13). 1958

141. Судзуки Кэндзи. Хо:со: ва котоба-о до: цутаэру ка (Каким образом передается речь в вещании) — Котоба-но сэйкацу. Т. 3. 1967.
142. Сякай-ко дзо: то гэнго-но канкэй-ни цуйтэ-но кисотэки кэнкю: (Изучение связи языка со структурой языкового коллектива). Кокурицу-кокугокэн-кю-дзё хо:коку 32, 35, 47 (Доклады ГИИРЯ № 32, 1968; № 35, 1970; № 47. 1973).
143. Тайгу:хё гэн-но дзиттай (Выражение обращения в повседневной речи) Кокурицу-кокугокэнкю-дзё хо:коку 41 (Доклад ГИИРЯ № 41) 1971.
144. Такахаси Таро:. Гэнго-сэйкацугаку ва сэйрицу-суру ка (Будет ли наука о языковом существовании). —«Гэнго-сэйкацу». 1964, № 3 (150).
145. Тамура Дзёсэй, Айда Тосихико. Нихондзин-но сэйкацу-ко:до: то масумэдиа (Жизненные действия японцев и средства массовой коммуникации) — «Бункэн-гэппо:» 1971, № 7.
146. Тамура Дзёсэй. Сэйкацу-ко:до:-но бунруй-ни цуйтэ (О классификации действий существования)—«Бункэн-гэппо:». 1974, № 7.
147. Танака Ясумаса. Дзё-хо:-сякай-эно ёри-ёки тэкио:-но тамэ-ни (За лучшую приспособляемость к обществу информации). — «Гэнго-сэйкацу» 1973, № 2 (257).
148. Тиики-сякай-но гэнго-сэйкацу (Языковое существование общества в провинции) Кокурицу-кокугокэнкю:дзе хо:коку 5 (Доклад ГИИРЯ № 5). 1953.
149. Тоёда Кунио. Ниппон-но кокуго-сэйсаку-но мондай (Проблемы языковой политики в Японии). —«Гэнго-сэйкацу». 1972, № 9 (252).
150. Токиэда Мотоки. Гэндайго-но токусёку (Отличительные черты современного языка) — Гэндай-но ханасиката то бунсё:. Т 1. 1962.
151. Токиэда Мотоки. Кокугогаку гэнрон (Основы японской лингвистики 19-е изд) 1963
152. Токиэда Мотоки. Гэндайго то гэндай-но гэнго-сэйкацу (Современный язык и современное языковое существование) — Ко:дза гэндайго. Т. 1. 1963.
153. Тэрэби то кокуминсэй (Телевидение и национальный характер) — «Гэнго-сэйкацу». 1973, № 9 (264).

154. Уваса-но сю:хэн (Вокруг слухов)—«Гэнго-сэйкацу» 1972, № 4 (247)
155. Умэсао Тадао. Дайни хё:дзюнгорон (Теория второго образцового языка) — Котоба-но сэйкацу. Т. 4. 1968
156. Уно Такаясу. Нихонго-но хигэки (Трагедия японского языка). 1958
157. Уэмура Юкио. Хо:гэн кё:цу:го хе:дзюngo (Диалекты, общий язык и литературный язык) — Ко:дза гэндайго. Т. 1. 1963.
158. Уэмура Юкио. Гэнго-онсэй ва нани-о цутаэру ка (Что передает языковая фонация) — Котоба-но сэйкацу. Т. 1. 1967.
159. Фудзин-дзасси-но ёго (Словарь женских журналов) Кокурицу-кокуго-кэнкю дзе хо:коку 4 (Доклад ГИИРЯ № 4), 1953.
160. Хага Ясуси. Гэнго-сэйкацу-но сюдзюсо: (Различные аспекты языкового существования) — Кокуго ко:дза Т. 7 1962.
161. Хага Ясуси. Дэнва то гэнго-сэйкацу (Телефон и языковое существование) — «Гэнго-сэйкацу». 1967, № 5 (188).
162. Хага Ясуси. Кокуго то кокуминсэй (Язык и национальный характер) — Нихондзин-но сэйкаку, 1971
163. Ханасикотоба-но бункэй 1 (Модели предложения в устной речи Ч. 1). Кокурицу-кокугокэнкю дзе хо коку 18 (Доклад ГИИРЯ № 18). 1960,
164. Ханасикотоба-ио бункэй 2 (Модели предложения в устной речи Ч. 2) Кокурицу-кокугокэнкю:дзё: хо:коку 23 (Доклад ГИИРЯ № 23). 1963.
165. Хатано Кандзи. Фудэбусе:-но синри то тирё:хо: (Психологические факторы пассивного отношения к письму и способы устранения их) — Котоба-но сэйкацу. Т. 1. 1967.
166. Хаяси Сиро: Гэнго:ко доно тайпу — бунтанрон ню:мон (Типы речевых действий. Введение в теорию стиля). 1966.
167. Хида Ёсибуми. Мэйдзи иго-но котоба-но уцурикавари (Изменение лексики в период после Мэйдзи) — Котоба-но сэйкацу. Т. 2. 1967.
168. Хида Такио. Кикү-сэйкацу то соно кёику (Языковое существование — слушание и обучение ему) — Кокуго ко:дза. Т. 7. 1962.
169. Хираи Сё:фу. Гэнго-гидзюцу-но принсипуру то тайпу (Принципы и виды техники языка) — Ко:дза нихонго. Т, 4. 1955.

170. Хираи Сё:фу. Сэттоку-ни окэру котоба то синри (Речь и психология при убеждении) —«Гэнго-сэйкацу». 1970, № 5 (224).
171. Хорикава Наоёси Мэнсэцу-но синри то гидзюцу (Психология и техника личных контактов). 1953.
172. Хорикава Наоёси. Ханасикотоба-ни окэру нихондзин-но ронри (Логика японца в устной речи). —Нихондзин-но сэйкаку. Т. 2 1971
- 173 Хо:со:-ё:горон (Теоретические проблемы словоупотребления вещания) 1975,
174. Цудзимура Акира, Ёка-дзидай-но тэрэби-о кангаэру (Размышления о значении телевизора в период отдыха) — «Минкан-хо:со:» 23.III.1974.
175. Цукахара Тэцуо. Бамэн то котоба (Ситуация и речь). — Ко:дза гэндайго. Т. 1. 1963.
176. Эгами Намио. Гэнго-ни цуйтэ (О языке). — «Сэкай». 1962, № 3 (195).
177. Barrett H. Practical Methods in Speech. New-York, 1968.
178. Ervin-Tripp S. An Issei Learns English — «Journal of Social Issues». Problems of Bilingualism Vol. 23 № 2, 1967.
179. Halliday M. A. K., McIntosh A., Strevens P. The Linguistic Sciences and Language Teaching. London, 1966.
180. Halliday M. A. K., McIntosh A. and Strevens P. The Users and Uses of Language. — Readings in the Sociology of Language. Ed. J. A. Fishman. Mouton, 1970.
181. Hayakawa S. I. Language in Thought and Action. New-York, 1949.
182. Hirschfeld A. Speech in the Classroom. New Jersey. Prentice-Hall, Inc., 1969.
183. Mackey W. F. The Description of Bilingualism. — Readings in the Sociology of Language. Ed. J. A. Fishman. Mouton, 1970.
184. Maloney M. J. Some New Directions in Rhetorical Criticism. — «Central State Speech Journal». Vol. 4. 1953.
185. Nelson W. F. The Prospect of Rhetoric. New Jersey. Prentice-Hall, Inc., 1971.

186. Ogawa D. M. and Wei den T. A. Cross-cultural Analysis of Feedback Behavior within Japanese American and Caucasian American Small Groups. — «The Journal of Communication». Vol. 22 (2 June). 1972.

187. Schramm W. et al. Television in the Lives of Our Children. Stanford University Press. 1961.

188. Ure J. N. The Theory of Register and Register in Language Teaching. Essex, 1966.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение ...3

Глава I. Особенности формирования японского национального литературного языка и их связь с проблемами речевой деятельности...9

О процессе развития японского литературного языка...9

Современный этап развития японского национального литературного языка. «Общий язык» Японии наших дней...13

Основные проблемы развития общего языка...16

Глава II. Теория языкового существования в японской лингвистике...21

Содержание теории языкового существования...21

Основные направления теории языкового существования...23

Глава III. Речевое общение человека с точки зрения языкового существования...33

Краткая история языкового существования японцев с начала периода Мэйдзи до наших дней...33

Обследование распределения жизненных действий населения Японии...36

Речевые и неречевые действия по данным теории языкового существования...40

Глава IV. Типы речевых действий...44

Правила, рекомендуемые для различных типов речевых действий...44

Соотношение устной и письменной речи в речевой деятельности и практике изучения речи в Японии...44

Классификация типов речевых действий в японской лингвистике...47

Рекомендации для действий письма и чтения...53

Рекомендации для действий говорения и слушания...57

Правила деловой и социальной коммуникации в современном японском обществе. Речевые действия в массовой информации...62

Глава V. Теория языкового существования и традиции речевой культуры Японии...73

Влияние факторов языкового существования на систему языка...73

Национальные черты речевого поведения японцев...75

Обследование речевой активности японцев...78

Исторические особенности японской речевой культуры с точки зрения филологии...85

Глава VI. Оценка японской теории речевых действий...92

Японская теория речевых действий в свете европейской риторики и поэтики...92

Японская теория языкового существования и стилистика...96

Виды и разновидности словесности и классификация актов речи в теории языкового существования...102

Приложение. Словарь терминов теории языкового существования...106

Иероглифические написания терминов теории языкового существования...138

Литература...142